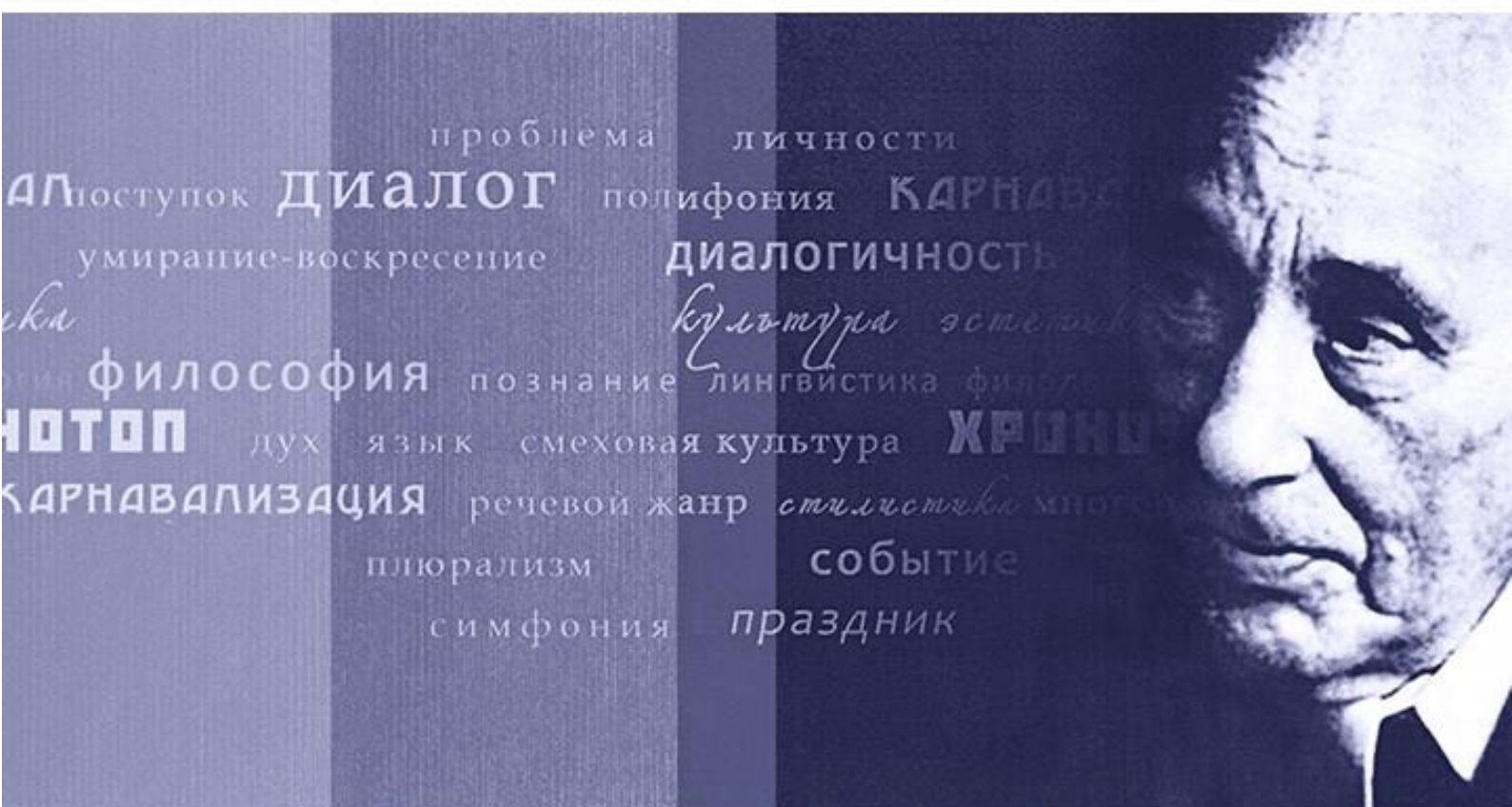

eISSN 2658-5480

БАХТИНСКИЙ ВЕСТНИК

2019

№ 2(2)

<https://bakhtin.mrsu.ru>

Содержание

Теоретические исследования

Наследие М.М. Бахтина в современном переводоведении: к вопросу о лингвокультурологических моделях передачи интертекста

Г.В. Денисова (Москва, Россия)

5

«Я и Другой» в ранних работах Михаила Бахтина: проект этического литературоведения

А. Цинк (Инсбрук, Австрия)

11

M.M. Bakhtin in Cinema and Adaptation Studies Part I. Cinema as Language and Utterance: or Why should one Re-read Bakhtin to Study Cinema

S. Mas Diaz (Барселона, Испания)

15

Диалоги

Профессор В.В. Федоров рассказывает о своих встречах с М.М. Бахтиным. Интервью

В.В. Федоров (Донецк, Украина), С.А. Дубровская, И.В. Ключева, Д.А. Меринова (Саранск, Россия)

20

Из архива

Ю.Ф. Басихин. М.М. Бахтин как ученый и человек (фрагмент из воспоминаний)

Н.И. Воронина (Саранск, Россия)

27

М.М. Бахтин – И.Д. Воронин: московская встреча 1974 года.

Публикация, вступительная статья и примечания Н.И. Ворониной (Саранск, Россия)

36

Скачать приложение

41

Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А. Бебана

Публикация, вступительная статья и примечания И.В. Ключевой (Саранск, Россия)

44

Скачать приложение

62

Обзоры, рецензии, научная хроника

После Бахтина. Новые публикации бесед и воспоминаний В.Д. Дувакина М.А. Бабушкина, С.А. Дубровская (Саранск, Россия)

90

П.Н. Медведев и его труды

Н.Л. Васильев (Саранск, Россия)

94

О подготовке собрания сочинений П.Н. Медведева

Д.А. Медведева

99

В поисках новых смыслов.

С.П. Гудкова, С.А. Дубровская, Е.А. Шаронова (Саранск, Россия)

102

К онтологии хронотопа.

А.А. Сычев (Саранск, Россия)

105

Хроника

110

Theoretical research

Mikhail Bakhtin's Heritage in the Contemporary Translation Studies:
Intertextual correspondences as a problem of literary translation

G.V. Denissova (Moscow, Russia) 5

"I and the Other" in the early works of Mikhail Bakhtin: a project of ethical
literary criticism

A. Zinc (Innsbruck, Austria) 11

M.M. Bakhtin in Cinema and Adaptation Studies Part I. Cinema as Language
and Utterance: or Why should one Re-read Bakhtin to Study Cinema

S. Mas Diaz (Barcelona, Spain) 15

Dialogs

Professor V.V. Fyodorov tells about his meetings with M.M. Bakhtin. Interview*

*V.V. Fyodorov (Donetsk, Ukraine), S.A. Dubrovskaya, I.V. Klyueva, D.A.
Merinova (Saransk, Russia)* 20

From archives

Yu.F. Basikhin. M.M. Bakhtin as a scientist and a person (a fragment from
memories)

N.I. Voronina (Saransk, Russia) 27

M.M. Bakhtin – I.D. Voronin: Moscow meeting in 1974

Publication, introductory article and notes by N.I. Voronina (Saransk, Russia) 36

[Download the app](#) 41

M.M. Bakhtin's lectures on the history of foreign literature
recorded by M.A. Beban

Publication, introductory article and notes by I.V. Klyueva (Saransk, Russia) 44

[Download the app](#) 62

Reviews, scientific chronicles

After Bakhtin. New Publications of Interviews and Memoirs of V.D. Duvakin

M.A. Babushkina, S.A. Dubrovskaya (Saransk, Russia) 90

P.N. Medvedev and his works

N.L. Vasilyev (Saransk, Russia) 94

On preparation of the collected works of P.N. Medvedev

D.F. Medvedeva (St. Petersburg, Russia) 99

In search of new meanings

S.P. Gudkova, S.A. Dubrovskaya, E.A. Sharonova (Saransk, Russia) 102

To the Ontology of Chronotope

A.A. Sychev (Saransk, Russia) 105

[Chronicle](#) 110

Наследие М.М. Бахтина в современном переводоведении: к вопросу о лингвокультурологических моделях передачи интертекста

© 2019 Г.В. Денисова

*Денисова Галина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы департамента филологии, литературоведения и языкознания Государственного Пизанского университета; доцент кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: galina.denisova@unipi.it*

Государственный Пизанский университет. Пиза, Италия
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются лингвокультурологические модели передачи интертекстуальных элементов на материале переводов русской литературы на итальянский язык и итальянской литературы на русский язык. Утверждается, что переводческие стратегии зависят от особенностей исходного текста («образцового читателя»), от характера предполагаемого «эмпирического читателя», а также от общего состояния принимающей культуры и имеют целью порождение принципиально нового и непредсказуемого «третьего» интертекстуального пространства – «генератора новых смыслов».

Ключевые слова: интертекстуальность, принимающая культура, межкультурная коммуникация, переводческие стратегии, лингвокультурологические модели, интертекстуальные элементы, национальные лингвокультурные единицы.

Несмотря на то что М.М. Бахтин в своей концепции специально не затрагивает вопросов перевода, его идеи по проблематике текста как высказывания необычайно важны для современного переводоведения. В частности, очень важна мысль ученого, что «прошлые смыслы» никогда не могут быть раз и навсегда конечными, они всегда будут меняться, обогащаясь новыми смыслами в ходе будущего развития диалога, при этом «в любой момент... они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [1, с. 434–435].

Понимание перевода как интерлингвистического феномена в современной теории перевода сменилось его рассмотрением в качестве феномена интертекстуального. Особое внимание стало уделяться социальной и культурологической функциям переводческой деятельности [16, с. 110], а также той роли, которую играет переводной текст, вводя формальные и тематические новшества в принимающую культуру [12, с. 225].

Говоря о возможностях и способах передачи интертекстуальных знаков в «другую» лингвокультуру, необходимо исходить из того, что сама культура интертекстуальна, и переводческий процесс основывается на выявлении межтекстовых отношений как в рамках одной культуры, так и в межкультурном общении.

Традиционно при передаче интертекстуальных знаков в художественном переводе выбирается либо стратегия адаптации, либо метод «отчуждения», которые восходят к идеям Ф. Шлейермахера и были подробно описаны Л. Венути («domestication»/«foreignization» в терминологии последнего [19]).

В истории русской переводной литературы М.Л. Гаспаров выделяет пять периодов: XVIII в. (первый период) – эпоха вольного перевода, «склонявшего на русские нравы» как содержание, так и форму иностранных литературных произведений. Романтизм (второй период) – время точных переводов. Реализм XIX в. (третий период) – эпоха вольного, «приспособительного», перевода. Модернизм начала XX в. (четвертый период) –

возвращение к программе точного перевода, ставящего целью обогатить привычки читателя применительно к иностранной литературе (все современники В.Я. Брюсова в поэзии от К.Д. Бальмонта до М.Л. Лозинского). Наконец, советский период (пятый) – реакция на буквализм со спросом на традиционные ценности русской культуры [3]. К выделенным М.Л. Гаспаровым периодам следует добавить еще один – период послеперестроечный. Б.В. Дубин рассматривает его как прямое следствие предыдущего: «В этом смысле сегодняшняя ситуация – не вывих, а прямой результат всей вчерашней системы, ее многолетней и ежедневной работы. Если ограничивать культуру задачами Наробраза, Минкульт и Госкомиздата, ничего другого и не получится. Последний реликт просвещенческой идеологии под нашими небесами, тогдашний расчет всех этих служб на читателя-дурака, которому-де нужно “попроще”, который, мол, “не поймет” и т. д., дал свои плоды, и винить тут, кроме себя, некого. Тот читатель вырос. Сегодня он взялся за перо» [6, с. 295].

Предложенная периодизация в целом соответствует этапам развития образования с чередованием распространения культуры «вширь» или «вглубь». «Вширь» означает, что культура захватывает новый слой общества быстро, в упрощенных формах, как общее знакомство, а не внутреннее усвоение. «Вглубь» подразумевает, что углубленное знакомство с культурой, ее усвоение творческое, а проявления более сложные [3, с. 129].

Основополагающим, таким образом, становится определение адресата переводного произведения. Перевод буквалистский ориентируется на узкий круг читателей и призван максимально точно воспроизводить особенности лингвокультуры исходного текста (примером может служить перевод В.В. Набокова на английский язык «Евгения Онегина»). В этом случае передача интертекстуальных знаков связана с их научным комментированием и имеет много общего с критическим изданием произведения.

Вопреки сложившемуся предопределению по отношению к термину «буквализм», М.Л. Гаспаров разрабатывает и использует его как научное понятие: «Буквализм – не бранное слово, а содержательное научное понятие. Перевод есть всегда равнодействующая между двумя крайностями – насилием над традициями своей литературы в угоду подлиннику и насилием над подлинником в угоду традициям своей литературы. Насилие первого рода обычно и называется буквализмом; насилие второго рода иногда пытается именоваться творческим переводом. <...> “Буквалистский” еще не значит “плохой”, “творческий” еще не значит “хороший”» [3, с. 126–127].

«Буквализм» видится М.Л. Гаспаровым как искусство взаимопонимания между людьми и общественными группами, как диалог, ведущий к образованию общего поля и к расширению возможности понимания другого как особой формы постижения мира, что перекликается с основными положениями философской герменевтики Х.-Г. Гадамера [2, с. 48; см. также: 18, с. 167].

Распространение культуры «вширь» в терминах теории перевода предполагает адаптацию исходного текста к семиотическому универсуму принимающей культуры, что предусматривает сокращение культурной дистанции и облегчение понимания исходного текста получателем. В данном случае передача интертекста имеет целью воссоздание новых интертекстуальных отношений, поскольку предполагается, что перевод функционирует в принимающей культуре в качестве самостоятельного произведения.

Попытка построения универсальной модели передачи интертекстуальных элементов была предпринята П. Торопом, который предложил включать в теоретический проект перевода следующие параметры: поэтику интертекста как системы разных типов представленности «чужих» текстов в творчестве переводимого писателя; поэтику интертекста как комбинации нескольких интертекстов; поэтику «своего-чужого», рассматриваемую на универсальном, национальном (социальном), индивидуальном (психологическом) уровнях; по-этику источников в том случае, если переводимый писатель строит иерархию «чужих» текстов [8, с. 138–142]. Исходя из того, что интертекстуальность поддается анализу как интертекстуальный семиозис, для передачи интертекстуальных элементов Тороп предложил два основных способа – «перекодировку» и

«транспонирование»: доминантой перевода перекодирующего типа объявляется план выражения; доминантой транспонирующего перевода – план содержания [17, с. 345–362].

Схематично интертекстуальные трансформации при переводе могут быть представлены следующим образом: 1) притом что некая универсальная интертекстуальная энциклопедия требует разработки, в культурах может быть зафиксирован один и тот же интертекстуальный феномен (при этом важным оказывается степень тождественности восприятия интертекста); 2) одно и то же значение выражается в культурах при помощи разных интертекстов (при этом важным оказывается степень тождественности значения интертекста); 3) в одной из сопоставляемых культур эквивалентного по значению и по функционированию интертекста не существует (ниша интертекста существует, но не занята). На основе сказанного с теоретической точки зрения типология интертекстуальных переводных эквиваленций может быть представлена конгруэнтным переводом, когда интертекст присутствует одновременно в нескольких лингвокультурах: обычно это относится к интертекстам, входящим в универсальную энциклопедию (модель «КОНГР»); дивергентным переводом, при котором интертекст одной лингвокультуры передается в рамки другой лингвокультуры интертекстом, представляющим собой функционально-адекватный переводной эквивалент (модель «ДИВЕРГ»); дословным переводом (модель «ДОСЛ»), когда интертекст иноязычной культуры вводится в принимающую культуру с целью ее развития «вглубь»; описательным переводом (модель «ZERO»): интертекст при переводе утрачивается.

Модель «КОНГР» предполагает фиксацию отличий исходной культуры от культуры принимающей, которые могут объясняться в предисловии, послесловии или в примечаниях переводчика. Эта модель нашла широкое распространение в переводческой практике при передаче интертекстуальных знаков по схеме «дословный перевод + комментарий». В результате реализации этой модели, однако, маркированная как «чужое слово» часть текста превращается в нейтральный фон, что ведет к утрате семантической емкости высказывания и к отказу от диалектической игры, лежащей в основе функционирования интертекста.

Отчасти преодолеть, но не полностью аннулировать дистанцию между исходной культурой и культурой принимающей позволяет использование модели «КОНГР» с приемом компенсации. Например, в следующем отрывке из «Компромисса» С.Д. Довлатова содержится аллюзия на «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского:

«Люди начинали анализировать свое поведение. Лихорадочно придумывая спасительные ходы. Путаться в нагромождении бессмысленных уловок. Мучительно ожидание превращало их в дрожащих тварей. Этого-то генерал и дожидался» [5, с. 293].

В первом переводе «Компромисса» С.Д. Довлатова на итальянский язык, вышедшем в издательстве «Sellerio» в 1996 г., знаменитое выражение Раскольников Л. Сальмон передала дословно (модель «КОНГР»):

«Cominciavano ad analizzare il proprio comportamento. A pensare febbrilmente a una mossa che potesse salvarli. A perdersi in un ammasso di sotterfugi insensati. La tormentosa attesa li trasformava in creature tremebonde. E queste erano le intenzioni del generale» [13, с. 166].

В переиздании же перевода при передаче интертекста прослеживается прием компенсации с целью его экспликации:

«Cominciavano ad analizzare il proprio comportamento. A pensare febbrilmente a una mossa che potesse salvarli. A perdersi in un ammasso di sotterfugi insensati. La tormentosa attesa li trasformava in personaggi da delitto e castigo (героев преступления и наказания. – Г.Д.). E queste erano le intenzioni del generale» [14, с. 192].

Наиболее дискуссионной представляется модель «ДИВЕРГ». Ее сторонником был У. Эко, который настаивал на замене адекватно-функциональным эквивалентом принимающей культуры широко известных в рамках исходной культуры интертекстуальных знаков. Например, в «Открытом письме переводчикам “Острова накануне”» писатель выразил следующее пожелание: «Я воспроизвел репертуар выражений европейского барокко <...> Важно одно – чтобы в собственной литературе вы нашли вдохновение для того, чтоб писать

в стиле барокко» [9, с. 486].

Иллюстрацией модели «ДИВЕРГ», в основе которой лежит стратегии адаптации, может служить, например, следующий отрывок из перевода на русский язык «Маятника Фуко». Исходный текст содержит аллюзию на строчки из философского стихотворения итальянского поэта Дж. Леопарди «L'infinito» (1819) («Бесконечность»), которые являются сильным интертекстом для итальянской лингвокультуры¹:

«Ma tra picco e picco si aprivano orizzonti interminati – al di là della siepe, come osservava Diotallevi, verbalizzando giudiziosamente le nostre scoperte» [11, с. 355].

Интертекст «al di là della siepe» (известная для итальянского читателя строчка «Изгородь, отнявшая у взгляда...») в переводе Е.А. Костюкович на русский язык заменяется на «прекрасное далеко», восходящее к рефрену из песни Е.П. Крылатова из фильма «Гостья из будущего», которое в данном контексте функционирует как псевдоинтертекст, создавая ассоциацию с поэтическим восприятием мира вообще:

«Дали между пиками казались неизмеримыми – прекрасное далеко, подытожил Диоталлеви, умевший находить формулировки для наших общих тем» [10, с. 397].

Интересную стратегию, объединяющую модели «КОНГР» и «ДИВЕРГ», описывает М.Л. Гаспаров [4, с. 322–323], анализируя собственный опыт работы над переводом центонов Авсония. Поскольку художественный эффект центонов построен на том, что одно и то же полустиие в новом контексте воспринималось римским читателем на фоне воспоминаний о старом контексте, предлагается переводить по несколько строчек из Вергилия к каждому полустиию центона с тем, чтобы полустиие звучало так же, но означало нечто иное. Описанная стратегия направлена на помощь читателю, но не в виде примечания или компенсации, а как намек, приглашающий к размышлению.

Модель «ZERO» предполагает снятие слишком тесно связанного с определенной культурой интертекста. В своей английской версии автобиографии Набоков, например, жертвует хрестоматийной для русской национальной энциклопедии эксплицитной аллюзией:

«Пора моих онегинских забот длилась недолго, но живо помню, как было приятно открывать существование рубашек с пришитыми воротничками и необязательность подвязок» [7, с. 274].

«By that time my youthful preoccupation with clothes was on the wane, but it did seem rather a lark, after the formal fashions in Russia, to go about in slippers, eschew garters, and wear one's collar sewn into one's shirt – a daring innovation in those days» [15, с. 160].

Эта же модель реализуется при передаче в иноязычную лингвокультуру более сложных интертекстуальных явлений. Речь идет прежде всего о гипертекстуальности, понимаемой как пародирование одним текстом другого, при котором задействуются самые разные типы интертекстуальных знаков и связей. Большую сложность для перевода на итальянский язык представляют, например, произведения мастера имитации В.Г. Сорокина по причине базовой для концептуалистов стилистической интертекстуальности, которая в большинстве случаев не имеет эквивалента в принимающей культуре. Тем не менее манипулирование стереотипными ситуациями и расхожими выражениями, призванное раскрыть подсознание общества, достаточно актуально и для современной итальянской литературы, в частности для творчества таких писателей, как А. Нове, Т. Скарпа или Н. Амманнати, получивших название «Каннибалы». Поэтому описываемые в текстах Сорокина ситуации и произносимые в этих ситуациях типичные фразы в полной мере могут передаваться посредством итальянских речевых клише.

Проблему передачи отсутствующих в принимающей культуре стилей обозначил Гас-

¹ «Sempre caro mi fu quest'ermo colle, / E questa siepe, che da tanta parte/Dell'ultimo orizzonte il guardo esclude. / Ma sedendo e mirando, interminati / Spazi di là da quella, e sovrumani / Silenzi, e profondissima quiete/ Io nel pensier mi fingo; ove per poco / il cor non si spaura <...>» (G. Leopardi «L'infinito». 1819) [«Всегда был мил мне этот холм пустынный / И изгородь, отнявшая у взгляда / Большую часть по краю горизонта. / Но, сидя здесь и глядя вдаль, пространства / Бескрайние за ними, и молчанье / Неведомое, и покой глубокий / Я представляю в мыслях; оттого / Почти в испуге сердце <...>»; Дж. Леопарди «Бесконечность»; пер. А.А. Ахматовой].

паров, исследуя сложную задачу создания нового русского стиля для передачи не имеющих аналогов стилей античной литературы. Как на возможность их передачи ученый указывает на необходимость обращения к сложившейся переводческой традиции. В работе, посвященной В.Я. Брюсову как переводчику, Гаспаров отмечает, что титанический эксперимент поэта при переводе Вергилия не пропал даром и что «после него уже нельзя было переводить античный поэтов так, как до него, и пример его повлиял даже на практику таких переводчиков, которые вовсе не склонны к его (Брюсова. – Г.Д.) творческим крайностям» [3, с. 127].

Вопрос о переводческом каноне затрагивается здесь в связи с тем, что его принятие/не-принятие может радикальным образом сказаться при попытке передачи интертекстов, поскольку при обращении к «чуждому» слову, заимствованному из уже существующего перевода, делается сознательный шаг в сторону интертекстуальности. Со сложившейся в рамках принимающей культуры переводческой традиции неразрывно связано и понятие поэтической парадигмы, которое в условиях отсутствия предыдущего литературного опыта просто теряет смысл.

С теоретической точки зрения интертекстуальные элементы в художественном переводе следует рассматривать как лингвоспецифичные единицы, которые могут передаваться 1) средствами принимающей лингвокультуры; 2) дословно с комментарием, в результате чего они, как правило, остаются «чуждыми» для принимающей лингвокультуры элементами; 3) дословно и без комментария: в этом случае интертексты переходят в принимающей лингвокультуре в нейтральный пласт и нарушается основной для интертекста критерий его перцептивной и продуктивной маркированности; 4) описательным способом с использованием приема компенсации; 5) путем обращения к сложившемуся в рамках принимающей культуры переводческому канону.

Переводческие стратегии зависят от особенностей исходного текста, ориентирующегося на «образцового читателя», от характера предполагаемого «эмпирического читателя», а также от общего состояния принимающей культуры и имеют целью порождение принципиально нового и непредсказуемого «третьего» интертекстуального пространства, способного в рамках иноязычного культурного сообщества становиться «генератором новых смыслов».

1. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2002. С. 371–438.
2. Гадамер Х.-Г. Язык и понимание. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
3. Гаспаров М.Л. О стихах. М.: Языки рус. культуры, 1997. 504 с.
4. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 388 с.
5. Довлатов С. Компромисс // Собрание прозы в трех томах. СПб: Лимбус-пресс, 1993. Т. 1. С. 175–324.
6. Дубин Б.В. Слово-письмо-литература. М.: Новое лит. обозр., 2001. 416 с.
7. Набоков В.В. Другие берега // Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. IV. С. 133–302.
8. Торон П. Тотальный перевод. Тарту: Тартус. ун-т, 1995. 220 с.
9. Эко У. Остров накануне. СПб: Симпозиум, 1999. 576 с.
10. Эко У. Маятник Фуко. СПб: Симпозиум, 2000. 832 с.
11. Eco U. Il pendolo di Foucault. Milano: Bompiani, 1999. 704 p.
12. Even-Zohar I. La posizione della letteratura tradotta all'interno del polisistema letterario // Teorie contemporanee della traduzione. Milano: Bompiani, 1995. P. 225–238.
13. Dovlatov S. Compromesso. Palermo: Sellerio, 1996. 208 p.
14. Dovlatov S. Compromesso. Palermo: Sellerio, 2000. 230 p.
15. Nabokov V. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. N.Y.: Vintage International, 1989. 158 p.
16. Toury G. Comunicazione e traduzione. Un approccio semiotico // Teorie contemporanee della traduzione. Milano: Bompiani, 1995. P. 103–119.
17. Torop P. Towards the semiotics of translation // Semiotica. 2000. № 3/4. P. 597–609.
18. Vattimo G. Le avventure della differenza. Che cosa significa pensare dopo Nietzsche e Heidegger.

Milano: Garzanti, 2001. 201 p.

19. Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. L.: Routledge, 1995. 246 p.

Mikhail Bakhtin's Heritage in the Contemporary Translation Studies: Intertextual correspondences as a problem of literary translation

© 2019 G.V. Denissova

Galina V. Denissova, PhD, Associate professor, the Department of Philology, Literature and Linguistics, Pisa State University; associate professor, the Faculty of Psychology at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: galina.denissova@unipi.it

Pisa State University. Pisa, Italy Lomonosov
Moscow State University. Moscow, Russia

Annotation. The present paper discusses some theoretical and practical problems of intertextuality as a specific textual category for the theory and practice of translation and factors that influence the comprehension of intertextual elements. The author is going to show that the translation strategies are aimed at generating a specific intertextual «third» space to facilitate in-tercultural communication. Material for the study has been supplied by the translations of Russian Literature into Italian and Italian Literature into Russian.

Keywords: intertextuality, linguo-cultural models, intertextual correspondence, translation, intercultural communication.

1. Bahtin M.M. Rabochie zapisi 60-h – nachala 70-h godov // Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij*. T. 6. M., 2002. S. 371–438.

2. Gadamer H.G. *Yazyk i ponimanie. Aktual'nost' prekrasnogo*. M.: Iskusstvo, 1991. 368 s.

3. Gasparov M.L. *O stihah*. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1997. 504 s.

4. Gasparov M.L. *Zapisi i vypiski*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 388 s.

5. Dovlatov S. *Kompromiss* // *Sobranie prozy v trekh tomah*. SPb: Limbus-press, 1993. T. 1. S. 175–324.

6. Dubin B.V. *Slovo-pis'mo-literatura*. M.: Novoe lit. obozr., 2001. 416 s.

7. Nabokov V.V. *Drugie berega* // *Sobranie sochinenij: v 4 t.* M.: Pravda, 1990. T. IV. S. 133–302.

8. Torop P. *Total'nyj perevod*. Tartu: Tartu. un-t, 1995. 220 s.

9. Eko U. *Ostrov nakanune*. SPb: Simpozium, 1999. 576 s.

10. Eko U. *Mayatnik Fuko*. SPb: Simpozium, 2000. 832 s.

11. Eco U. *Il pendolo di Foucault*. Milano: Bompiani, 1999. 704 r.

12. Even-Zohar I. *La posizione della letteratura tradotta all'interno del polisistema letterario* // *Teorie contemporanee della traduzione*. Milano: Bompiani, 1995. P. 225–238.

13. Dovlatov S. *Compromesso*. Palermo: Sellerio, 1996. 208 p.

14. Dovlatov S. *Compromesso*. Palermo: Sellerio, 2000. 230 p.

15. Nabokov V. *Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. N.Y.: Vintage International, 1989. 158 p.

16. Toury G. *Comunicazione e traduzione. Un approccio semiotico* // *Teorie contemporanee della traduzione*. Milano: Bompiani, 1995. P. 103–119.

17. Torop P. *Towards the semiotics of translation* // *Semiotica*. 2000. № 3/4. P. 597–609.

18. Vattimo G. *Le avventure della differenza. Che cosa significa pensare dopo Nietzsche e Heidegger*. Milano: Garzanti, 2001. 201 p.

19. Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. L.: Routledge, 1995. 246 p.

«Я и Другой» в ранних работах Михаила Бахтина: проект этического литературоведения

© 2019 А. Цинк

*Цинк Андреа, доктор наук, профессор по славянскому
литературоведению, директор института славистики Инсбрукского
университета, Австрия.
E-mail: andrea.zink@uibk.ac.at*

Институт славистики Инсбрукского университета, Австрия

Аннотация. В своих ранних исследованиях М.М. Бахтин разработал архитектуру мира поступка, основанную на двух столпах: Я и Другой. В художественном тексте эта архитектура реализуется в обращении автора к своему герою, а также во взаимозависимости героев. Бахтин подтвердил свои философско-эстетические тезисы на примере лишь немногих литературных текстов. Интерпретацией короткого рассказа И.С. Тургенева «Шен» автор статьи показывает, каким образом ранняя эстетика Бахтина может быть использована в литературоведении, а именно в нарратологии.

Ключевые слова: архитектура мира поступка, кругозор, окружение, эстетическая деятельность, нарратология.

В одном из своих ранних исследований под названием «Автор и герой в эстетической деятельности» (1924) М.М. Бахтин, в отличие от более поздних своих работ, в том числе хрестоматийного труда «Проблемы творчества Достоевского» (1929), анализирует этически значимое отношение автора к своему герою. Это отношение он объясняет онтологической разницей между Я и Ты, то есть настаивает на абсолютно разных положениях Я и Ты, иными словами, Я и моим визави, Другим.

Уже в сочинении «К философии поступка», работе, написанной между 1918 и 1924 гг. и сохранившейся во фрагментах, Бахтин описывает экзистенциальную базовую ситуацию человека. Более радикальный, в отличие от многих своих современников, но в соответствии с общей этической направленностью философии, в том числе неокантианской теории познания, Бахтин рассматривает конкретного действующего человека как исходную точку своих философских размышлений. Он формулирует постулат об «архитектуре действительного мира поступка» [3, с. 67], в который человек с самого начала впущен, к которому он вынужден приспособиться и которым определяются его действия. Архитектура, из которой исходит Бахтин, покоится на двух столпах: Я и Другой, из чего вытекают три основных возможных отношения: 1) Я по отношению к самому себе (я-для-себя); 2) Другой, могущий иметь отношение к Я (другой-для-меня); 3) Я, имеющий отношение к Другому, причем это последнее отношение (я-для-другого) является решающим для последующих действий [5, с. 49, 50].

Свои размышления об экзистенциальной ситуации человека Бахтин представляет несколько более подробно в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». В то время как у Я, как показывает ход аргументации, есть кругозор, то есть Я видит перед собой совершенно открытый мир и потенциально бесконечное будущее, в котором он вынужден ориентироваться, у Другого – из перспективы Я – имеется окружение (он окружен Я). Глядя на Другого, Я может видеть то, что Другому недоступно (спину Другого, если приводить пространственный пример; смерть Другого, если приводить временной пример). Я, в отличие от Другого, снабжено избытком видения [1, с. 95, 104], знанием, но также и специфической эмоциональностью. Следовательно, это отношение не следует понимать как исключительно авторитарное, иерархическое, оно может проявиться и в любви. Бахтин использует образ объятия, чтобы подчеркнуть разницу между Я и Другим. Я всегда обнимаю Другого (Другую), но никогда не самого или саму себя – меня, в свою очередь, тоже обнимают.

Каким же образом художественно-эстетическая деятельность проявляет себя в отношении к архитектуре существования? Каким образом художник воплощает

фундаментальное требование равнодушного действия в жизни? Художественная деятельность, как весьма недвусмысленно отвечает Бахтин в работе «К философии поступка», оправдывает это требование к действию лишь отчасти. Художник действует как бы «вполсилы» или как минимум не напрямую, так как он скрывается за своим произведением, будь то картина или стихотворение. Мастер и его творческий поступок остаются в равной мере вне произведения, поэтому, по Бахтину, мир искусства не связан с миром поступков – Бахтин на этом этапе своего творчества едва ли думает об отношении художника к реципиенту, читателю.

Позиция художника, точнее говоря автора, характеризуется его внеаходимостью, определенным расстоянием от изображаемого. Поначалу Бахтин интерпретирует эту внеаходимость как недостаток, но в работе «Автор и герой...» уже явно подчеркиваются ее положительные стороны. Бахтин оставляет работу над своим проектом «Философия поступка» и вместо этого находит свою настоящую сферу исследования – в области *этически обоснованной эстетики*. Искусство, особенно художественная литература, служит ему в этом превосходным примером, так как она в состоянии создавать достоверные образы живых людей с их безграничными желаниями и стремлениями, с их заботами и конфликтами, то есть с их собственными кругозорами и поступками. Таким образом, писатель через свою деятельность хоть и не может *воплотить* архитектуру мира поступков, но может ее *сконструировать, создать, представить*. И в представлении, в форме произведения, не в последнюю очередь отражается один из ведущих постулатов онтологии Бахтина: отношения между Я и Другим (я-для-другого) как отношение автора к своему герою.

В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин детальнейшим образом описывает онтологическую разницу между Я и Другим вместе с их этическими импликациями; он приводит примеры и уделяет особое внимание феноменам тела и смерти, поскольку тело и смерть возможно зарегистрировать только относительно Другого (другого человека). Свою собственную смерть я не могу осознать, свое тело могу рассмотреть лишь отчасти и только используя вспомогательные средства. Онтологическая разница приносит с собой различные возможности перспектив и ограничений. Они становятся очевидными прежде всего в литературных текстах, так что раннюю эстетику Бахтина можно прочитывать как нарратологию, в которой именно перспектива играет решающую роль. Аргументы Бахтина отличаются от более поздней структуралистской позиции акцентом на оценивающем отношении автора к своим героям; кроме того, Бахтин впервые провозглашает игру перспектив между героями, обмен и конфронтацию фигур-кругозоров.

На примере лирического рассказа «Щи» (1878) из сборника «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева можно как минимум наметить некоторые интерпретационные стратегии, выводимые из ранней эстетики Бахтина. Это небольшое произведение будет процитировано здесь полностью.

«У бабы-вдовы умер ее единственный двадцатилетний сын, первый на селе работник.

Барыня, помещица того самого села, узнав о горе бабы, пошла навестить ее в самый день похорон.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, перед столом, она, не спеша, ровным движеньем правой руки (левая висела плетью) черпала пустые щи со дна закоптелого горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнело; глаза покраснели и опухли... но она держалась истово и прямо, как в церкви.

«Господи! — подумала барыня. — Она может есть в такую минуту... Какие, однако, у них у всех грубые чувства!»

И вспомнила тут барыня, как, потеряв несколько лет тому назад девятимесячную дочь, она с горя отказалась нанять прекрасную дачу под Петербургом и прожила целое лето в городе!

А баба продолжала хлебать щи. Барыня не вытерпела наконец.

Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как у тебя не пропал аппетит? Как можешь ты есть эти щи!

Вася мой помер, — тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. — Значит, и мой пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они

посоленные.

Барыня только плечами пожала — и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево» [3, с. 174].

Пожалуй, не может быть сомнения в том, что текст с его заключительным предложением является моральным приговором. Хотя речь идет лишь о цене соли и о невозможности заплатить за нее, барыня – имплицитно – упрекается в отсутствии чуткости к другому человеку. Из экономического положения героинь следует определенный свойственный им кругозор, определенная эмоциональность и специфические ограничения, с которыми каждая из них воспринимает Другого или Другую.

Так, кругозор барыни может быть описан следующим образом: смерть ее ребенка связана для нее с горем; причем слово «горе» особо подчеркнуто посредством повтора в тексте. Для барыни горе выражается в необходимости отказаться от чего-то хорошего («с горя отказалась»): она отвергала поездку на дачу и вместо этого вынуждена была переносить неприятности, то есть «прожила целое лето» в Санкт-Петербурге. Кроме того, по ее представлению, горе сопровождается потерей аппетита. Других реакций на смерть ребенка барыня не знает и не рассматривает их в качестве возможных форм печали: она воспринимает бабу с осуждением, к тому же обобщенным («Какие, однако, у них у всех грубые чувства!»). Ко «всем этим» барыня в любом случае не хочет принадлежать.

В отличие от барыни, баба со смертью сына, как кажется, потеряла все возможные горизонты. Она приводит сравнение со смертной казнью («с живой с меня сняли голову»). Слово «горе» не представляется адекватным для описания ее эмоционального состояния, оно кажется слишком слабым для выражения того, что она переживает. В ее поступках выражается не только любовь к погибшему сыну, которого она ласково называет («Вася мой»), но и любовь и уважение сына к матери. Вася, как мы узнаем в начале текста, был «первым работником на селе»; с экономической точки зрения, он, скорее всего, отвечал за наличие соли в щах, ведь соль в описываемое Тургеневым время являлась ценным, дорогостоящим продуктом. На это обращает наше внимание и последнее предложение в тексте. Работая, Вася приносил деньги, сын и мать могли позволить себе соль, чем значительно улучшалось их питание. Механическое хлебание соленого супа видится в этой связи как последнее доказательство любви матери к сыну и наоборот: сына к матери.

Кругозоры героинь, уже в параллельности их описания различно оцененные, находятся, в свою очередь, «в объятиях автора». Обращает на себя внимание физическая характеристика вдовы: в трогательной манере, используя религиозные мотивы, рассказчик рисует глубокую скорбь матери. Он отмечает ее распухшее лицо, слезы, механические движения. Описание пронизано уважением и сочувствием наблюдателя.

Барыне же рассказчик, напротив, не уделяет никакого внимания. Эта героиня характеризует себя сама – через прямую речь. Несмотря на то, что ее внутренний мир, ее переживания показаны более подробно через несобственно-прямую речь («она... прожила целое лето в городе! А баба продолжала хлебать щи»), это производит неприятное впечатление: барыня вряд ли вызывает симпатию читателя. Техника персонального повествования, которая, как правило, ближе знакомит нас с героями, не может оставить незамеченным содержание – высокомерие барыни. Ее основная черта – эгоизм, она живет по принципу «я-для-себя». За это одностороннее мировосприятие автор особо упрекает ее в конце текста. Его оценивающее окружение можно заметить в кратком телесном описании: «Барыня только плечами пожала – и пошла вон». Этим физически подчеркнутым непониманием барыни очень точно выражен ее ограниченный, сфокусированный на себе горизонт. Поэтому мы, читатели, не следуем за ней, а, напротив, солидаризируясь с Тургеневым, как будто «гоним» ее из дома и из текста.

Этическая эстетика Бахтина может адекватно описать наше настроение и оценку, возникающие после прочтения данного произведения Тургенева – по крайней мере, лучше, чем доминировавшие в 1920-е гг. формалистские литературные исследования, а также лучше, чем появившийся позже структурализм. В своих ранних работах Бахтин предвосхищает продуктивно ориентированную нарратологию, как ее, например, определил Уэйн Бут в «Риторике художественной литературы» (1961) [см.: 4].

Тот факт, что Бахтин с 1929 г. изменяет направление своих исследований и прощается

с автором как центральной инстанцией литературного анализа, не умаляет заслуг ранних его работ. Этико-эстетические категории анализа, представленные, в частности, в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» могут обогатить литературоведение в будущем.

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. М. 2003. С. 69–263.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. М. 2003. С. 7–68.
3. Тургенев И. С. Щи // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 13. М.; Л. 1967. С. 174.
4. Booth W. The Rhetoric of Fiction. Chicago, 1961.
5. Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen, 1984.
6. Rickert H. Der Gegenstand der Erkenntnis. Tübingen, 1904.

“I and the Other” in the early works of Mikhail Bakhtin: a project of ethical literary criticism

© 2019 A. Zinc

*Zinc Andrea, Ph.D., professor of Slavic literary criticism,
Director of the Institute of Slavic Studies, University of Innsbruck, Austria.
Email: andrea.zink@uibk.ac.at*

Institute of Slavic Studies, University of Innsbruck, Austria

Annotation. In his early studies, M.M. Bakhtin developed the architectonic of the act, based on two pillars: I and the Other. In literary text, this architectonic is realized in the author's appeal to his hero, as well as in the interdependence of the heroes. Bakhtin confirmed his philosophical and aesthetic theses on the example of only a few literary texts. By interpreting a short I.S. Turgenev's story “Cabbage-soup” author of the article shows how Bakhtin's early aesthetics can be used in literary criticism, namely in narratology.

Keywords: architectonics of the act, horizon, environment, aesthetic activity, narratology.

1. Bahtin M.M. Avtor i geroj v esteticheskoy deyatel'nosti // Bahtin M.M. Sobr. soch. T. 1. M. 2003. S. 69–263.
2. Bahtin M.M. K filosofii postupka // Bahtin M.M. Sobr. soch. T. 1. M. 2003. S. 7–68.
3. Turgenev I.S. Shchi // Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 t. T. 13. M.; L. 1967. S. 174.
4. Booth W. The Rhetoric of Fiction. Chicago, 1961.
5. Heidegger M. Sein und Zeit (1927). Tübingen, 1984.
6. Rickert H. Der Gegenstand der Erkenntnis. Tübingen, 1904.

M.M. Bakhtin in Cinema and Adaptation Studies
Part I. Cinema as language and utterance:
or why should one re-read Bakhtin to study cinema

© 2019 S. Mas Diaz

Sergio Mas Diaz, professor at the University of Barcelona, Spain
E-mail: sergiomasdiaz@gmail.com

University of Barcelona, Spain

Annotation. M.M. Bakhtin didn't wrote about cinema but his works and those signed by his friends P.N. Medvedev and V.N. Voloshinov would be later read as a source of inspiration to think of cinema as language in a new way, both by studies dealing with cinema semiotics itself and also by those exploring the links between cinema and literature through the analysis of adaptations (as we will see in the last years the study of cinematic adaptations of literary works has developed into a whole discipline of its own and Bakhtin ideas were pivotal in helping scholars of this discipline to go beyond the dilemmas about "fidelity"). We will sketch here these two developments in two separate parts, although some of the scholars involved in both discussions might be the same. By examining this debates we will find new evidence of the potential of the Bakhtin circle's theories to understand not only literary texts but any cultural process.

Keywords: M.M. Bakhtin, Bakhtin circle, theory of cinema, cinema as language, cinema semiotics.

The theory of cinema began to develop very fast and simultaneously in different countries during the interwar period. Louis Delluc published in France *Photogenie* (1920) [3], Bela Balazs published in 1924 in Germany *Der sichtbare Mensch* [1] and the Russian formalists, Eisenstein and D. Vertov began to publish articles in the LEF (the Left Front of the Arts) journal since 1923 and soon an anthology *Poetika kino* was published in 1927 with articles by B. Eikhenbaum, Yu. Tynianov, V. Shklovski [17]. (Tynianov was not only a theorist but a scenarist too, and Shklovski, friend of Eisenstein, would later write about him a monograph.) This formalist approach had become the basis of mainstream theories of cinema in the 1960s.

The formalism of the thirties would be later complemented by the sociological readings of Siegfried Kracauer in his books on German cinema [5, 6, 7], but in the sixties, formalism emerged again as the mainstream approach to film studies: the works by semiotician Christian Metz [8, 9, 10] became popular in France, UK and Italy in the sixties where Eco and Pasolini were also exploring cinema as language. The search for an alternative to formalism began to increase in literary as well as in semiotics studies. Born as a movement to go beyond disciplinary boundaries, "Cultural studies" as a research program, developed by the Group in Birmingham around Stuart Hall, had approached cinema, music, literature and TV with a mix of socio- logical, psychoanalytical, feminist and poststructuralist tools and his vindication of a contextual reading of culture was instrumental in taking a contextual approach (Marxian English theories of literature like those of R. Williams had a big influence in their first works). The magazine *Screen* was searching for tools to apply to the study of audiovisual texts, MacCabe, Mulvey, Heath had developed through a series of influential articles during the 80s a sophisticated theory of cinema. The semiotics of cinema was also developed in the URSS by Lotman, in 1973 appeared his book on cinema (where Bakhtin is mentioned and his notion of "chuzhaya rech" is employed) [16], and Lotman's book was soon translated into several languages. Later on, another member of the Tartu school mentioned Bakhtin in association with Eisenstein, Vyacheslav Ivanov researched Eisenstein theories and insisted on their relevance to semiotical theory. Ivanov has several articles on Bakhtin [14] and a whole book on Eisenstein [15]. (It would take too long to dwell on the relations between the Tartu school and the Bakhtin's circle, in these articles we are exploring the

reception of Bakhtinian ideas mainly in the West and his fertility in cinema studies.)

When the works of the Bakhtin's circle began to circulate in the West in the late sixties and seventies it took a decade until his potential for film studies was explored skillfully by Robert Stam, who had studied in Paris with Metz and came back to the US. Robert Stam's 1989 book *Subversive Pleasures: Bakhtin, Cultural Criticism and Film* remains the most coherent attempt to date for the establishment of both a rationale and a methodology of a Bakhtinian approach to film, the chief Bakhtinian concepts utilized in his study are dialogism, heteroglossia and carnival [12]. Twenty years later, Martin Flanagan (2009) turned again to Bakhtin and Stam, although with a more reception-inclined agenda. Flanagan's book is one of the most systematic essays to show the potential of Bakhtin's ideas for Film theory and Film analysis after Stam. While Stam has done excellent work showing the potential of Bakhtin's concepts to the analysis of how and why films are made, Flanagan underlines that "A Bakhtin-inspired film theory can develop platforms for the analysis not only of textual specificity (via chronotope and polyphony) but also of *spectatorial* specificity" [4, p. 186].

Both Stam and Flanagan open their books with Bakhtinian analysis of language which shows the ways it could be applied to audiovisual language too. Stam is not only familiar with all Bakhtinian texts that his circle translated into English but also with the different readings of these works since Kristeva and Todorov. His own interpretation emphasizes a political vision of culture but Stam is explicit about his fascination with Bakhtin, for him "Bakhtin points the way to transcending some of the felt insufficiencies of other theoretical grids" [12, p. 20]. Stam singles out four reasons to prefer a dialogic theory of culture to other familiar theories:

- 1) his concept of dialogism of language and discourse as shared territory inoculates us against the individualist assumptions of formalism and romanticism;
- 2) his emphasis on a boundless context that constantly interacts help us avoid the formalist fetishization of the work of art;
- 3) his emphasis on the situated utterance is an alternative to the ahistoricism of an apolitical semiotics;
- 4) his conviction that all discourse exists in dialogue aligns him with reception theory: both reject referential models of artistic discourse.

As we can see these are also familiar concerns of literary theory. In both theories we find debates about the best way to think about text, either literary or audiovisual texts, films: dealing with or against the tradition of autonomous work of art, idealist traditions of authorship, the formalist understanding of language, etc.

After a very influential construction of Bakhtinian semiotics of cinema in the first two chapters, Stam offers insights on carnivalism taking advantage of his inside knowledge of Brazilian life, art and theories. In the third and the fourth chapter, Stam not only explains thoroughly Bakhtin's ideas about carnival and the Menippean satire but puts them in relation with other theories of carnival, comedy or the feast, from Nietzsche to Henri Lefebvre to Mary Douglas and the important book of Brazilian anthropologist Roberto Da Matta on carnival Carnavais, Malandros e Herois (1980) [2]. This shows his relevance both with examples of literature from Alfred Jarry and the modernist novel by Mario de Andrade "Macunaima" to audiovisual (Stam applies Bakhtin's notions to a wide array of films specifically Buñuel and Godard as well as TV shows).

The second chapter with his considerations on dubbing, subtitles and polyglossia shows Stam's sensitivity to ethnocentrism. Throughout the book his use of examples from Senegalese, Japanese, or Brazilian films and his many references to feminist, and other minority films shows a rare effort towards cosmopolitanism and engages cultural analysis discussing racism, antisemitism and other social issues.

For Flanagan, too, dialogism is the tool to think of films as situated utterances "It is possible to speak of film as a kind of utterance because, as I will argue, it is not only the producer of meaning but also the site and recipient of meanings projected back onto it by its dialogic communicant and adversary, the spectator" [4, p. 21].

As we have said, film theory was first sketched in Russia by the formalists and later their approach became popular in the structuralist French revision done by Metz in his influential books on cinema as language. In his book, Flanagan again uses Bakhtin to show the limitations of this formalist approach to cinema:

While “a Bakhtinian way of understanding meaning exchange places huge emphasis on the response of the ‘other’, which assumes a determining semantic role in constructing the utterance/event. Metz’s proposal of a unidirectional textual system, his perspective on cinema as ‘one-way communication’, shuts off the film text to the dialogic participation of the spectator. This renders the film viewing as a ‘closed discourse’, something that can be witnessed and decoded but not shared [8, p. 17].

Flanagan shows that Bakhtin might be laying the foundations for an alternative model of cinematic theory aware of the role of the audience. Because Bakhtin conceives of these relations in diachronic, continually evolving terms, a response to a filmic utterance does not have to be immediate to take its place in the overall communication, ensuring that the text continues to ‘live’ through semantic re-accentuations long after its first enunciation or the moment of its widest circulation (we might think of the different meaning profiles that an enduring text like *The Wizard of Oz* (1939) goes through; for instance” Flanagan” [4, p. 28].

Discussing another highly influential contribution to film studies, the psychoanalytic, feminist approach of Laura Mulvey, Flanagan again uses Bakhtin to correct the limitations of her approach: Laura Mulvey’s feminist work on the gaze (her critique of the way mainstream cinema plays with the masculine desire, by talking about the male gaze she means the aesthetic pleasure of the male viewer as a social construct derived from the ideologies and discourses of patriarchy) in mainstream narrative film, in particular, is represented as a vehicle for social conditioning through the reproduction of certain ideological myths [11]. Her works play a role in the Screen group’s project on ideological study of cinema in the service of social critique, but Flanagan sees a limitation that arises from the methods employed by the subject-position tradition is that the spectator, both as an individual and as part of an amorphous, easily duped ‘mass audience’, is too readily seen as a mindless, passive vessel for filtering through cultural myths. “The spectator is here denied any degree of control or choice” [4, p. 32].

Closer to Bakhtin is, according to Flanagan, the famous American scholar Bordwell whose work is reminded by the author “because its investment in the connection between narrative technique and active spectatorship mirrors aspects of a Bakhtinian approach” [4, p. 41] but lacks some abstract and apolitical premises.

Western theories of film have built on the cultural studies tradition developed by the Birmingham group (theories about mass media based on Gramsci or Bourdieu) when it comes to explore the ideological dimensions of films products and the film industry but according to Flanagan not only Gramsci or Bourdieu but the less known theories of Voloshinov can be helpful in this regard because it offers “a conception of differential readings that goes far beyond a simple pluralism that sees all significations and interpretations as equal, instead recognizing the ideologically soaked, transformative effects of communication and representation upon reality” [4, p. 48].

‘Re-accentuation’ is a typically evocative term which Bakhtin employs in ‘Discourse in the Novel’. It captures the way in which symbolic meanings reform in relation to changed contextual surroundings. Bakhtin uses it oppositionally with regard to concepts like canonization and reification, and says that it is fueled by changes in heteroglossic conditions, but also warns against it as a force that can distort if the conditions prompting it are not truly dialogic. ‘Новые образы в литературе очень часто создаются путем переакцентуации старых, путем перевода их из одного акцентного регистра в другой, например из комического плана в трагический или наоборот’ [13, с. 232].

Flanagan also shows in his book that we can use the action picture, the oldest genre in film history, to lay foundations for the articulation of critical ideas about cinematic space and time. Chapter 3 looked at the Western Genre and its intertexts. Genres render social myths

narratively digestible, but also force ideological constraints on creative expression through the rigid over-determination of form. This is another aspect where literary and film theory converge, both discover genre as a topic that requires to be examined beyond the text, only by focusing on the historical and sociological roles that genre plays can we understand his pragmatics. Here we see another area where Bakhtin's contribution is again remembered.

1. *Balázs B.* Der sichtbare Mensch: oder, Die Kultur des Films. Wien-Leipzig: Deutsch-Österreichischer Verlag, 1924.
2. *Da Matta R.* Carnavais, Malandros e Herois. Rio de Janeiro: Zahar, 1980.
3. *Delluc L.* Paris: Editions de Brunoff, 1920.
4. *Flanagan M.* Bakhtin and the Movies New Ways of Understanding Hollywood Film. Palgrave, Macmillan, 2009.
5. *Kracauer S.* From Caligari to Hitler: A Psychological History of The German Film. Princeton: Princeton Univ. Press, 1947.
6. *Kracauer S.* The Conquest of Europe on the Screen. The Nazi Newsreel 1939–1940. Washington, D.C., 1943.
7. *Kracauer S.*, Propaganda and the Nazi war film. N.Y.: The Museum of Modern Art Film Library, 1942.
8. *Metz Chr.* Language and cinema. The Hague, Mouton, 1974.
9. *Metz Chr.* Langage et cinema. Paris: Larousse, 1971.
10. *Metz Chr.* Essais sur la signification au cinéma. Paris: Klincksieck, 1968.
11. *Mulvey L.* Visual Pleasure and Narrative Cinema // Film Theory and Criticism: Introductory Readings. N.Y.: Oxford UP, 1999, pp. 833–844.
12. *Stam R.* Subversive Pleasures: Bakhtin, Cultural Criticism, and Film. Baltimore: J. Hopkins Univ. Press, 1989.
13. *Бахтин М.* Слово в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., Худож. лит., 1975. С. 72–233.
14. *Иванов Вяч. Вс.* Значение идей М.М. Бахтина для современной семиотики // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. СПб.: РХГИ, 2001. С. 266–311.
15. *Иванов Вяч. Вс.* Эстетика Эйзенштейна // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. Знаковые системы, кино, поэтика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 143–369.
16. *Лотман Ю.М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 92 с.
17. Поэтика кино / под ред. Б.М. Эйхенбаума. М. [и др.]: Кинопечать, 1927. 191 [1] с.

М.М. Бахтин в исследованиях кино и киноадаптации литературных произведений

Часть I. Кино как язык и высказывание: зачем перечитывать Бахтина для изучения кино

© 2019 С. Мас Диас

*Серхио Мас Диас, профессор Барселонского университета, Испания.
E-mail: sergiomasdiaz@gmail.com*

Барселонский университет, Испания

Аннотация. М.М. Бахтин не писал о кино, но его труды и работы, подписанные его друзьями П.Н. Медведевым и В.Н. Волошиновым, позже будут восприняты как источник вдохновения для того, чтобы по-новому взглянуть на язык кино – в исследованиях как непосредственно по-священных семиотике кино, так и рассматривающих взаимодействие между кино и литературой посредством анализа экранизаций (как мы видим в последние годы, изучение

кинематографических адаптаций литературных произведений превратилось в отдельную дисциплину, и идеи Бах- тина сыграли ключевую роль в том, чтобы помочь ее представителям выйти за рамки дилемм о «верности»). Мы рассмотрим оба явления в двух частях нашей статьи (при этом некоторые из рассматриваемых нами авторов вовлечены в обе дискуссии). Изучив эти дебаты, мы найдем новые свидетельства того, что идеи Круга Бахтина оказываются плодотворными в интерпретации не только литературных текстов, но и любых культурных процессов.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Круг Бахтина, теория кино, язык кино, киносемiotика.

Профессор В.В. Федоров рассказывает о своих встречах с М.М. Бахтиным. Интервью*

© 2019 В.В. Федоров

*Федоров Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности
Донецкого национального университета.
E-mail: don.teorlit@gmail.com*

Донецкий национальный университет. Донецкая Народная Республика

© 2019 С.А. Дубровская, И.В. Ключева, Д.А. Меринова

*Дубровская Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка как иностранного, заместитель директора Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов, аналитик Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва,
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

*Меринова Диана Андреевна, студентка III курса филологического факультета
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: Dimerinova@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130008 «Идеи М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений Республики Мордовия». Руководитель проекта – доктор философских наук профессор Н.И. Воронина.

Аннотация. 17 декабря 2018 г. в Центре М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева состоялась онлайн-встреча с заведующим кафедрой истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета, одним из основателей Донецкой филологической научной школы, доктором филологических наук профессором В.В. Федоровым, который ответил на вопросы сотрудников Центра, поделился воспоминаниями о своих встречах с М.М. Бахтиным в Саранске и Москве. Беседы с выдающимся мыслителем стали значительными событиями в жизни Федорова и определили направление его научных поисков.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, «позиция вневсего», «последнее целое», Донецкая филологическая школа.

Владимир Викторович, Вы бываете на научных мероприятиях, конференциях, так или иначе связанных с изучением биографии и творчества Михаила Михайловича Бахтина. Сотрудники нашего Центра в разные годы встречались с Вами или с членами Вашей кафедры на таких конференциях и слышали от Вас или от Ваших коллег, что Вы лично общались с Михаилом Михайловичем Бахтиным,

который сыграл важную роль в Вашем становлении как ученого-филолога. Расскажите, пожалуйста, подробнее, как произошло Ваше знакомство? Что предшествовало этой встрече?

О Михаиле Михайловиче я услышал раньше, чем прочитал его книгу.

Вы имеете в виду книгу «Проблемы поэтики Достоевского», изданную в 1963 г. [2]?

Да. В 1963 г. я был призван в армию и служил в архиве Министерства обороны СССР в г. Подольске. Когда мы, вольноопределяющиеся, начали знакомиться друг с другом, то один из нас – Валерий Кочетков сообщил, что он «окончил МГУ», при этом лукаво улыбнулся и уточнил: «*Мордовский* госуниверситет». Не успели мы разочарованно вздохнуть, как он сказал: «А у нас есть такой преподаватель, которого нет в МГУ настоящем! Вот! Он у нас преподавал зарубежную литературу, и все фрагменты из книг он цитировал только на языке оригинала! Мы, хотя не понимали, что он цитирует, но мурашки по спине бегали, потому что у него был артистический дар, и он так читал, как, может быть, не читает ни один профессиональный артист». Так вот, благодаря Валерию Кочеткову, фамилию «Бахтин» я запомнил еще с армии. Это был 1963 год, а книга еще не вышла.

Нам знакомо имя Валерия Кочеткова. Он учился на историко-филологическом факультете (филологическое отделение) Мордовского государственного университета в 1958–1963 гг., в одно время с В.А. Мирской (ее записи лекций Бахтина были опубликованы в 1999 г. [1]), с известными впоследствии педагогами Мордовского университета – В.Ф. Кирдяшовым и Н.С. Савкиным. Кочетков писал стихи, которые печатались в прессе Мордовии, и однокурсники относились к нему как к признанному поэту. Судя по их воспоминаниям, Кочетков неоднократно бывал дома у Бахтина. Мирская вспоминала, как однажды, не сдав экзамен, он приходил к Бахтиным на пересдачу (она в это время была у них в гостях). Савкин рассказывал, как Кочетков, взяв его с собой «для храбрости», приходил к Бахтину занимать деньги (это, кстати, делали многие соседи, знакомые и даже некоторые студенты).

К тому времени, как я вернулся в Горький (Нижний Новгород), книга уже появилась на полках магазинов, я сразу купил и прочитал ее. Летом, на каникулах я поехал домой. Я жил на юге Горьковской области, в 60 километрах от Саранска. В это время мой отчим заболел, чувствовал, что умирает, перед смертью захотел выпить пива. Я поехал за пивом в районный центр – село Починки, но не нашел там ничего. Тогда я сказал матери:

«Давай, я съезжу в Саранск, это же недалеко, на велосипеде – полтора-два часа». Мать согласилась.

Я приехал в Саранск, купил пива и вдруг подумал: «Саранск – это город, где живет Бахтин. Надо воспользоваться таким случаем и обязательно к нему заявиться». В адресном бюро я узнал, где живет Бахтин, нашел дом. Он жил на втором этаже... А на первом этаже была картинная галерея...

Картинная галерея им. Ф.В. Сычкова (ныне она преобразована в Мордовский республиканский музей им. С.Д. Эрьзи) находилась тогда в здании, расположенном по соседству с домом, где жил Бахтин.

Я решил: постучал, позвонил... Мне открыла Елена Александровна, я представился, сказал, по какому случаю. Она сказала: «Мишенька спит, он через час проснется, и – милости просим».

Я погулял по Саранску и через час вновь пришел. Елена Александровна мне тихо-тихо говорит (она почему-то стала меня сразу звать «Володенька»): «Володенька, один час – Мишенька устает». А из комнаты я слышу голос: «Ну, Лёночка, Владимир Викторович... приехал издалека, мы с ним поговорим». Елена Александровна проводила меня в комнату, Михаил Михайлович (он сидел в кресле) встал, и мы с ним поздоровались. Я ему объяснил, кто я такой, что я студент третьего курса Горьковского университета, что

прочитал его книгу и хотел бы с ним о ней говорить.

Михаил Михайлович спросил, какой именно вопрос меня интересует. Я ответил: диалог героя и автора. Я не мог никак сообразить, какая должна быть ситуация, чтобы автор и герой как-то могли общаться. Михаил Михайлович стал мне объяснять это не на литературных, а на всяких житейских примерах, и я как бы... ну, сделал вид, что я понял, в чем там дело, хотя понял не до конца. Мы говорили примерно час, а потом Елена Александровна молча появилась в комнате. Михаил Михайлович и не понял, что мне надо ретироваться. Через некоторое время, по приезде в Горький я сообразил, что, как теперь принято говорить, «где я, а где Бахтин...». Мне стало очень неловко, и я уже больше не рискнул приехать к Михаилу Михайловичу.

Прошло довольно много времени... Я окончил университет и после некоторого перерыва стал работать ассистентом на кафедре литературы. В это время наш преподаватель теории литературы уехал читать лекции в Польшу, и заведующий кафедрой Георгий Васильевич Краснов пригласил из Москвы, из Института мировой литературы (ИМЛИ) Вадима Валериановича Кожина, а меня «приставил» к нему, чтобы я «учился уму-разуму» и чтобы показал ему город Горький. Но Кожин оказался таким человеком, что через два дня он сам уже начал мне показывать всякие достопримечательности Горького, у него талант такой был... А потом он сказал: «Я тебя познакомлю с человеком, который является целой эпохой в нашем литературоведении и даже в духовной жизни». И сказал, с кем. То, что я уже знаком с Бахтиным, я Кожину не сказал, мне было почему-то неловко.

Мы приехали в Саранск. Кожин говорит Бахтину: «Вот, Михаил Михайлович, так сказать, молодая поросль, ассистент филологического факультета Горьковского университета». А Бахтин говорит: «Ну, с Владимиром Викторовичем я знаком». Кожин был в шоке от этой новости. После этого я стал уже чаще приезжать к Бахтину – не только из дома, но и из Горького. В целом я был знаком с ним в течение примерно двенадцати лет, то есть с 1963 г. С 1967 г., когда я во второй раз познакомился с ним, мы общались фактически до конца его дней. Мы с Кожинным бывали у Бахтина и в его московской квартире. Примерно за месяц-полтора до его смерти (в начале 1975 г.) Вадим Валерианович принес ему книгу о Витебске, там была страница из Бахтина...

Предполагаем, что это книга Л. Обуховой «Витьбичи. Исторические новеллы» [7]. Экземпляр, который Вы имеете в виду, сохранился в личной библиотеке М.М. Бахтина и сегодня находится у нас в Центре. В одной из новелл воссоздана атмосфера Витебска тех лет, когда здесь жил Бахтин, эти страницы интересны сегодня потому, что своими воспоминаниями он сам делился с писательницей. Дарственная надпись на книге гласит: «Михайлу Михайловичу Бахтину с уважением и глубокой благодарностью за ту помощь, которую он оказал автору в работе. Л. Обухова. 3 сент. 1974 г.». Указанная в инскрипте дата свидетельствует о том, что, возможно, Вы посетили Бахтина не в начале 1975, а в конце 1974 г. (или Кожин по каким-то причинам не смог сразу передать книгу Обуховой Бахтину).

Михаил Михайлович в это время уже очень тяжело болел, страдал от боли в ноге. Ему кололи какой-то наркотик каждые шесть минут, но через четыре минуты он уже начинал чувствовать боль и говорил, что шесть минут уже закончились... Меня поразило, что Бахтин страшно похудел. Он был полный, а тут ссохся, стал таким маленьким, но голос у него сохранился – низкий гудящий голос, и этот контраст меня порастил.

Какие вопросы Вы задавали Бахтину, что обсуждали с ним?

Обсуждали разные вопросы, некоторые я уже забыл... Мы говорили о тексте «Проблем поэтики Достоевского», я задавал еще и другие вопросы. Поскольку я в то время интересовался русской философией XIX в., то спрашивал его, как он относится к В.С. Соловьеву, С.Н. Трубецкому, Н.А. Бердяеву и др. На все вопросы он отвечал очень уклончиво, говорил: «Соловьев был для своего времени крупным ученым». Вот эта оговорка меня как-то настораживала – я думал, что Михаил Михайлович не хочет со мной

говорить на эту тему, по этому вопросу, и как бы находит удобную форму, чтобы уклониться от ответа... Впоследствии я присутствовал при разговоре других людей с Бахтиным, главным образом с Кожинным. Они говорили и о Соловьеве, о других философах, и Бахтин был там более откровенен; он не очень высоко ценил работы Бердяева, и когда Кожин называл его «Белибердяев», он усмехался, хотя, конечно, вовсе не был злорадным человеком. Я думаю, что у Бердяева очень много общих мест, поэтому он, может быть, немножко раздражал Михаила Михайловича, я не знаю...

О чем бы Вы спросили Бахтина сегодня?

Это был бы вопрос немного эгоистичный. Сначала предыстория. Один раз Кожин звонит мне по телефону и говорит: «Напиши, что ты думаешь о своей будущей работе: какой вопрос, какую проблему хочешь поставить, я хочу это показать Бахтину». Я написал статью не статью, а такой трактат и озаглавил его «Слово». Эта работа и стала такой первой пробой пера, той работой, которую я осуществляю, да, осуществляю (это хорошее, точное слово) и до сего дня. Это работа об авторе как субъекте бытия, и я бы спросил Бахтина, какое впечатление на него произвела та работа, которую я через Вадима Валерьяновича послал ему. Тогда она как бы исчезла, Михаил Михайлович на нее никак не отозвался, а я боялся спросить у Кожина, чтобы не услышать в ответ: «Да никакого впечатления она на него не произвела». Мне-то хотелось, чтобы хоть какое-нибудь впечатление она на него произвела.

Второй вопрос, ответ на который мне бы хотелось услышать, – вопрос о термине, который на меня больше всего произвел впечатление из всех, из всего знакомства с трудами Бахтина. Это термин «последнее целое». В третьем [3, с. 565] и четвертом томах [4, с. 46] собрания сочинений Бахтина этот термин упоминается, но, к сожалению, я не мог составить себе представления о нем. Что Бахтин называет «последним целым»? У меня сложилось некоторое представление, но я не могу судить, правильно ли это мое впечатление или нет. Мне, конечно, хотелось бы услышать ответ самого Михаила Михайловича.

Поддерживали ли Вы отношения с окружением и молодыми друзьями Бахтина?

«Молодых друзей Бахтина» можно разделить на две категории: во-первых, молодые ученые (тогда были молодыми) ИМЛИ, авторы трехтомника теории литературы.

Вы имеете в виду трехтомник «Теория литературы», вышедший в первой половине 1960-х гг.? Среди авторов были Г.Л. Абрамович, С.Г. Бочаров, Г.Д. Гачев, Н.К. Гей, Е.В. Ермилова, В.В. Кожин, Е. М. Мелетинский, П.В. Палиевский, В.Д. Сквозников, Л.И. Тимофеев и др. [8].

С ними я поддерживал отношения (я в ИМЛИ защищал докторскую диссертацию), особенно с Кожинным, Бочаровым, Палиевским и другими – то есть теми людьми, которые окружали Бахтина...

А «вторая категория»?

Я присутствовал при беседе Михаила Михайловича с одним молодым человеком, который, как я понял, был его аспирантом, писал диссертацию об «Отцах и детях» Тургенева.

Это был один из саранских аспирантов Бахтина – Юрий Федосеевич Басихин. Его диссертация, защищенная в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1969 г., называлась «Ранние поэмы И.С. Тургенева. От стихотворных поэм – к роману» [см.: 5, с. 51].

Я наблюдал тактику или стратегию, может быть – одновременно, Бахтина как научного руководителя. Она мне показалась очень полезной, потому что он не обращал внимания на частности, а просто разговаривал с ним на тему, которая была заявлена в диссертации. Эта тема не была прикреплена к каким-то конкретным и частным вопросам, он говорил вообще о Тургеневе, о его творчестве и конкретно о романе «Отцы и дети», который, по-моему, Бахтин, не очень жаловал и не считал его лучшим произведением Тургенева. Тем не менее разговор был, конечно, очень серьезный – как по форме, так и по

содержанию. Я, в общем-то, хотел перенять эту методику работы с аспирантами, не знаю, каков результат, но я старался поступать, как поступал Бахтин.

К слову об аспирантах, о «школе» – каково современное состояние знаменитой Донецкой филологической научной школы?

Она существует, работает уже не так активно, как было при Михаиле Моисеевиче Гиршмане, потому что он – основатель филологической Донецкой школы.

Гиршман являлся одним из авторов упоминавшегося выше трехтомника «Теория литературы».

А я, ну не знаю, я, наверное, был «завучем» этой школы. У меня была совершенно особенная тема.

Формально я принадлежал к этой школе, но даже не могу назвать какого-то своего аспиранта (или аспирантку), который бы эти идеи, мою основную идею поддержал или разрабатывал. Более-менее близок к моим мыслям первый мой защитившийся аспирант – Владислав Трусевич, который живет теперь в Литве. Так что формально Донецкая школа существует, она существует и практически, ее результат – литературоведческий сборник, в котором печатаются иногда и те люди, которые разрабатывают теорию, предложенную Гиршманом. Проводятся конференции – конечно, уже не такие масштабные, какие были при Гиршмане... Я думаю, что Донецкая филологическая школа существует – не в очень хорошей форме, конечно, но надеюсь, что после того, как все стабилизируется, будут основания и причины для ее возрождения, потому что идеи, которые Гиршман пропагандировал, заслуживают внимания.

Владимир Викторович, в чем Вы видите актуальность Бахтина сегодня?

Актуальность Бахтина я вижу в стремлении додуматься до того, что он обозначил термином «последнее целое». Я думаю, что это понятие, этот термин в его работах все-таки не до конца продуман, вернее, не до конца *додуман*. Дело в том, что его деятельность как теоретика продолжалась в общем-то до второй половины 1924 г., после этого он уже занялся историей культуры, историей литературы и т.д. Вот и «последнее целое» все-таки является таким понятием, которое, во всяком случае для меня, не совсем ясно. Я думаю, что здесь дело не в обдумывании того, что существует помимо обдумывающего. Это «последнее целое» существует как раз в то самое время, когда человек думает об этом «последнем целом». Так вот я немножко отвлеченно думаю, что, например, «последнее целое» – это Пушкин как автор «Капитанской дочки», я стараюсь это каким-либо образом обосновать для себя, но пока еще такого результата, который был бы реальным заданием дальнейшей работы, дальнейшего размышления над этой проблемой, все-таки пока я не нахожу.

С какого текста Вы бы рекомендовали начать знакомство молодых ученых, исследователей с «миром Бахтина»?

Такие значимые для Бахтина понятия, как, например, «позиция вненаходимости», и даже так: «позиция вне жизненной находимости», «последнее целое» – эти термины не востребованы в современном литературоведении. Мне кажется, что Бахтин – это прежде всего филолог, а не литературовед. Мне кажется, что филология еще не определилась со своим предметом, и работы Бахтина до 1924 г. являются очень хорошим материалом для того, чтобы постепенно перейти от литературоведения к филологии. Я думаю, что первым трактатом, который надо было бы предложить молодым ученым, является трактат «Формальный метод в литературоведении».

Там все изложено очень ясно, потому что это работа задумана, скорее всего, как популяризаторская. Там Бахтин постарался быть максимально ясным, а основные свои работы он писал как ученый и, следовательно, не очень себя стеснял заботами о том, чтобы это было ясно среднему читателю.

Владимир Викторович, мы Вам очень признательны за этот диалог. Огромное спасибо.

1. *Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность, Средние века. (В записи В.А. Мирской) / публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В. Ключевой, Л.М. Лисуновой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999. 212 с.*
2. *Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 361 с.*
3. *Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 880 с.*
4. *Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 4 (1). 1120 с.*
5. *Ключева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 468 с.*
6. *Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 1993. 207 с. (Бахтин под маской. Маска вторая).*
7. *Обухова Л. Витьбичи. Исторические новеллы. Минск: Настоящая литература, 1974. 399 с.*
8. *Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. Т. 1. Образ, метод, характер. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 452 с.; Т. 2. Роды и жанры литературы. М.: Наука, 1964. 487 с.; Т. 3. Стиль, произведение, литературное развитие. М.: Наука, 1965. 503 с.*

Professor V.V. Fyodorov tells about his meetings with M.M. Bakhtin. Interview*

© 2019 V.V. Fyodorov

*Fyodorov Vladimir Viktorovich, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of the History of Russian Literature and Theory of Literature
Donetsk National University.
E-mail: don.teorlit@gmail.com*

Donetsk National University. Donetsk People's Republic

© 2019 S.A. Dubrovskaya, I.V. Klyueva, D.A. Merinova

*Svetlana A. Dubrovskaya, Associate Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language,
Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

*Irina V. Klyueva, Candidate of Philosophy, Associate professor at the Department of Culturology and Library
and Informational resources, analyst of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

*Diana A. Merinova, 3d year student of the Faculty of Philology at the Mordovia State University.
E-mail: Dimerinova@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. December 17, 2018 at M.M. Bakhtin Center at N.P. Ogarev Mordovia State University there was held an online meeting with the Head of the Department of the History of Russian Literature and Theory of Literature at Donetsk National University, one of the founders of “Donetsk Philological School”, doctor of philology, professor V.V. Fedorov. He answered questions from the Center’s staff, shared his memories of his meetings with M.M. Bakhtin in Saransk and Moscow. Conversations with an outstanding thinker became significant events in Fyodorov’s life and determined the direction of his scientific searches.

Keywords: M.M. Bakhtin, “the position of extracredibility”, “the last whole”, “Donetsk Philological School”.

1. *Bahtin M.M. Lekcii po istorii zarubezhnoj literatury: Antichnost', Srednie veka. (V zapisi V.A.*

Mirskoj) / publ., podgot. teksta, predisl. i komment. I.V. Klyuevoj, L.M. Lisunovoj. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1999. 212 s.

2. *Bahtin M.M.* Problemy poetiki Dostoevskogo. M.: Sov. pisatel', 1963. 361 s.

3. *Bahtin M.M.* Sobr. soch.: v 7 t. T. 3. Teoriya romana (1930–1961 gg.). M.: Yazyki slavyanskih kul'tur. 880 s.

4. *Bahtin M.M.* Sobr. soch.: v 7 t. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. T. 4 (1). 1120 s.

5. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2010. 468 s.

6. *Medvedev P.N.* Formal'nyj metod v literaturovedenii. M.: Labirint, 1993. 207 s. (Bahtin pod maskoj. Maska vtoraya).

7. *Obukhova L.* Vit'bichi. Istoricheskie novelly. Minsk: Nastoyashchaya literatura, 1974. 399 s.

8. Teoriya literatury: osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii: v 3 t. T. 1. Obraz, metod, harakter. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 452 s.; T. 2. Rody i zhanry literatury. M.: Nauka, 1964. 487 s.; T. 3. Stil', proizvedenie, literaturnoe razvitie. M.: Nauka, 1965. 503 s.

Ю.Ф. Басихин. М.М. Бахтин как ученый и человек (фрагмент из воспоминаний)*

© 2019 Н.И.
Воронина

*Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук,
профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных
ресурсов*

*Института национальной культуры,
директор Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: kafkmg@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия,
Россия

**Текст подготовлен к публикации Н.И. Ворониной при финансовой поддержке РФФИ и
Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130008 «Идеи
М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений Республики Мордовия».
Руководитель проекта – доктор философских наук профессор Н.И. Воронина*

Аннотация. Басихин Юрий Федосеевич (1930–1988) – студент, затем аспирант М.М. Бахтина, позже преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского университета. Отрывки из его воспоминаний о Бахтине впервые были опубликованы в 1978 г. с большими сокращениями¹. Полный текст воспоминаний Басихина хранится в Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее им. И.Д. Воронина и публикуется впервые. В нем содержится характеристика Бахтина как организатора учебного процесса, лектора, наставника, передаются особенности отношения к нему студентов.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Ю.Ф. Басихин, Мордовский государственный университет, история высшей школы Республики Мордовия.

Михаил Михайлович Бахтин... Теперь это имя, имя великого человека, известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами...

Крупнейший литературовед, мыслитель, эстетик, неповторимый лектор, педагог и на редкость обаятельный человек – это, наверное, неполный перечень положительных определений, которые можно применить к М.М. Бахтину.

И все же самое главное во всем его облике – настоящий современный ученый. Глубочайшая эрудиция, острота и новизна научного мышления, талант писателя-литературоведа, поднимающего глубинные пласты сложного и непознанного художественного материала – все это на первом плане, все это выделяло и отличало Бахтина как выдающегося ученого и философа.

Я был студентом Михаила Михайловича начиная с 1946 года.

... 1948 год. Страшно подумать: прошло почти 30 лет. 30 лет – и «много перемены-лось в жизни для меня». Это были еще первые послевоенные годы. Я студент I курса литфака, хожу на занятия в военной отцовской шинели. Скромный

¹ Басихин Ю.Ф. О Михаиле Михайловиче Бахтине // Родные просторы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978. С. 203–209.

провинциальный пединститут в городе Саранске.

Саранск – тогда в основном одноэтажный и деревянный, с дощатыми тротуарами... Да, это еще были 40-е годы, и сравнительно недавно кончилась война. Осенние саранские вечера мы, первокурсники, обычно проводили в читальном зале (Республиканской) библиотеки им. А.С. Пушкина, читали, спорили, часто говорили о лекциях Михаила Михайловича.

У нас на первом курсе он читал античную литературу. В самые первые студенческие дни нелегко воспринимались лекции ученого, ведь античная литература для нас, первокурсников, была в то же время совершенно незнакома, слишком далека, но Михаил Михайлович волшебным образом приблизил ее к нам. Мы постепенно вошли в экзотический, прекрасный материал. Перед нами вдруг открылись новые, волнующие литературные горизонты. Вдруг стали близкими и понятными герои гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея»...

Мы научились, благодаря М.М. Бахтину, читать и понимать бессмертные мысли великих драматургов, прозаиков и первых поэтов Греции и Рима, мысли, воплощенные в современной художественной форме.

Перед нами открылись поразительные художественные сокровища, ставшие фундаментом новой литературы.

Михаил Михайлович читал лекции непередаваемо страстно и увлеченно... изумительно цитировал «Илиаду» на древнегреческом языке. Анализируя трагедию Эсхила «Орестея», он патетически восклицал: «Клитемнестра!».

Читая лекции об Овидии, Михаил Михайлович вдохновенно рассказывал о том, что впервые в стихах Овидия была выражена идея – любовь – военная служба:

Каждый любовник – солдат, и есть у Амура свой
лагерь. В этом мне, Аттик, поверь: каждый любовник –
солдат.

И сейчас, когда прошло много-много лет с тех пор, как мы слушали лекции Михаила Михайловича, не только античная литература, но и античное искусство навсегда воспринимаются в значительной мере в бахтинском преломлении.

Михаил Михайлович научил нас понимать и ценить гармонию и чувство меры и ритма в искусстве, в науке, в жизни, даже в самом быту человеческого. На всю жизнь запомнил я, благодаря М.М. Бахтину, мудрое стихотворение древнегреческого поэта Архилоха:

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретишь их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады – твердо стой, не трепещи.
.....
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

За время моего обучения в нашем старом педагогическом институте им. А.И. Полежаева Михаил Михайлович читал нам также «Введение в литературоведение» и на 4-м курсе вел спецсеминар «Белинский о зарубежных писателях».

До сих пор ругаю себя за то, что не сохранил тетради с лекциями Михаила Михайловича. Но многие слова и мысли чудесного лектора живут в сердце моем, так же как они живы, наверное, у всех тех, кто был его студентом или просто слушателем.

По окончании пединститута в 1952 году я работал несколько лет в средней школе

№ 12 города Саранска, в те годы считавшейся в Мордовской АССР одной из наилучших. Но с М.М. Бахтиным связь не прерывалась. В 1956 году он пригласил меня на работу в качестве внештатного преподавателя, и я начал читать курс литературы Германии на факультете иностранных языков, затем я читал литературу Англии, а с 1957 года, также по приглашению Михаила Михайловича, стал преподавать зарубежную литературу на заочном отделении нашего родного вуза, в том же 1957 году преобразованного в университет.

Позволяю себе в связи с этим процитировать маленький, написанный рукой Михаила Михайловича, документ:

«Проректору.....
Зав. кафедрой литературы
М.М. Бахтина

докладная записка.

Прошу Вашего разрешения пригласить на второе полугодие Ю.Ф. Басихина, так как на второе полугодие остается слишком много часов по зарубежной литературе.

Нагрузка В.Б. Естифеевой на второе полугодие определяется:

	Лекции	Экзамены и консультации	Всего
На стационаре	222	60	282
На заочном секторе	84	40	124
Всего	306	100	406

Ю.Ф. Басихину нагрузка будет определена:

	Лекции	Экзамены и консультации	Всего
На стационаре	90	20	110
На заочном секторе	20	30	50
Всего	110	50	160

Зав. кафедрой – подпись М.М.

Бахтина»² В 1961 году я оставил работу в школе и перешел на кафедру русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета.

С этого времени я еще чаще стал бывать в квартире Бахтиных. Покой и творческий труд Михаила Михайловича деятельно оберегала самоотверженная Елена Александровна. Много прекрасных дней и вечеров пришлось провести мне у Бахтиных в г. Саранске на улице Советской...

Беседа по литературным и преподавательским делам, методические, научные или просто дружеские, чисто человеческие советы – все можно было найти у этих удивительных людей.

Как выразился мой дорогой учитель, хорошо, когда с товарищем, с коллегой, с людьми можно говорить на «человеческом языке». С ним же общение именно на человеческом языке было всегда высоким интеллектуальным наслаждением.

² Подлинник хранится у меня. – примечание Ю.Ф. Басихина.

... Уютная комната в обычной двухкомнатной квартире второго этажа. В стеллажах книги, по специальному заказу сделанный письменный стол также завален книгами, рукописями. Уютно светит настольная лампа, на кухне хлопочет беспокойная Елена Александровна.

Михаил Михайлович сидит в кресле и всегда что-то читает: обычно это новый журнал (иногда на иностранном языке) или какая-нибудь рукопись.

...Сейчас, когда прошли эти дни и многие годы общения с ученым, приходится горько сожалеть, что Михаила Михайловича мы уже никогда не увидим и не услышим его мудрой философской и всегда удивительно интересной беседы.

Даже его внешний облик – облик глубоко интеллигентного, много пережившего человека был впечатляющим и незабываемым.

Помню, приходил я к нему, еще работая в средней школе. Как-то пришлось готовиться к открытому уроку. Знал – придут учителя-коллеги, бывалые словесники, волновался. Тема – «Михаил Шолохов “Поднятая целина”». С чего начать? Хотелось говорить так, чтобы не повторять общеизвестного, многократно сказанного. Пошел к Учителю.

Михаил Михайлович посоветовал дать анализ начала романа с точки зрения раскрытия ситуации контраста дня и ночи, света и мрака (приезд посланца коммунистической партии, организатора колхоза в казачьем краю Семена Давыдова ярким солнечным днем и врага Советской власти Половцева – глухой темной ночью)³. И с этого ключевого момента началось увлекательное открытие всего шолоховского романа, открытие его художественной специфики, изучение единства формы и содержания.

М.М. Бахтин всегда умел не только найти верный идейно-политический ключ к литературному произведению, но и уловить каждый раз уникальность художественной структуры, если это настоящая литература. Он учил мыслить масштабно, с широких гуманистических позиций, преодолевая декларативность или излишнюю скороспелость, прямолинейность суждений.

Михаил Михайлович иногда рассказывал о встречах с известными писателями, поэтами.

Помню, например, его рассказ о том, как он видел и слышал Александра Блока в Тенишевском зале в Петрограде в 1916 году.

Как вспоминал Михаил Михайлович, его особенно взволновало стихотворение «Голос из хора», вызвавшее некие античные ассоциации:

Как часто плачем – вы и я –
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Михаил Михайлович сам изумительно произносил эти блоковские слова...

Ему доводилось встречаться и с Анной Ахматовой, видеть В.В. Маяковского, он рассказывал и о том, как Сергей Есенин ласкал лошадей, встречая их на улицах города...

На мой вопрос, какие стихи Есенина ему особенно нравятся, Михаил Михайлович начинал цитировать: «Не жалею, не зову, не плачу...» и особенно:

³ Подчеркнуто Ю.Ф. Басихиным. – Н.В.

Да! Теперь решено, без возврата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

И было даже как-то странно слышать эти надрывные есенинские слова от ученого, в сознании которого «уложены» целые столетия мировой литературы...

Как-то необыкновенно жарким летним днем, когда я пришел к нему на консультацию по диссертационной работе, он вдруг прочитал следующие строки:

То лето было грозами полно,
Жарой и духотою небывалой,
Такой, что сразу делалось
Темно и сердце биться вдруг переставало.

Эти слова написал Н. Гумилев.

Михаил Михайлович довольно часто повторял такие строки Владимира Маяковского:

Бывает, выбросят, не напечатав, не издав,
Но слово мчится, подтянув подпруги,
Звенит века, и подползают поезда
Лизать поэзии мозолистые руки.

Как-то особенно больно было слышать от М.М. Бахтина, видимо, очень близкие ему слова поэта: «Бывает, выбросят, не напечатав, не издав».

Михаил Михайлович близко видел В.В. Маяковского в редакции одного из журналов. «Поэт был одет с иголочки, он быстро прошел в комнату, взял лежавший на столе только что вышедший, еще пахнувший типографской краской новый журнал и стал жадно его перелистывать, стремясь быстрее увидеть опубликованное в нем свое новое стихотворение...»⁴.

На первый взгляд может показаться, что в этом воспоминании образ поэта несколько снижен, но это, безусловно, не так. Дело в том, что здесь перед нами возникает живой образ Владимира Маяковского – экспрессивного автора, столь нетерпеливо ожидавшего печатания своих стихов.

В то же время, как бы полемизируя с некоторыми противниками В.В. Маяковского, М.М. Бахтин неоднократно подчеркивал, что он – настоящий поэт. И такое определение ученого, на мой взгляд, самое главное в его отношении к поэту революции.

Что касается такого поэта, как Александр Блок, должен сказать следующее.

Как-то я показал Михаилу Михайловичу подаренное мне еще в 1956 году Павлом Антокольским прижизненное издание Блока – книжечку стихов «Седьмое утро», вышедшую в 1921 году в издательстве «Алконост». Книга открывается как раз слышанным молодым М.М. Бахтиным от самого Блока стихотворением «Голос из хора», на которое мы уже ссылались.

Как мне казалось, Блока и Пушкина М.М. Бахтин ставил в один ряд с великими

⁴ См. воспоминания о встрече с В.В. Маяковским: М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. С. 144–145. – Н.В.

античными мастерами литературы.

Относительно произведений Павла Григорьевича Антокольского вспоминается, как очень серьезно отзывался М.М. Бахтин о «Невечной памяти» Антокольского:

Кончаются расправы и облавы...
Прожектора вдоль горизонта шарят,
Ползут по рвам, елозят по мостам.
Юродствует ханжа, трясется скарעד
И лжесвидетель по шпаргалке шпарит...
А где-то жгут, дробят, кромсают, жарят,
Гноят за ржавой проволокой...

Часто говорили о Пушкине. Повторяю: Пушкина ученый воспринимал и объяснял как художника высокой античной концепции, как поэта совершенной и чистой гармонии, как гения человеческой культуры.

Говоря о трагедии Пушкина, Михаил Михайлович отмечал, что Пушкин, выйдя на дуэль, там самым «дал согласие» на уход из жизни, т.е. сама по себе дуэль была для него почти желанным поводом прощания с миром...

Коли бы поэт хотел остаться в живых, он мог бы это сделать – такова мысль Михаила Михайловича.

Помимо многих прекрасных пушкинских творений, Михаил Михайлович в особенности выделял его стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...». Это стихотворение любила и Елена Александровна. Я слышал от Михаила Михайловича следующие пушкинские слова:

Любоначалаия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Ученому был близок Пушкин-философ, величайший его гуманизм. В 1949 году, когда исполнилось 150 лет со дня рождения А.С. Пушкина, М.М. Бахтин на юбилейном вечере прочитал прекрасную лекцию о Пушкине. Невыразимо жаль, что она осталось не записанной.

Михаил Михайлович говорил: «Не браните, и вас не будут бранить», иногда цитируя библейский афоризм: «Не судите, да не судимы будете» каким-то образом соединяя с этим пушкинский призыв к милосердию, человеческое страдание и внутренние очищения. Что касается, например, М.Ю. Лермонтова, Михаил Михайлович как бы полшутя называл его «бретером», имея в виду некоторую несдержанность и задирчивость гениального юноши.

Уже будучи на пенсии и работая над подготовкой к печати своих книг, Михаил Михайлович находил время для консультаций не только аспирантов, но и некоторых дипломников. Вот, например, его отзыв на дипломную работу моей студентки Галины Алексеевой: «Работа Г.М. Алексеевой “Образ Сомса Форсайта и его эволюция” очень обоснованная и полная в литературоведческом отношении, насыщена большим материалом на английском языке (цитаты из Голсуорси и из критической литературы о нем): использование этого материала позволяет судить об отличном знании Г.М. Алексеевой английского языка и о понимании ею тонкости литературного стиля Голсуорси.

Много помогал Михаил Михайлович и мне, когда я писал диссертацию «Ранние поэмы И.С. Тургенева (от стихотворных поэм – к романам)».

Сколько раз пришлось переделывать, по многу раз переписывать, и каждый переработанный кусок мой мудрый учитель терпеливо перечитывал, делая тонкие и очень полезные для меня замечания, давая бесценные советы.

Я навсегда усвоил и развернул, развил в меру моих сил, мысль М.М. Бахтина о том, что Тургенев – величайший представитель поэтической прозы в России, т.е. прозы, глубоко проникнутой поэзией, обладающей своим ритмом и ориентированной на такие объекты художественного изображения, как любовь, природа, все возвышенное и прекрасное.

Из поэм Тургенева я попытался вывести многие сюжетные ситуации и проблемы его лирических повестей и романов. Моя кандидатская диссертация была защищена в 1970 году в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Таким образом, мне посчастливилось стать первым по защите аспирантом Михаила Михайловича. В процессе окончательной подготовки диссертации к защите в моей судьбе приняли участие и такие ученые Московского университета, как профессор С.М. Петров, профессор В.И. Кулешов, профессор П.Г. Пустовойт, доцент В.Н. Турбин. Эти исследователи также осуществляли связь и общение с М.М. Бахтиным.

Уезжая осенью 1969 года в Москву на лечение, Михаил Михайлович подарил мне свою, получившую мировую известность, книгу «Проблемы поэтики Достоевского», сделав на ней надпись: «Дорогому долголетнему ученику моему Юрию Федосеевичу Басихину от автора. 5/X-69».

В этой книге, вышедшей новым изданием, ученый по-новому прочитал Достоевского, заново открыл его и понял в его творчестве новые, глубинные пласты человеческой души, сложнейшего бытия людей.

М.М. Бахтин считает великого художника и мыслителя Достоевского подлинным создателем нового типа романа – так называемого полифонического романа, в котором звучит «хор» голосов различных героев. У каждого из героев – свой голос, своя точка зрения на мир. Эти голоса не зависят друг от друга и часто даже не зависят от авторской позиции⁶.

Ученый говорит также и о диалогическом проникновении личности в жизнь, о незавершенности внутренней жизни героя, ведущего непрерывный философский диалог с другими героями, с самой жизнью в ее бесконечном развитии.

Здесь, разумеется, не место давать развернутый анализ этой работы М.М. Бахтина (достаточно проанализированной, начиная еще с А.В. Луначарского).

Ясно одно: книга Бахтина – это не только глубоко новаторское и необыкновенно оригинальное исследование собственно творчества Достоевского, но она представляет огромный вклад в науку о структуре романного жанра, художественном мышлении, о художественном видении мира и его философском истолковании. Эта книга – ключ к пониманию, может быть, всей новейшей литературы, часто насквозь «проникнутой» философией.

В 1965 году в Москве вышла в свет еще одна капитальная монография ученого «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

На принадлежащем мне экземпляре надпись: «Дорогому Юрию Федосеевичу

⁵ Подлинник хранится у меня. – примечание Ю.Ф. Басихина

⁶ В рукописи Ю.Ф. Басихина опечатка: «авторской поэзии». – Н.В.

Басихину в память долгих лет дружбы от автора. 5/X-69. М. Бахтин».

Эта книга – не только уникальное исследование великого представителя эпохи Возрождения во Франции – Рабле, но концентрация многих актуальных ныне научных открытий.

М. Бахтин говорит о так называемом смеховом аспекте жизни, раскрывая введенное им понятие «народной смеховой культуры». «Все акты драмы мировой истории проходили перед смеющимся народным хором. Не слыша этого хора, нельзя понять и драмы в её целом», – вот важнейшая идея автора.

Как и работа о Достоевском, книга о Франсуа Рабле переведена на ряд иностранных языков и явилась также неоценимым вкладом в науку и о культуре, и об этике, и в философские науки.

В настоящее время объяснение и анализ очень и очень многих явлений истории мировой культуры и литературы вплоть до наших дней немыслим без обращения к блестящим, поистине всемирного значения в своей области, философско-литературным исследованиям Михаила Михайловича Бахтина.

В 1973 году в Саранске издан сборник статей «Проблемы поэтики и истории литературы» (Бахтинский сборник) к 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Михаила Михайловича Бахтина. Эта публикация получила очень высокую и достойную оценку советской и прогрессивной литературной общественности за рубежом.

Спрос на книгу был фантастически безмерен.

И, наконец, в 1975 году в Москве вышла третья книга М. Бахтина «Вопросы⁷ литературы и эстетики. Исследования разных лет», также ставшая замечательным явлением советской литературной науки. Эту свою работу автору уже не пришлось увидеть: он скончался в марте 1975 года.

... На кафедре русской и зарубежной литературы висит портрет М.М. Бахтина – выдающегося советского ученого, долгие годы возглавлявшего эту кафедру Мордовского университета и воспитавшего многих литературоведов, преподавателей, журналистов, продолжающих трудиться «под знаком» идей своего незабвенного учителя.

Ю. Басихин г. Саранск, январь 1976 г.

Yu.F. Basikhin. M.M. Bakhtin as a scientist and a person (a fragment from memories)

© 2019 N.I. Voronina

*Natalya I. Voronina, Doctor of Philosophy, Professor at the
Department of Culturology and Library and Informational resources,
Director of the M.M. Bakhtin Centre at the Mordovia State University.
E-mail: kafkmg@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. Basikhin Yuri Fedoseevich (1930–1988) studied with M.M. Bakhtin as a student, graduate student at the Faculty of Philology, then worked at the Department of Russian and Foreign

⁷ У Ю.Ф. Басихина: «Проблемы...». – Н.В.

Literature of Mordovia State University. Excerpts from his memoirs of Bakhtin were first published in 1978 with large reductions. The full text of Basikhin's memoirs is stored in the Mordovian Republican United Regional Museum named after I.D. Voronin and is published for the first time. It contains a characteristic of Bakhtin as an organizer of the educational process, a lecturer, a mentor, and features the attitude of students towards him.

Keywords: M.M. Bakhtin, Yu.F. Basikhin, Mordovia State University, the history of the higher school of the Republic of Mordovia.

**М.М. Бахтин – И.Д. Воронин:
московская встреча 1974 года***

© 2019 Н.И. Воронина

*Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук,
профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов
Института национальной культуры,
директор Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: kafkmggu@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130008 «Идеи М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений Республики Мордовия».*

Аннотация. Статья написана на основе личного дневника профессора Мордовского государственного университета И.Д. Воронина. Дневник впервые вводится в научный оборот. 23 января 1974 г. Воронин (в то время заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева), будучи в командировке в Москве, навестил Михаила Михайловича в его квартире на улице Красноармейской, 21. Состоялся обмен мнениями по разным актуальным проблемам, в первую очередь о литературе, книгах, писателях и ученых. Вспоминали Саранск, университет, аспирантов и всех общих знакомых. Дневник Воронина хранится в фондах Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея, который носит его имя.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, И.Д. Воронин, Саранск, Мордовский государственный университет.

В дневнике Ивана Дмитриевича Воронина за 1974 г. [2] есть страницы с довольно подробным описанием его встречи в Москве с М.М. Бахтиным. Говорили о науке, о бахтинских книгах, о работах других авторов, о значительных событиях в литературном процессе. Самым важным для Бахтина в этой беседе были, конечно, проблемы издания его книг: какие, где, на каких языках. Отдельно речь зашла о диссертациях молодых ученых – саранских аспирантов Бахтина, о темах их исследований и проблемах, связанных с защитами диссертаций (в дневнике названы фамилии и имена). Затрагивалась тема Саранска и общих знакомых. Вспоминали Елену Александровну (жену Бахтина), которой не стало за три года до этого. Бахтин расспрашивал о детях Воронина, с которыми он общался, при этом называл каждого по имени и помнил, по какому поводу с ними встречался.

Дружба Бахтина с Ворониным была многолетней. Теплые отношения сложились и между семьями. Когда Иван Дмитриевич отправлялся в гости к Бахтиным, его жена Зоя Петровна каждый раз передавала Бахтиным какие-нибудь угощения. Елена Александровна и Михаил Михайлович особенно благодарили за фирменные воронинские пирожки, которые у Зои Петровны были на редкость вкусными. Иван Дмитриевич приносил им моченые яблоки из собственного погреба. Житейским делам всегда уделялось внимание.

Бахтины знали о способностях сына Воронина Геннадия как мастера на все руки и частенько обращались к нему с просьбой что-либо починить, исправить. Бахтин вспомнил, как Геннадий неоднократно ремонтировал им электропроводку и часы, а однажды мастерски подшил им обоим валенки.

В 1959 г. я – младшая дочь Воронина – начала готовиться к вступительным

экзаменам в консерваторию, и Михаил Михайлович, узнав об этом, сразу решил, что я должна ехать на консультацию в Москву к М.В. Юдиной. Так появилась целая череда писем, в которых Юдина описывает мои успехи, и я стала «поводом» для ее интенсивной переписки с Бахтиными [см.: 2]. «Итак, все же сначала о Наташе Ворониной: она произвела на меня самое симпатичное впечатление всем своим обликом, разумной речью, воспитанным обхождением, милой одеждой. Она мне играла сонату Бетховена, “Думку” Чайковского и “Прелюдию” Шостаковича... Она несомненно способна, когда играет. Вся сосредотачивается и принадлежит всецело тому, что и как играет, на этом качестве в дальнейшем может выработаться многое для настоящей интерпретации...» [1, с. 64]. Дальше она очень подробно описывает, как и с кем мне надо позаниматься, где какие требования и др. Затем рассказывает о своих делах, болезнях и денежных затруднениях. В конце письма она пишет: “Целую вас. Я счастлива, что имела Наташа Воронина”» [1, с. 67]. Цитирую слова Юдиной потому, что мои поездки в Москву с посланиями Бахтиных к Юдиной стали частыми, собственно за это и благодарит меня Мария Вениаминовна.

Для меня же это было великое счастье – общаться с выдающейся пианисткой и ее коллегами в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных. Я впервые окунулась в необыкновенную атмосферу: во-первых, ее общение с коллегами-пианистами (великими А.Л. Йохелесом и Г.Г. Нейгаузом, а также с Л.Е. Брумбергом, у которого я целый месяц брала уроки, с Э.М. Федорченко, В.П. Деревянко и др.); во-вторых, необычайный облик самой Марии Вениаминовны, ее аура в квартире; в-третьих, образ ее рабочего кабинета в институте; в-четвертых (и это главное), ее пианизм, ее методы работы, ее необыкновенные слушание и слышание музыки. Я ловила каждое слово, сказанное ею, когда я играла и когда обсуждали мое исполнение. Забыть это невозможно.

Конечно, после нашего саранского музыкального училища, которое я окончила в 1960 г., попасть в «академию музыкального и столичного духа» было величайшим событием и счастьем. Но по молодости (мне всего 18 лет) я, скорее всего, не поняла до конца всей значимости этих событий в моей судьбе. В консерваторию я, конечно, поступила, но не в Москве, а в Саратове, так как вышла замуж, переехала жить в Сызрань, и Саратов географически на тот момент был более близок и удобен для меня.

В беседе с Ворониным Бахтин вспоминал своих саранских аспирантов, живо интересовался продвижением их работ: «Похвалил работу Юрия Федосеевича (говорили о его книге). Спросил, как обстоят дела с диссертацией у Тамары Михайловны Нефедовой. Похвалил диссертацию Алевтины Владимировны Диалектовой». Кто они, его саранские аспиранты, ученики?

Басихин Юрий Федосеевич (1930–1988) – литературовед, стал кандидатом филологических наук (1970), когда Бахтин уже уехал из Саранска, получил звание доцента (1976). С 1961 г., после работы учителем в школе, перешел в Мордовский государственный университет по приглашению Бахтина (преподаватель, старший преподаватель, потом доцент кафедры русской и зарубежной литературы). Круг научных интересов Басихина сформировался под влиянием Бахтина, учеником которого он себя считал и этим был горд. Басихин исследовал творчество писателей XIX в. Его работы публиковались в литературно-художественных сборниках, журналах, газетах. В тот период (1973) вышла книга Басихина «Поэмы И.С. Тургенева (Путь к роману)», о которой Бахтин знал и в беседе с Ворониным высказался о ней весьма положительно.

Диалектова Алевтина Владимировна (1931–2018) работала на той же кафедре русской и зарубежной литературы, защитила в Москве кандидатскую диссертацию «Воспитательный роман Х.М. Виланда: “История Агатона”» по филологическим наукам (1972), получила звание доцента. Она всегда гордилась тем, что ее научным руководителем был Бахтин.

Нефедова Тамара Михайловна (1930–2009). Тему диссертации своей аспирантки – «Поэтика экспериментально-психологических новелл Эдгара По» и ее концептуальный

план Бахтин знал хорошо. На момент встречи Воронина с Бахтиным защита диссертации еще не состоялась. (Нефедова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук в 1974 г. в Донецком государственном университете).

Теперь о друзьях, «захаживающих» к нему, которых Бахтин по-доброму называл «ребята». Это *Вадим Валерианович Кожин*, *Сергей Георгиевич Бочаров*, *Владимир Николаевич Турбин* – главные «действующие лица» в разрешении его московских проблем. В конце 1960-х гг. они перевезли его из Саранска, устроили на лечение в Кремлевскую больницу, помогли получить квартиру в Москве. Они же сыграли решающую роль в публикации трудов Бахтина. Два литературоведа, работавшие в академических институтах, авторы многочисленных книг об истории русской литературы и культуры и ее ярчайших представителях, они были желанными гостями и делились всеми новостями научного мира. Поэтому Бахтин знал и о новых идеях, и о новых книгах, и о новых авторах. Бочаров считал себя учеником мыслителя, Кожин и Турбин написали мемуары о Бахтине.

Несмотря на то что Михаил Михайлович был прикован к постели, круг его научных и литературных интересов не сужался. Он владел богатейшей информацией о том, где и когда, на каких языках издаются его книги. Поражает не только сама информация, но и его память: он четко называет книги и страны, в которых они изданы или будут издаваться. Это были радостные для него известия. После долгих лет замалчивания, когда Бахтин работал «в стол», издательская активность и потребность в его книгах бесконечно радовала, поэтому в диалоге с Иваном Дмитриевичем он неоднократно возвращался к этой волнующей его теме.

Бахтин поделился с Ворониным своим видением некоторых других изданий, в частности из Библиотеки мировой литературы (мини), из которой ему «достали» с большим трудом О. Мандельштама, и сожалел, что не смог получить М. Булгакова: «Достали мне Мандельштама – издание малой серии. Неважный подбор. А вышла книга-однотомник Булгакова, нельзя достать» [2, с. 14]. Бахтину не понравился подбор авторов, представленных в этой серии. Отмечу два момента, вытекающих из замечаний Бахтина: а) в то время книги «доставали» через всевозможные связи (то есть страна читала!); б) даже если книги покупались «для коллекционирования», их знали и, в конце концов, тоже прочитывали.

Поведал Михаил Михайлович о двух американских издателях: «Заходили ко мне на днях муж и жена меценаты-издатели из Америки, будут издавать Достоевского. Они издали уже 20 русских книг. Хороший выбор, вкус. Не политическое, а культурное просветительство» [2, с. 14]. И не без удовольствия поделился радостью, что его «Рабле» издан у себя на родине, во Франции» [2, с. 14].

Самая печальная тема – кончина Елены Александровны. Бахтин подробно рассказал о том, почему она покоится на Немецком кладбище. Вспомнил, кто похоронен с ней рядом, как обустроена ее могила. Главный мотив: «Как плохо без нее, сам живу и лечусь. Есть помощница и травы, которые завариваю от всех своих болей».

Далее он меняет тему разговора, вновь говорит о книгах. Рассказывает о своих знакомых в Орле, Брянске и Туле, литературоведах В.А. Громе¹, Г.И. Стафеев² и Н.А. Милонов³, которые могут поспособствовать в приобретении дефицитных изданий.

¹ *Громов Владимир Алексеевич* (1929–1999) – литературовед, преподаватель Орловского педагогического института. Член Союза писателей СССР (1970), заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат Тургеневской премии Орловской писательской организации, премии Карамзина – за заслуги в отечествоведении. Настоящий интеллигент и энциклопедист. Много писал о знаменитых людях, родившихся или побывавших в его родных местах. Автор книг: «Музей имени Тургенева», «Писатели-орловцы», «Некрасов и писатели-орловцы», «Здравствуй, город Тургенева!», «Спасское-Лутовиново» и др.

² *Стафеев Григорий Исаевич* (1916–1994) – литературовед, исследователь творчества А.К. Толстого. В 1997 г. удостоен звания лауреата ежегодной премии им. А.К. Толстого «Серебряная лира» (посмертно). Работал учителем в брянских школах и преподавателем Брянского технологического института, заведовал учебно-консультативным пунктом. Книга «Сердце полно вдохновения» была издана в 1973 г.

³ *Милонов Николай Александрович* (1923–1994) – литературовед, педагог, известный тульский краевед.

Неизвестно, сколько времени провел Воронин у Бахтина, но, судя по записям в дневнике (это была, конечно, не стенограмма), разговор был длительным. Ученые успели обсудить жизненно важные для Бахтина темы и актуальные научные проблемы, которые волновали обоих. Насколько был рад Михаил Михайлович этой встрече, свидетельствуют его слова, записанные Ворониным отдельно: «Просит передать привет всем саранским знакомым и друзьям и даже *стенам университета*» [2, л. 10]. Из этих слов понятно, насколько дороги были Бахтину воспоминания о Саранске и Мордовском университете.

1. Из переписки М.В. Юдиной и М.М. Бахтина (1941–1966 гг. / публ. и вступ. ст. А.В. Кузнецова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 38–86.

2. Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей им. И.Д. Воронина (МРОКМ им. И.Д. Воронина). Ф. КП 7637/54. Л. 12–16.

M.M. Bakhtin – I.D. Voronin: Moscow meeting in 1974

© 2019 N.I. Voronina

*Natalya I. Voronina, Doctor of Philosophy, Professor at the Department
of Culturology and Library and Informational resources,
Director of the M.M. Bakhtin Centre at the Mordovia State University.
E-mail: kafkmg@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The article is written on the basis of the personal diary of professor of Mordovian State University I.D. Voronin, which is first introduced into scientific circulation. January 23, 1974 Voronin (at that time the head of the Department of Russian and Foreign Literature of the Philological Faculty of N.P. Ogarev Mordovian State University), while on a business trip in Moscow, visited M.M. Bakhtin in his apartment on 43, Krasnoarmeyskaya street. There was held an interesting exchange of views on various pressing issues, primarily on literature, books, writers and scholars. They remembered Saransk, the University, graduate students and all common acquaintances. Voronin's diary is kept in the funds of the Mordovian Republican United Regional Museum named after him.

Keywords: M.M. Bakhtin, I.D. Voronin, Saransk, Mordovian State University.

1. Iz perepiski M.V. Yudinoj i M.M. Bahtina (1941–1966 gg.) / publ. i vstup. st. A.V. Kuznecova // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1993. № 4. S. 38–86.

2. Mordovskij respublikanskij ob'edinennyj kraevedcheskij muzej im. I.D. Voronina (MROKM im. I.D. Voronina). F. KP 7637/54. L. 12–16.

ТЕКСТ ИЗ ДНЕВНИКА И.Д. ВОРОНИНА

Достоевского издали в Нью-Йорке, Михаил Михайлович говорит, что книгу «Проблемы Достоевского» издали на всех главных языках мира. Да, и Рабле тоже и на французском. А теперь готовят сборник статей опубликованных и неопубликованных. Вышла статья о Гоголе в журнале (зачеркнуто) сборнике «Контекст» (73) Ежегодник. На полке изданий этих книг немецкие, французские, румынские, польские и др. «Два века не проживешь, – говорит М.М., – а один уже как-нибудь доживем».

«Елену Александровну (1900–1971) похоронили на Немецком кладбище. На этом кладбище, – говорит Бахтин, – лежат мои дядя, отцовы братья, там же Юдина и др. близкие люди. Памятник поставили на могиле Елены Александровны Бахтиной, гранитная глыба и крест христианский». Показал фото Елены Александровны в жизни и фото могилы и памятника на Немецком кладбище.

Бахтин пьет травы, принимает уколы, жалуется на бессонницу и на тяжелую боль культи (неврология).

Завел двух кошек. «Пищат. Они веселят».

Экономка – бойкая женщина, Галина Тимофеевна, лет под 70, а ему 78.

Просит передать привет всем саранским знакомым и друзьям и даже стенам университета.

«Ко мне ходят ребята: Кожинов, Бочаров и др. Достали мне Мандельштама – издание малой серии. Неважный подбор. А вышла книга – однотомник Булгакова, нельзя достать».

Заходили ко мне на днях муж и жена меценаты-издатели из Америки, будут издавать Достоевского. Они издали уже 20 русских книг. Хороший выбор, вкус. Не политическое, а культурное просветительство. Я рад, что мой Рабле издан у себя на родине, во Франции».

Расспросил, как Наташа, Галя, Гена⁴. Хорошо помнит, как Гена ремонтировал у них в Саранске электропроводку, подшивал им валенки и проч. Спросил, как внучата.

Похвалил работу Юрия Федосеевича (говорили о его книге). Спросил, как у Тамары Михайловны Нефедовой с диссертацией. Похвалил диссертацию Алевтины Владимировны Диалектовой.

В ЦГАЛИ познакомился с Владимиром Алексеевичем Грозовым из Орла, из пединститута, который сообщил, что в Туле вышла книга «Сердце полно вдохновения» Стафеева Григория Исаевича, преподавателя Брянского У КП (заочное отд.). Книга об А.К. Толстом и там есть цитата о Софье Андреевне. «Давно работает над этой темой. Заказать в Брянск книга – почтой, или у автора, или у Милонова Николая Александровича – Тула, пединститут».

⁴ Наташа, Гена, Галя – дети И.Д. Воронина

[illegible][illegible]

Крест от А. К. Токмарева и Гавриила
святи о Св. Духе. Давно
работает на земле. Давно
в деревне, которую зовут, или у деревни
или у деревни. Давно, Давно.
Давно, Давно.

Давно в деревне. Давно, Давно.
Давно, Давно.

Давно, Давно. Давно, Давно.
Давно, Давно.

Давно, Давно. Давно, Давно.
Давно, Давно. Давно, Давно.

Лекции М.М. Бахтина по истории зарубежной литературы в записи М.А. Бебана

Публикация, вступительная статья и примечания И.В. Ключевой

© 2019 И.В. Ключева

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов Института национальной культуры,
аналитик Центра М.М. Бахтина*

Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.

E-mail: klyueva_irina@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики
Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130008 «Идеи М.М. Бахтина в процессе
гармонизации социальных отношений Республики Мордовия». Руководитель проекта – доктор
философских наук профессор Н.И. Воронина.*

Аннотация. В публикации представлены расшифровка и комментирование фрагмента лекций М.М. Бахтина, прочитанных в Мордовском государственном педагогическом институте (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва) во втором семестре 1936/37 учебного года и записанных мошка-мордовским писателем, одним из родоначальников профессиональной мордовской литературы, в то время – студентом литературного факультета М.А. Бебаном. Фрагмент посвящен рассмотрению тем: «Латинская литература Средних веков», «Народный героический эпос», «Куртуазная рыцарская литература». Записи датированы февралем – мартом 1937 г. В приложении даны сканированные страницы подлинника документа.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, М.А. Бебан, лекции по истории литературы, западноевропейская литература Средних веков.

Продолжаем публикацию лекций Михаила Михайловича Бахтина по истории зарубежной литературы в записи студента Максима Афанасьевича Бебана, начатую в № 1 журнала «Бахтинский вестник» [1].

На этот раз мы публикуем записи последовательно, начиная с первой лекции. Представляемый вниманию читателей фрагмент курса читался Бахтиным в феврале – марте 1937 г. Студент записывал даты лекций (хотя, вероятно, делал это не всегда). Первая лекция курса датирована 7 февраля, последняя дата, поставленная Бебаном в этой части записей – 22 марта. В этот период лектором были рассмотрены следующие темы: «Латинская литература Средних веков», «Народный героический эпос», «Куртуазная рыцарская литература».

Судя по имеющимся в тетради студента оставленным чистым листам (половина страницы, 2 страницы, 6 страниц) он по каким-то причинам иногда пропускал часть той или иной лекции, намереваясь затем восстановить текст (переписать его у сокурсников?), однако страницы так и остались чистыми. Возможно, это следствие той «крайне нервной обстановки», которая царила в вузе и в городе Саранске в обозначенный студентом период (о чем мы уже говорили в упомянутой статье).

Студенческие записи потребовали редакторской правки.

По ходу лекции, не имея возможности тщательно обдумать текст, студент не всегда верно делил его на абзацы, поэтому в некоторых случаях – в соответствии с логикой – мы

объединяем или разделяем их. В ряде случаев нами изменяются цифровые обозначения абзацев.

Студент сокращал многие слова, иногда (редко) пропускал то или иное слово. (Это является свидетельством того, что лектор не диктовал текст, а говорил свободно, «рассказывал» о литературе данной эпохи.) Расшифровка сокращенных слов очевидна, поэтому мы специально ее не оговариваем. Оговариваются исправления в тех редких случаях, когда слово прочитывается абсолютно ясно, но по смыслу не вписывается в контекст (имеет место ошибка записи). Пропущенные, но необходимые по смыслу слова даются нами в угловых скобках.

Арабские цифры, которые студент часто использует для обозначения веков, заменены нами на римские. В некоторых случаях при обозначении чисел цифровые символы (которые студент использует для более экономной, удобной записи) заменяются основными текстовыми символами (буквенными).

Без специального пояснения убираются сделанные студентом в процессе записи подчеркивания (для выделения некоторых слов, фраз и предложений нами используется курсив или жирный шрифт).

Там, где необходимо, нами вводятся или убираются кавычки, меняются некоторые другие знаки препинания.

Очевидные орфографические и грамматические ошибки (они встречаются редко), неверные написания имен собственных исправляются без пояснений. Исключение составляют случаи, когда несоответствие написания того или иного имени современным нормам обусловлено особенностями его произношения лектором, который руководствовался нормами, существовавшими на момент чтения лекции (например, *Фома Целанский*). В таких случаях замена устаревшего варианта написания на современный оговаривается в сносках.

Без оговорок исправления вносятся в тех случаях, когда производится замена строчной буквы на заглавную и наоборот. Так, все слова, связанные с христианским вероучением и культом («Бог», «Божий», «Божья Мать»/«Богоматерь», «Евангелие», «Страшный Суд», «Сатана» и т. п.) студент записывает со строчной буквы – в соответствии с правилами орфографии советского времени. Мы исправляем это написание по правилам современной орфографии. Исправлено написание словосочетаний «Средние века», «Крестовые походы», «учение об Откровении», «Священное Предание» (студент во всех случаях использует только строчные буквы).

Наши примечания даются в виде постраничных сносок.

<М.М. Бахтин>.

ЛИТЕРАТУРА СРЕДНИХ ВЕКОВ. (ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА)

Данте стоял за централизованную власть в Италии под руководством светской власти (под властью монарха), а не католической церкви – папы¹.

7.П.37

СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Средние века начинаются с эпохи Великого переселения народов (V–VI вв.) и кончаются XIV–XV–XVI вв. – веком Возрождения). Эти десять веков определяются одним хозяйственным укладом – феодализмом. Феодализм в Европе сложился на обломках Римской империи и вполне созрел в VIII–IX вв. До VIII–IX в. н.э. эры разлагался

¹ Это предложение написано на обороте обложки тетради, вероятно, после записи лекций, возможно, при подготовке студента к экзамену.

родовой строй. Феодализм стал разлагаться с XIV в. (прежде всего в Италии, Англии, Испании, Франции и последней – Германии).

Носителями феодальной культуры и литературы являются варвары (германцы, французы, англичане, заселившиеся в Римской империи).

Складывается христианское вероучение (хотя оно существовало еще в Риме до н. э.), но сейчас это мировоззрение сильно изменилось, христианская церковь стала обобщать идею феодализма, церковь стала идеологией феодализма, органом его. Христианское мировоззрение до н. э. изменилось в корне в эпоху феодализма, этот переход <—> не как преемственность, а как результат перехода одной формации в другую. Католическая христианская церковь есть идеология Средних веков, она крайне враждебно относилась к языческому мировоззрению – к античному наследию. Античная литература также считалась дьявольской. Формально же католическая церковь считала, что она есть прямое продолжение идеологии античной. На самом же деле католическая церковь отвергала язычество.

Но в Средние века античность не была мертва, хотя и отвергалась католицизмом. Язык церкви был латинский, в самом культе христианской церкви есть элементы античного (жертва, литургия, богослужение, протагонист = священник, хор в церкви). Христианская литургия выросла не из трагедии, а из мистерии.

Философские мотивы католической христианской церкви также связаны с философскими мотивами античности (правда, не <с> Платоном, а <с> Аристотелем: в период упадка Греции, в период эллинизма).

Античные элементы в виде легенд, сказаний и проч. не могли не проникать в феодальную литературу.

Античные римские и греческие рукописи хранились церковью в Средние века.

Преподавание в монастырских школах производилось на латинском языке, поэтому использовались в качестве материала произведения Вергилия, Теренция. А монахиня Гросвита даже подражала последнему (X в.). В частности, использовалась четвертая эклога Вергилия, где хвалится Август, но в Средние века его не поняли и считали, что Вергилий воспевал рождение Христа.

В Провансе (провинция Франции) вспыхнула античная литература снова (в XII в.), но провансальцев объявили еретиками, Прованс был razорен. Но в XIV в. окончательно начинается зарождаться снова античная литература. Поэтому века XIV–XV–XVI считаются эпохой Возрождения!

1. *Церковная монашеская литература.*

2. *Родовой фольклор* (III–VI вв.). Народные песни, предания периода разложения родового строя. Они записаны в IX–X–XI вв. и поэтому имеют феодальное наложение.

Церковная литература выражает идеологию феодализма, но родовая литература выражает идеологию родового строя, но с некоторыми изменениями в сторону феодального строя.

3. *Собственно феодальная литература: рыцарская (или куртуазная)* возникает позже – в XII–XIII вв.

4. *Литература средневековых городов* (хронологически относится к периоду куртуазной литературы).

5. *Синтетическая литература* (XIII–XIV), которая зародилась на грани разложения феодализма. (Сюда относится «Божественная комедия».)

Разбор-анализ

Церковно-монашеская литература

Представители церкви были феодалами и владели государственной властью на своей территории. Духовные князья несколько не отличались от светских. Те и другие – крупные землевладельцы, заинтересованные в закреплении своего (феодального) строя.

Мировоззрение Средних веков: аскетизм, сведение² всех идеалов в потусторонний мир. Оно было направлено на то, чтобы защищать феодальную иерархию и идеологически обуздать широкие эксплуатируемые массы. Основная цель: человек вечно будет жить в надземном мире³, поэтому нечего думать о земной жизни. Обесценение земной жизни, перенесение центра тяжести в загробное царство – путь эксплуатации. Это черта феодального христианского мировоззрения оттеняла отличие⁴ от мировоззрения языческого – античного, где главной жизнью считалась жизнь на земле – радость, счастье, блаженство, а не страдания, умерщвление своей плоти, а не отказ от благ.

Учение об Откровении... Человек сам не должен искать истину, он может получить ее только от Бога, только Бог может показать истину. Эта истина находится в церкви, в Священном Предании. Это учение в Средние века привело к схоластике, парализовало дерзания человека. Схоластика – наука, которая без изысканий доказывает готовое, а не доказывает того, что еще не создано. Схоластика была очень формальна. Переливание из пустого в порожнее. Полное бесплодие, формализм. Схоластика, таким образом, есть орудие церкви, христианского мировоззрения, феодальной идеологии.

Символичность этого искусства – рисование потустороннего мира, потусторонней ценности требовало символов и аллегорий.

Таким образом, средневековая идеология в своем искусстве имела три элемента: *символизм, формализм и аллегорию*.

Католическая церковь ставила узкие границы в церковной литературе, момент творческого изображения почти отсутствовал: сюжет был слабенький, содержание слабое.

Формы, жанры церковной литературы:

1. *Гимн* – богослужение, исполняемое хором.
2. *Легенда* – то, что надлежит читать в церкви в день, когда справляется праздник того или иного святого. Тотемизм – католическая церковь превращала в святых деревья, животных и пр. и они почитались⁵. Житие святого, которое справляется в определенный день как праздник и называется легендой.

3. *Драма церковная* – связана с богослужением, символична и потому лишена драматизма. Верующими принимается как нечто мистическое, готовое, но малодоступное. Массы лучше понимали старые (языческие) религиозные верования. Пантомимы, фарсы и акробатические выступления были широко распространены и в Средние века. Исполнителями их были гистрионы. Если фарсы были религиозного характера, то теперь они переходят в чистую комедию – это живая пантомима. И вот: для того, чтобы бороться с этим народным творчеством – фарсом, пантомимой (которые отвлекали массы от церкви) христианская религия постаралась ввести драматический элемент в церковную драму, но уже не в виде символики, а реализма, ясности. Для этого рисуется жизнь, страдания, смерть и воскресение Христа. Создается драматургический элемент: шествие мироносиц⁶ к гробу Христа и Мария Магдалина, встречающая воскресшего Христа. Это пасхальная драма. Рождественская драма также еще изображается без слов – пантомимой. Здесь рисуется шествие пастухов к яслям Христа.

Далее драма осложняется: появляется диалог и дополнительные персонажи. Пасхальные и рождественские драмы были связаны только с евангелиями, церковь первоначально боялась выходить из рамок описаний в Евангелии. Теперь же вводятся дополнительные персонажи, новые, которых в Евангелии не было. Таким образом, появляется творческий момент: новые слова, диалоги – это 2-й этап развития церковной драмы. Драма становится двуязычной: те слова, которые имеются в Евангелии,

² В записи студента: «связанных».

³ В записи студента: «подземном мире».

⁴ В записи студента: «различие».

⁵ В записи студента: «предпочитались».

⁶ В записи студента: «мироносцев».

произносятся на латинском языке, а которых нет – на народном языке (старофранцузский, германский и пр.).

Эти языки были бытовыми, кроме бытовых разговоров, на этих языках ничего не говорилось – нельзя было говорить о высших чувствах, об идеях. Но теперь наличие народного языка вносит в драму бытовой элемент, который изображается в комических тонах. *Это двустильность драмы.* Результат второго языка.

3-й этап: развитие тематики, тема выходит за пределы Евангелий. Сюжеты уже не только евангельского происхождения, но и библейского (сюжет о грехопадении Адама и Евы – эта тема непосредственно не относится к богослужению), дальше рисуется житие святых.

Выводы.

Тема, связанная с непосредственным богослужением, на третьем этапе отделяется от богослужения, драма теперь может играть уже не в церкви, а на паперти (а в XIII в. даже в кабаке), на церковной площади, затем вообще <переходит> на площадь – базарную.

В этот период к участию в драме приглашаются помимо клира жонглеры, горожане. Драма хотя и не порвала с церковью, но она становится буржуазной, городской. (Впоследствии драма играется цехами – это чисто буржуазная драма!) Вот эволюция церковной драмы.

Гимны в Средние века писались не на национальном языке, а на латинском языке, предназначались для исполнения хором в церкви. Но характерной чертой этих гимнов является то, что они отходят от античных гимнов (гимнов Сапфо «К Афродите»). Античный размер отвергается, он приближается к народному, облегчается. Заимствован размер вульгарной латыни (языков романской системы), но не «золотой латыни». В противовес античным гимнам гимны Средних веков рифмованы и имеют в содержании *воспевание любви к Божьей Матери!* Впоследствии эти гимны повлияли на лирику Данте, Петрарки и др. По поэтическим достоинствам гимны в честь Божьей Матери высоки, они рисуют страдания Богоматери, ее любовь, но эротика очень осторожна. Гимны о Мадонне – о Богоматери писались только церковными служителями.

Фома Челанский⁷ написал замечательный гимн о Страшном Суде. Мрачный средневековый гимн (XIII в.). Он рисует гибель мира в день Страшного Суда – жестокость католической церкви.

Легенда. Кризисная легенда I в. христианской эры заключается в том, <что> будущий святой сначала рисуется грешником, затем он искупает свою вину, дальше показывается его добродетельность, перерождение и, наконец, причисление его к лику святых⁸. Святой будущий рисуется язычником, а затем превращается в христианина. Эта кризисная легенда была у Апулея, у Петрония (в «Сатириконе») и в «Александрии».

Второй тип легенды – испытание святого. С детства ребенок приготовлен в святые, но он должен преодолеть соблазны и искушения, и тогда он причисляется к лику святых⁹. На римской почве эта легенда существовала, реальные элементы вводились, но реже. Здесь Сатана приводит философские доводы против христианства и будущий святой должен преодолеть все трудности.

Это легенды римско-эллинистического периода (прочитать Анатоля Франса¹⁰ «Таис», Флобера «Искушение святого Антония»). Эти два типа легенд переходят и Средние века. Древняя легенда дошла до нас в изменениях.

Но в Средние века христианская церковь поощряла легенду второго типа – без кризиса. В православной религии тоже преобладает легенда второго типа. Эта легенда о житии святых не имеет разнообразных сюжетов – они однообразны, бедны – и

⁷ В записи студента: «Фома Челанский» (так произносил это имя лектор – в соответствии с принятой в это время нормой).

⁸ В записи студента: «к клике святых».

⁹ В записи студента: «к клике святых».

¹⁰ В записи студента: «Анатолия Франса».

стилистически, и по содержанию. Они беднее легенд раннехристианских I–II вв. новой эры.

Две легенды <в> Средние века.

1. «Алексей – человек Божий». Второго типа. Старофранцузская легенда. Одна из лучших средневековых легенд. Алексей – человек богатой семьи, но его тянет уединение. С самого начала христианин, дом отца его соблазняет богатством, он стремится убежать в пустыню. Любовь родителей. Прекрасная невеста. Уходит – как богослужитель. <Родители> ждут сына. В пустыне <Алексей> прославляется как святой аскет. Он подвергается испытанию славой. Чувство о тщеславии. Убегает и от третьего искушения – от духовной славы. Странствие безымянным. Возвращение в дом родителей в качестве нищего... устраивается к родителям на работу (в «Мальве» Горького)¹¹. Умирает и становится покровителем города Рима.

2. Легенда о жонглере Божьей Матери. Интересна тем, что эта легенда стала переходить от церковных кругов, заимствовала интерес городских кругов. Кризисная легенда по жанру. Но кризис слабый.

Жонглеры – артисты, акробаты, исполнители песен и рассказчики анекдотов. Словом, жонглер – ярмарочный артист на все руки¹².

Сюжет этой легенды. Жонглер – язычник. Но он переживает кризис: переходит к христианской вере. Монастырь. Праведная жизнь; чист и прост. Наблюдение за жизнью монахов, служащих культу Божьей Матери – Мадонны. Он только не может служить ей. Его акробатические номера перед Мадонной.

Смысл – всякое дело является действительной службой христианской религии, Божьей Матери. Здесь налицо выход из церковных интересов, налицо оппозиционность против христианской веры, хотя легенда еще имеет христианский смысл (вспомнить Мюнцера, боровшегося под флагом религии против существующего строя). Эта легенда есть стремление, настроение городского люда, нового общества (в книгах Анатоля Франса).

Литература эпохи разложения родового строя

Народы, занявшие Римское государство, были на ступени родового строя. Но начинает развиваться феодализм. Рукописи этого периода дошли до нас только в IX в., когда феодализм уже окреп. Они изменены очень. Поэма «Песнь о Гильдебранде» (IX в.), остальные рукописи дошли до нас в XI–XIII вв. Песни, показывающие разложение родового строя, жили в устной традиции, как песни «Илиады», затем были записаны. Феодальные наслоения, но древняя основа нащупывается, понятие родового строя европейских народов, переселившихся в Рим (III–IV в.), дается.

Разбор.

1. *Ирландский эпос* наиболее сохранился.

Песни о Нибелунгах – не самые первые песни, феодальный строй их содержание изменил. Они мало отражают эпоху разложения родового строя. Ирландские саги <–> самые древние.

Все ирландские песни циклированы вокруг Уладского королевства, иначе называются циклом Кухулина (как наши циклы: Ильи Муромца, Новгородский и др.). Это не поэма, а совокупность песен-былин. Тематика: умыкание (похищение) невест, тема переселений. Маленький цикл внутри цикла – похищение быка и выкуп за него. Борьба Кухулина с королевством. Сюжет – единоборство.

Значение этих мотивов. Бык в первобытном мышлении – бог, потому что он производитель, он – воплощение производительных сил.

¹¹ Лектор имеет в виду, что героиня рассказа М. Горького «Мальва», читая «Житие Алексея, человека Божьего», пытается понять этот его поступок.

¹² В записи студента: «всей руки».

Королева Мэдб (которая похищает быка) связана с эпохой матриархата. Это глубокая древность. Борьба Кухулина с медведем. Сон в течение трех месяцев. Мотив сна <—> древний, как и число 3, и «сиднем сидеть». Этот период есть переход от охотничества к скотоводству. Символ огненного круга и впоследствии кольца¹³ – древний мотив.

Похищение женщин – результат замкнутого состояния рода (т. к. в своем роде не разрешалось бракосочетание).

Образ богатыря Кухулина окрашен мифологически, поэтому исторических черт у него почти нет (конкретность его не рисуется), как в Илиаде, это тоже говорит о раннем возникновении этого цикла (IV–V в.). Цикл Кухулина прост, сюжет лапидарен (прост, без подробностей, без деталей).

2. Следующий цикл – «Эдда», *скандинавский цикл*.

«Эдды» по своей древности возникли позже цикла Кухулина. Дошла «Эдда» не раньше XIII в., но отражает строй V–VI–VII вв. Таким образом, «Эдда» рисует последнюю <имеется в виду «более позднюю» стадию разложения родового строя, чем цикл Уладский.

«Эдда» имеет два раздела:

- а) мифологический (о богах, о религии языческой);
- б) героический.

Два порядка богов: асы – боги добродетели, живут на Асгарде (гора). Но до них были титаны – ётуны. По преданию «Эдды», эти боги были плохи, деспоты. Хаос. Но если титан Прометей имел дело с огнем, то скандинавские боги имели дело с северным океаном, холодом, с хаосом ледников.

Главный бог – Один. Бальдур – светлый бог, соответствует примерно Аполлону.

По мифологии «Эдд» все время идет борьба между ётунами и царствующими светлыми богами. Побеждают хаостики светлых богов. Это рисует сумерки светлых богов, говорит о том, что светлые боги недолговечны, что на земле беспорядки.

Валькирии связаны со светлыми богами и уносят убитых на войне в чертог Одина.

Норны – богини судьбы.

Мифологические существа, связанные с темными богами – хаостиками, – это карлы, они сторожат подземные богатства.

Вот основная черта мифологии Скандинавии о богах и других существах.

Отличие скандинавских богов от античных, греческих: последние занимались любовью, руководили людьми, практически повелевали, интриговали и т. д. Но скандинавские боги практически не руководят людьми, они создают законы, правила (Один и другие боги Асгарда). Эта мифология походит на Евангелия.

Героическая часть «Эдды». Боги тоже вмешиваются в жизнь людей, но не так, как античные боги. События «Эдды» рисуют переселение народов.

В теме о золоте находятся элементы: 1) мифические; 2) исторические; 3) и элементы феодального порядка, но феодальное отражение не ярко выступает. Карлы – прислуга темных богов – хранители золота и кольца (кольцо – фольклорный образ солнца). В скандинавских мифах рисуется борьба темных богов со светлыми (причем темные – хаосники – побеждают светлых, а затем светлые выходят победителями (но процесс победы над хаосниками не показан).

В одной песне показывается, как светлые боги попали в плен <к> темным богам. Попал и сам Один. Темные требуют выкуп золотом. Локки идет за золотом к Андвари. Затем рисуются герои: Сигурд и бог-кузнец Регин, изготовивший Сигурду меч для борьбы с драконом. Сигурд сравнивается с античными героями (Ахиллом), германскими героями из Нибелунгов.

Второй эпизод – о роде: женитьба Сигурда на сестре короля Гудруне. Здесь мотив родового строя, т. е. похищение жены из других родов. Также развивается мотив доблести

¹³ В записи студента: «конца».

мужей. Сигурд убит Гунтером, т. к. Сигурд имел золото. Золото погубило Сигурда. Его жена выходит замуж за короля Атли. Атли должен завоевать золото от Гунтера. Гунтер убит Атли, а жена его убивает самого. Таким образом, налицо родовой мотив: золото погубило всех. Гудруна же сама себя губит на костре – род не удался, уничтожен.

Третий элемент – феодальный, но плохо разработан.

<3>. *Англосаксонский эпос.*

«Поэма о Беовульфе». Два мотива в поэме: 1) борьба с чудовищем Гренделем, похищающим героев; 2) бой между франками и готами. Беовульф убивает чудовище. Эта борьба напоминает борьбу Аполлона с драконом. Второй мотив (борьба между франками и готами) рисует исторические события в эпоху Великого переселения народов в Римскую республику. Даны образы верных дружинников – таким образом, это есть не что иное, как феодально-дружинный эпос. Рисуются подвиги богатыря Беовульфа. Замечательны воспоминания Беовульфа о своих подвигах.

<4>. *Германский эпос.*

«Песнь о Гильдебранте и Гадубранте». Песня с большими художественными достоинствами. Дошла до нас в искаженном виде, неполной. Основной мотив – мотив о подвигах и роде своем. Отец угадал своего сына, но сын не признает отца, и начинается поединок. Надо предполагать, что отец – Гильдебранд победил своего сына (родовой мотив – сохранение главы рода).

Поэма «Вальтарий». Она характеризует переход эпоса родового строя к эпосу феодальному. Герои родового строя поэтому сливаются с героями феодального строя. Поэма дошла в рукописях X в. В поэме изображается двор Аттилы и военнопленные, в числе которых и Вальтарий, и Гаген. Поэма преимущественно рисует бегство и подготовку к бегству этих героев. Гаген в отчаянии, он не знает, что сделать: поймать Вальтария, своего врага, и остаться преданным своему сюзеру или же помочь своему товарищу в побеге. Но родовой мотив побеждает – он остался на стороне сюзерена. Здесь же и мотивы золота, что является родовым мотивом, не известным феодальному автору.

<III> Феодальный эпос

Отражает только что сложившийся молодой феодальный строй¹⁴.

16. II. <37>

Песни кантилены¹⁵ – короткие героические песни, объединившись в один центр, – вокруг одного героя, вокруг битвы в ущелье Ронсеваль¹⁶, – образовали поэму о Роланде. Описывается Ронсевальская битва Карла Великого 778 г. (Это теория кантилен¹⁷.) В устном творчестве существует до XII в., после переписана с некоторыми изменениями.

Рукописей дошло о Роланде очень много (на 16 языках¹⁸) в XII–XIII вв. Эпос о Роланде приобрел интернациональный характер. «Песнь о Роланде» – прежде всего французский эпос, но в эпоху Карла Великого она не могла не стать интернациональной.

Оксфордский список «Песни о Роланде» – самый интересный и основной, поэма здесь канонизирована и приобрела первоначальный вид (XI–XIII вв.). Все это относится к теории кантилен.

¹⁴ Далее студент оставляет незаполненными две страницы – вероятно, он пропустил часть лекции.

¹⁵ В записи студента: «кантиленов». Далее в некоторых случаях он записывает правильно: «теория кантилен», в некоторых – вновь ошибается.

¹⁶ В записи студента: «Ронцеваль». Далее он записывает «Ронсевальское ущелье»

¹⁷ В записи студента: «кантиленов».

¹⁸ Лектор имеет в виду языки средневековой Европы (средневековую латынь, старофранцузский, старогерманский, скандинавские, старокастильский, гаэльский, искусственный «франко-итальянский», на котором написан так называемый Венецианский вариант «Песни о Роланде» и др.), а также диалекты некоторых из этих языков.

Другой взгляд на возникновение «Песни о Роланде» – взгляд Бедье. Он отверг теории миграций и др. Бедье интересовался тем, по каким путям шли литературные произведения в Средние века и <нрзб.>.

Бедье утверждал, что «Песнь о Роланде» устной не была никогда, что она не сложилась из кантилен (кантилена – короткая героическая песнь, из которой затем целиком возникает «Песнь о Роланде»), что «Песнь о Роланде» – произведение чисто письменное. Бедье говорит, что песен-кантилен нет, их не видно, до нас дошла «Песня» в целом, в законченном виде.

Бедье строит теорию: Ронсевальская битва существовала, факт; бойцы, погибшие в битве, похоронены вокруг этого ущелья. Около этого ущелья шла дорога, шли духовные люди (из Франции в Испанию), войска Карла Великого, шли светские люди – торговцы и паломники-богомольцы. Все они шли массами через ущелье, через Пиренеи. Они собирались в подворьях (постоялых дворах) и ждали, когда соберется много народу для дальнейшего пути. Монастырь Якова Компостельского здесь является узловым пунктом всех этих людей. Приходилось ждать целыми неделями, месяцами. Эта жизнь в церквях и монастырях по пути из Франции в Испанию через узловой пункт монастыря Якова Компостельского и явилась залогом того, что сложилась «Песнь о Роланде».

Другой путь – из Франции в Рим. В монастырях были мощи святых и реликвии (крест и гвозди, где был распят Христос), они были приманкой для почитателей. Но рядом с реликвиями духовного порядка в церквях и монастырях были мощи и виднейших героев, исторических личностей – например, мощи Роланда, Оливьера и других героев были в церквях и монастырях по пути из Франции в Испанию через ущелье Ронсеваль.

Монахи-литераторы создают историю героев, похороненных в их церквях, таким образом, создается письменная легенда о героях, о битве в Ронсевальском ущелье, создается «Песня о Роланде». Таким образом, *это – церковное творение!* Эта теория Бедье кладет в основу церковную легенду, возникавшую у могилы героя.

Теория Бедье, хотя и имеет ряд достоинств, нами не принимается.

Первый недостаток теории Бедье: он предполагает недоказанную церковную легенду, так же, как и теория кантилен, предполагает песни-кантилены о Роланде (их на самом деле не было, так же, как и не было легенды церковной о Роланде).

Типичность черт Карла Великого – народность их, народный подход к описанию событий. Это устная народная традиция. Постоянный, «окаменевший» эпитет – специфика народной поэзии. «Прекрасная сладкая Франция» – произносится и любящим французом, и противником – мавром. Если бы поэма была написана монахом, то этот постоянный эпитет враг произнес бы иначе, т. к. психологически это неуместно, но народ это не устраняет.

Повторы – типичное явление устной поэзии, фольклора.

Параллелизмы – тоже результат народности, фольклорного происхождения. Но повторение использовано очень сильно, здесь налицо мастер, дело мастера-художника, а не народное творчество. Большая художественная нарочитость в повторах, в параллелизмах. Бедье знает, видит руку художника, и он прав.

Бедье прав в том, что «Песня о Роланде» прошла через руки литераторов-церковников, но он неправ, утверждая, что народ не создавал эту вещь.

Наше мнение: циклы о Роланде созданы народом и разработаны церковниками, церковная легенда проникла в эту поэму с церковным мировоззрением.

Теория кантилен же считает, что поэма создана целиком участниками боя – в устной традиции, массой, без участия церкви. Но только это недостаточно, неверно.

В «Песне» есть места целиком народные, но есть места и целиком церковного (позднего) характера.

Вывод: поэма создана в устной традиции (кантиленами) народом и дополнена книжными редакторами – монахами.

Содержание «Песни о Роланде».

Карл Великий провоевал в Испании 7 лет. Только Сарагоса не сдавалась, Марсилий

не сдавался. Он устраивает военный совет и решает, что с войсками Карла ему не справиться.

Решают: предложить Карлу условия: Марсилий сдается, но остается царем – верным Карлу, получив Сарагосу в свое феодальное распоряжение.

Совет в лагере Карла Великого. Решение: принять или не принимать условия Марсилия. Пэры – крупнейшие феодалы, равные королю – выступают с речами. Среди них – Роланд, племянник Карла Великого, его друг Оливьер и Ганелон и др. Их предложение: нельзя доверять Марсилию, надо бороться, осаждать Сарагосу. Так говорит Роланд. Он рисуется самоуверенным, решительным.

Ганелон – против Роланда. Решили послать Ганелона послом к Марсилию. Договор Ганелона о нападении на арьергард Карла Великого в ущелье. Своеобразное поведение Ганелона: изменник и в то же время верный посол Карла (здесь двойственность феодального мировоззрения).

Карл для Ганелона – сюзерен, сеньор, а Роланд – враг. Это двойственность феодального мировоззрения.

У Ганелона нет понимания общности интересов, нет идеи единства, Ганелон готов сводить личные счеты в ущерб общему делу. Поэма стоит уже на точке зрения общности, единства, но Ганелон, будучи изменником, не порицается. Таким образом, видна незрелость феодального мировоззрения.

В арьергарде Роланд, Турпин и Оливьер. Остаются в Ронсевальском ущелье. Нападение на отряд Роланда войска мавров. Битва. Действия отдельных героев: Роланда, Оливьера, Турпина и др.

Роланд трубит в рог. Войско Карла возвращается на поле Ронсевальской битвы. Смерть архиепископа Турпина, Оливьера, Роланда.

Особенности в изображении смерти Роланда: воспоминания его обо всех подвигах перед смертью (это есть остатки древнегреческой формы – надгробной песни, которая поется умершим). Вот почему интересна в Средние века! Такова форма Симонида о Саламинской битве, когда надгробные эпитафии говорят от лица погибших.

Следующая характерная черта в смерти Роланда – воспоминание о верности своему сюзерену – царю (так в тексте. – *И. К.*) Карлу Великому. О невесте Роланд не вспоминает, и это не случайно, так как это говорит о том, что в этот период развития феодализма главной идеей была верность вассалов своему сюзерену – феодалу, королю.

Меч Дюрандаль. Попытка Роланда разбить о скалу меч свой (чтобы не достался врагу) – тоже верность сюзерену. Смерть лицом к Испании – знак: не бежит от противника. Передается и перчатка – Богу.

Этот период – ранний феодализм, героический период феодализма.

Заплачка над телом героя – это напоминает древнегреческую заплачку. Приход жены Роланда Альды¹⁹. Казнь Ганелона как изменника Карлу Великому. Его предают Божьему суду: на чьей стороне будет победа (пережиток родового строя). Слухи о том, что Карлу снова придется выступать на битву – этим мотивом кончается «Песня о Роланде».

Поэма имеет силлабический размер: каждая строка имеет 11 слогов с цезурой. Рифм нет, но есть ассонанс – созвучие гласных. Ассонанс однообразный и тянется в продолжение от 4 до 12 строф. Но имеются и вариации: 11 слогов заменяются 10 и 9 слогами, и цезура меняет свое место.

Написана старофранцузским языком.

Стилистические особенности: постоянный эпитет, прикрепленный к героям, остальные места имеют эпитеты, ярко реалистические (раны, лопнули жилы на лбу Роланда²⁰, эмоциональные эпитеты, реалистические и т. д.).

Повторы – характерная черта устного народного творчества. Повторы есть двоякого рода: промежутки не одинаковые. На них архаические отпечатки, но повторы упорядочены

¹⁹ Имеется в виду: «невесты Роланда». Ее имя студент, не расслышав, записал неразборчиво.

²⁰ Ср. в тексте «Песни о Роланде»: «Трубя, порвал он жилы на висках...» [2, с. 184].

при описании битвы при Ронсевальском ущелье.

Параллелизм – очень характерно, так как вся поэма построена на параллелях (особенно при показе боя). Сопоставление человеческих явлений с природными (при гибели Роланда во Франции – ужасная гроза).

Динамичность песни отличает ее от эпоса, где действие всегда приостанавливается подробнейшими описаниями. В «Песне» же описания даны в действии.

Поэма пропагандистская, сугубо политическая: верность феодала своему сюзерену как основа феодального строя. Автор явно склонен утверждать верность сюзерену. Недаром погибает Ганелон, который обманул своего сюзерена – Карла Великого. Образ Ганелона построен на этой идейной почве верности. Роланд представлен верным сюзерену, хотя он еще неуравновешен, слишком самонадеян, за что и погибает.

Образ Турпина имеет оттенок церковной идеологии. Образ Карла – цельный, совершенно народный образ: мудрый, старый, неустрашим, готов отдать все за своих феодалов. Он плачет над трупом Роланда. Подчеркивается его неутомимость. Он – создание фольклора.

Поэма идеологически созрела в духе феодализма.

Размер силлабический. Ряд переводов.

Магомет и Аполлон²¹ – две религии сливаются вместе в мировоззрении человека Средних веков, хотя язычество и христианство – пропасть во взглядах.

Испанский эпос – «романсы о Сиде». Как и французский эпос, отражает ранний, героический период феодализма. Но романсы о Сиде не объединены в одно произведение, как французский эпос в «Песне о Роланде». «Романсы» – не единое произведение. Они дают картину всех процессов, происходящих в феодальном строе.

Романсы Сиды рисуют двояко: то он герой против мавров, защитник своего сюзерена (как Роланд); в другой группе романсов Сид уже не подчиняется королю, он демократический тип – феодал. Мелкими же помещиками он делается бунтарем.

Последующая история героев феодального эпоса Роланда и Сиды²².

<IV>. Эпоха куртуазной рыцарской поэзии

В эпоху раннего феодализма этот строй был компактен, не разобщен, силен – с натуральным хозяйством, город еще мало был развит и еще не противостоял помещику-государству. Но по мере развития денежных отношений, развития торговых путей (открытие Востока, Крестовые походы и пр.) развитие города, протест города против феодального помещику-государства и прочие явления в социальной жизни феодального строя не могли не повлиять на литературу.

Город не укладывается в рамки феодализма, он противостоит феодальному строю, замкнутому. Это повлияло на общее развитие феодализма по пути обуржуазивания. Это феодализм времени развитого городского хозяйства, торговых путей, связи с Востоком (относится к XII в.).

Начинается национальная централизация, объединяющая мелких феодалов, их владений-государств вокруг короля. Король – всеобщая власть всех феодалов. Правда, эта государственная централизация происходила позже (XIII в.), но частичная централизация проходила везде по Европе с XII в.

В результате этого явления происходит разложение феодалов на крупных, мелких и средних. Мелкие феодалы превращаются в подчиненных крупных феодалов, теряют

²¹ Вероятно, студент записал этот фрагмент лекции не полностью и неточно. Лектор имеет в виду, что автор «Песни о Роланде» считает мусульман-мавров язычниками, поклоняющимися идолам Магомета, Аполлона («Аполины»), Юпитера и некоего Тервагана. В представлении средневекового христианина сливаются воедино ислам и язычество, хотя между ними – «пропасть во взглядах».

²² Далее автор оставляет незаполненной половину страницы.

самостоятельность. От мелких и средних феодалов выдвигаются придворные, они вокруг ордена рыцаря, носят орден рыцаря. Рыцарский орден много изменяет в быту феодалов. В жизни они борются друг с другом как покровители прекрасного пола.

Теперь разорившиеся феодалы собираются в домах крупных феодалов, начинается жизнь придворного характера, роскошь проникает (благодаря использованию Востока и развитию торговли) в эти феодальные дворы. Эта эпоха называется куртуазной (придворной), но двор не короля, а отдельных крупных феодалов. Начинается беззаботная веселая жизнь.

Начинается первое возрождение античной древности (в XII в.). Самой цветущей страной была южная половина Франции – Прованс. В Провансе и начинается первое возрождение античной древности, правда, интерес к ней был сравнительно узкий, местный. К ней интерес проявили арабы – восточные люди. Так как культура их была очень высока, они полностью приняли культуру Древней Греции и Рима. В Провансе первое античное возрождение подняли арабы.

Под влиянием римской любовной лирики в Провансе процветает любовная лирика, носящая название поэзии трубадуров (поэты назывались трубадурами). Затем эта лирика проникает в другие страны и прежде всего в северную Францию²³.

11.III <37>

<Поэзия провансальских трубадуров>.

Поэзия трубадуров канонична, довольно однообразна. Серенады, сирвенты и пр. похожи друг на друга. Только сирвента (политическое стихотворение) немного отличалась от провансальской лирики.

Лирика провансальских трубадуров отличается от северных и немецких влиянием античной лирики. В Провансе лирика трубадуров почти не заимствовала богатые фольклорные песни, хотя лирика трубадуров находилась в окружении народной лирики. Поэтому провансальская лирика особенно искусна, книжна и имеет формы античной лирики. Но вот немецкие миннезингеры широко использовали народные песни в противовес трубадурам Прованса.

Бертран де Борн (XII в.) – крупнейший трубадур XII в., крупный провансальский лирик, писал альбы, серенады, но особенно кансоны и сирвенты, где оплакивается и восхваляется умерший знатный сеньор. Имел сирвенты политического и военного характера, где описываются прелести феодальной войны.

Представление о войне в XII в. Войны автор принимает как турнир, веселую стычку, но нет исторической глубины, как в «Роланде», где идея завоевания новых земель, расширения территории страны. Там серьезность. Здесь нет политической целеустремленности. Он рад войне ради шутки. Это знаменитые сирвенты Борна, где налицо измелчание сознания феодалов.

В поэзии трубадуров пейзаж ограничен и условен. Самостоятельной ценности природа в поэзии Средневековья не имела, природа для поэтов XII в. – условность.

Сирвента «Плач о короле»²⁴ замечательна у Бертраана <де> Борна. Сирвента «Плач о короле» не имеет фольклорного влияния, она слишком шаблонна, книжна – явное влияние церковно-монашеской литературы. Правда, первая строка у Борна звучит свежо, очень художественно. (Знать сирвенту о войне²⁵ и «Плач».)

Кансона куртуазного типа построена на красоте, неожиданностях, комплиментах.

2. Гиро де Борнель – трубадур XII в.²⁶. Его знаменитые альбы (утренняя песня друга

²³ Далее студент оставляет незаполненными в своей тетради 6 страниц.

²⁴ Имеется в виду поэма «Плач на смерть Молодого Короля» (Генриха Плантагенета), начинающаяся строкой «Наш век исполнен горя и тоски...».

²⁵ Имеется в виду знаменитая сирвента Бертраана де Борна «Мила мне сладость вешних дней...».

²⁶ Даты жизни Гиро де Борнеля: ок. 1160 – ок. 1214 г.

влюбленного рыцаря). Особенность творчества де Борнеля – диалог. Это влияние позднегреческой лирики – Феокрита.

Борнель писал альбы, тенсоны (чисто на диалоге построены).

Характерная черта творчества трубадуров – ирония, неожиданный конец, концовка. Тенсона – спор двух лиц, на диалоге – вся песня. Три особенности тенсоны: 1) литературный спор о том, как надо писать; 2) любовный спор: надо самые серьезные моменты смешать с эротикой и 3) характерная тема – расставание друзей, бытовой мотив расставания. Немецкая тенсона – другая, серьезная, без изыществ, осложненная философски-ми взглядами. Провансальская же тенсона – непринужденная светская беседа (изыщного характера) двух друзей. Это характер провансальской тенсоны вообще.

Влияние фольклорной бытовой и обрядовой песни на провансальскую лирику незначительно.

Баллада связана не <с> бытовыми, а <с> мифическими мотивами – обрядовыми. Баллада – первоначально означает «плясать» (вокруг зеленого дерева – мифический обряд).

Тема баллады – эротическая (конец XII в.). Тема этой баллады: королева влюбляется в молодого пажа и ревность старого короля²⁷. Здесь влияние фольклора, но это единичность, это вообще не характерно для провансальской лирики.

Труверы. Северофранцузская лирика.

Сильное влияние фольклора. Поэтому и баллада сильно развита. Влияние религиозной тематики на северофранцузскую лирику. Этой черты не было в провансальской лирике (очень слабое влияние). Прованс поэтому была страна еретиков, и был организован Крестовый поход против Прованса.

Серенады, альбы, кансоны есть в северофранцузской лирике, но кроме всего разрабатывается тема Крестового похода. Конон де Бетюн написал во второй половине XII в. – в самый расцвет творчества труверов – «Песнь о Крестовом походе», где характерной чертой является разлука с любимой и уход в Крестовый поход. Куртуазность, считавшая любовь главной, важной, налицо; но затем герой уходит воевать, умирать за Бога.

В северофранцузской лирике куртуазная черта сохраняется, но провансальского изыщества, жеманства и иронии нет. Здесь элементы религиозности.

Немецкие миннезанги.

Немцы в эпоху Прованса были куда отсталее. Сеньоральные центры Германии были куда малокультурнее, за исключением только сеньорального центра германской Вены. Поэтому лирика немцев тяжела, религиозна. От тенсон пахнет богословским, религиозным, философским спором, а не свежим духом сеньорий.

Своеобразнейшая черта германского миннезанга (альбы, кансоны и серенады) заключается в народности, в мотивах немецкого фольклора (песни о женской доле). Альбы как раз и есть песни покинутых женщин, а не песни рыцарей, сеньоров. Здесь не только нет куртуазности, но даже нарочито подчеркивается противопоставление куртуазной лирике народной лирики, полемика с куртуазностью (в кансонах). В кансонах даже героини – не куртуазные светские дамы, а девушки из народа.

Альба, кансона – распространены. И серенады. Баллада – народная весенне-обрядовая песня – в Германии тоже распространена. Сирвента – более распространена, чем где-нибудь (например, в Провансе, в Северной Франции и пр.).

Куртуазная форма лирики отстывает в Германии. Нет куртуазной жизни благодаря отсталости экономической жизни в Германии. Папский двор Италии давил на Германию. Впоследствии, как известно, дело доходит до борьбы с папством, с католической церковью, до Реформации (XVI в.).

Сирвента сатирическая, направленная против папства – наиболее распространенный

²⁷ Имеется в виду известная безымянная баллада, начинающаяся словами: «Все цветет! Вокруг весна! – Эйя! – Королева влюблена, – Эйя!».

вид немецкой лирики. Сирвенты философского порядка тоже очень развиты.

Шпрух (изречение). Шпрух писали немецкие миннезингеры. Они тяжеловесны; изящества, непринужденности нет. Все это говорит о слабом развитии куртуазной жизни, слабом развитии экономики. Политические миннезингеры даже противопоставляли бездельному и развратному рыцарю честную, умную крестьянскую девушку.

Дитмар фон Айст (конец XII–XIII в.)²⁸. Создал замечательную альбу, где слово предоставляется не рыцарю.

Вальтер фон дер Фогельвейде. Наиболее крупный представитель немецкой поэзии. Он писал любовные кансоны. Влияние народной поэзии на его лирику огромно. Очень своеобразно развивает мотив любовной верности, отличается от куртуазности. Нравственный характер, «верность до гроба». Этот мотив в Германии очень распространен.

В своих сирвентах он пишет о политической верности. Мотив о немецкой родине – только его мотив, больше никто в условиях феодализма не писал. Это замечательно.

В сатирических сирвентах Вальтер бичует римского папу и его двор и, наконец, он пишет философские песни. Он крупнейший миннезингер XII–XIII вв. Замечательно его философское изречение в стихах об обнищании страны («Увы! Минувшее, зачем ты скрылось»)²⁹.

Деревенский миннезанг (с первой половины XIII в.). Это рыцарская переделка крестьянской песни. Песни писались миннезингерами-рыцарями. Наиболее крупный представитель деревенской лирики – Нейдгардт из Рейенталя³⁰. Он обрабатывал крестьянские песни и делал резкие выпады против крестьянина – в<ы>ливал ненависть рыцаря на крестьянина. Он крестьянами назван «волком», «скверным».

<V>. Рыцарский роман

Расцвет рыцарского романа совпадает с развитием куртуазной лирики, но пережил ее.

1. Классический рыцарский стихотворный роман XII в. возник в Провансе (как и куртуазная лирика), затем перебросился в северную Францию и в другие страны Запада. Куртуазный роман.

2. В середине XIII в. из среды рыцарской этот роман начинает переходить в город, обуржуазивается, подвергается влиянию городских кругов. Утрачивает стихотворную форму – роман «de rime»³¹. Содержание меняется, объем увеличивается.

3. Роман в прозе – «de rime»³². В XV–XVI вв. распухает, становится многотомным романом. Становится романом пестрой среды, преобладает городская буржуазия, средние слои.

«Амадис Галльский» – многотомный рыцарский роман и прочие.

Куртуазный роман XII в. имеет четыре источника:

1) Бретонский цикл сказаний. Бретонский цикл – сказания, возникшие на северо-западе Франции, в центре которых находится двор короля Артура и его жены и рыцарей. Легендарный король. Рыцари делали в честь Генеvры, жены Артура, подвиги и собирались во двор короля. Это «роман Круглого стола». Мотив этого романа – мотив святого Грааля (чаши). По легенде, в Грааль натекла кровь Христа с водой, но Грааль надо найти. Рыцари Круглого стола не только завоевывают царства, но ищут еще Грааль. Это первый источник бретонского цикла – короля Артура и рыцарей Круглого стола. Рыцари – Персеаль,

²⁸ Даты жизни Дитмара фон Айста: ок. 1140–1171 г.

²⁹ В хрестоматийном переводе К.А. Иванова (1858–1919) начало этого произведения звучит так:

«Увы! Куда, минувшее, ты скрылось?».

³⁰ Современное русское написание имени миннезингера Neidhardt von Reuenthal – Нейдгардт-фон-Рейенталь.

³¹ В записи студента: «де риме».

³² В записи студента: «де риме».

Ланселот и Тристан³³. Они фигурируют и в германских романах бретонского цикла, и во французских.

2) Античный цикл. Писатели Средних веков брали героев античности, троянских героев, Бризеиду и прочих античных героев. Очень распространенные темы романов об Александре Македонском.

3) Восточный цикл. Период Крестовых походов. Характеризуется проникновением романов Востока на Запад. Рыцарские романы очень часто черпали свои сюжеты из арабских, персидских сказок и пр. Эти рыцарские романы носят название «восточного цикла». Восточная литература вообще повлияла на все рыцарские романы – различных циклов, кроме чисто восточных романов.

4) Греческий цикл. Это не античный цикл. Он является совершенно другим циклом рыцарских романов, т. к. рыцарский роман берет материал из позднего греческого романа (IV–V вв. нашей эры). Ранние рыцарские романы ничего не брали из греческого цикла.

Особенности формы рыцарского романа и их идеология.

Романы стихотворные (ранний период) и приближаются к нашей поэме. Прямолинейное действие одного героя. Эта ранняя форма живет до половины XIII в.

Ланселот – герой, рыцарь «Круглого стола» Артура. <Кретьен> де Труа – автор. Мотив околдовывания (мельницы Кихоту кажутся великанами). Кретьен де Труа – представитель французского рыцарского романа. Основная идея рыцарского романа – прославление женщины. Служение Даме своего сердца и получение имени благодаря подвигам.

Другой роман – «Тристан и Изольда» дошел в безымянной обработке. Жонглерская версия, без автора. Затем идет версия <Готфрида> Страсбургского, который написал роман «Тристан и Изольда». Этот роман уже <дополнен> подробными материалами. Таким образом, этот роман имеет три редакции, версии:

- 1) жонглерская редакция (в стихах);
- 2) французская безымянная редакция;
- 3) редакция Готфрида Страсбургского.

Сюжет всех трех версий.

Тристан – верный вассал короля Марка, которому он должен добыть жену (древний фольклорный мотив). Нахождение Златокудрой Изольды Тристаном. Волшебный напиток – типичный, но сказочный мотив рыцарского романа. От напитка любовь связывает людей «до гроба». Ошибка: напиток выпит не королем и Изольдой, а последней и Тристаном. Верность в любви не идеальная, а лекарственная. Жонглерская версия дает грубую мотивацию любви. Но Готфрид Страсбургский уже иначе объясняет этот мотив любви. Французская версия тоже дает апофеоз любви – любви не только «до гроба», но и после гроба (дерево растет над их могилами).

Изольда становится женой короля, но измена королю. Изгнание их. Описание лесной идиллии влюбленных. Уход Тристана и его гибель. Возвращение к нему Изольды и смерть. Это простая схема жонглерской редакции. Но разница между редакциями. Готфрид Страсбургский – роман строится на одной любви, на идиллии в лесу. Дает психологию любви. На первом плане – моменты психологии побеждающей любви. Характерная черта куртуазного рыцарского романа заключается в том, что, веря Богу, герой больше всего прибегает не к нему, а к своей хитрости, кощунствуя над Богом, хотя роман носит и религиозный характер. Готфрид Страсбургский – знаменитый немецкий писатель.

Французская версия строится на символике и мелодраме. Начинается с XIII в. Французская версия расширеннее, полнее, и в прозе. Символика заключается в белом и черном парусах (остаток древнего мифа), а мелодрама – на разговорах двух героев. Тристан спрашивает, какие паруса имеет приближающееся судно. Мотив растения (дерево на могиле Тристана и изгибание ветвей на могиле Изольды) – тоже древнее влияние

³³ Хотя герой «Тристана и Изольды» служит не Артуру, а королю Марку, этот роман также примыкает к артуровскому циклу.

(«Метаморфозы» Овидия). Миракль – чудо.

Третий роман – Гартмана фон Ауэ. Влияние народной песни на рыцарский роман. Появление образованной девушки. «Бедный Генрих». В стихах. На роман повлиял фольклор. Болезнь Генриха – проказа. Вылечить – только кровью сердца девушки, добровольно. Он продает все и живет у мельника. Дочь <мельника> дает согласие отдать кровь своего сердца. В Салерно – врач, давший рецепт. Сначала не согласен, но девушка доказывает свою добровольность. Но перед операцией Генрих отказывается от жертвы и – вылечивается от болезни. Затем он женится на этой девушке. Куртуазности здесь вовсе нет, это продолжение миннезанга – немецкой лирики в духе народной поэзии, с влиянием фольклора. Роман «Бедный Генрих» стоит особняком в среде рыцарских романов, т. к. как показывает простую девушку, веселую, смелую, ироничную³⁴ крестьянку. Там – служение знатной даме, здесь – крестьянской девушке.

<Четвертый роман> – «Парсифаль», роман бретонского цикла; принадлежит к версии, где в центр становится святой Грааль. Парсифаль – рыцарь святого Грааля. Этот сюжет рассматривался и во Франции (Кретьен де Труа) и в немецкой литературе (<Вольфрам фон> Эшенбах). Образ Парсифаля – человек-простак. Но де Труа дает куртуазный тип рыцаря. А Вольфрам фон Эшенбах дает простодушного, с чистым сердцем героя, без куртуазности, вроде Иванушки-дурачка. Образ народный – простодушие! Поэтому является философско-проблемным романом очищения греха и пр. Эшенбах изображает борьбу двух начал, но довольно утомительно. Отзвук богословских дебатов сделал роман Вольфрама фон Эшенбаха скучным. Проблема отношений чувственного мира с внешним стержень.

Все это романы XII–XIII вв. Дальнейшее развитие рыцарского романа.

22. III. <37>

1. Романы античного цикла – средневековые романы использовали не «Илиаду» и др., а поздние романы – периода распада Римской империи. В частности, была использована «Александрия», т. е. легенда об Александре Македонском и легенда о жизни индийского царя. Лже-каллисфеновская «Александрия» (II век н. э.). Каллисфену приписывалась «Александрия», написанная будто бы Каллисфеном, но он жил раньше. Основной источник всех «Александрий» – каллисфеновский источник. Описывались восточные сказочные элементы, даже Александр Македонский потерял реальный исторический образ. Сильная переработка восточного (сказочного) порядка. Эта «Александрия» проникает в Италию, в Европу и т. д. Здесь уже прибавляются новые элементы об Александре Македонском в Индии. Это роман александрийского цикла.

2. Роман бретонского цикла. Ничего общего не имеет с древним циклом. Романы Дареса <Фригийца> и Диктиса <Критянина>... Особенно интересен роман Дареса. Роман написан в виде дневника героя, осажденного в Трое. По своему характеру <романы> – авантюрные, на первом плане – приключения героя, поэтому <они> ничего общего не имеют с античным циклом. Поэтому романы Средних веков подражали не античному циклу («Илиада» и проч.), а романам троянского цикла – Даресу и Диктису. Даресовская точка зрения (осуждение Ахилла, Одиссея, Агамемнона и других героев, но восхваление Гектора и других троянских героев). Это подходило по вкусу эпохе Средневековья. Даресовский материал – уже авантюрный и отошедший от первоисточника («Илиады») – еще больше искажался куртуазными элементами писателей Средних веков.

<3.> Троянский роман. Бенуа де Сен-Мор написал интересный «Роман о Трое». Опирался на даресовский роман, но он его переработал. Теперь герои – троянцы, уже совершенно куртуазные, – служат своему сюзеру Приаму. Таким образом, дух феодализма. В основе романа – любовная интрига. Любовь Троила к Бризеиде – основа. Но Бризейда изменяет с Диомедом (...роман классической поры, XII в.). Самый популярный роман троянского цикла. Этот роман в XIV в. переработан Боккаччо («Филоколо»), в драму

³⁴ В записи студента – «ироническую».

переделал Шекспир («Троил и Крессида»).

<4.> Греческий цикл. Возник в римскую эпоху (III в. н. э.), развивался как в Греции самой, так и в Византии: «Эфиопская повесть» и др. Средневековый греческий роман ведет свое начало не от греческого типа («Левкиппа и Клитифонт»), а от византийского романа. Роман этого типа изображает двух возлюбленных, их разлуку и брак. Новое в этом романе – любовь к даме, не куртуазная любовь, а установка на брак. Но их разлучает судьба. И благополучный брак. На куртуазной почве (XI–XII вв.) роман греческий не мог развиваться благодаря другой идеологии (установка на брак). Этот роман начинает развиваться только во второй половине XII в. Это обуславливается ростом городов, когда феодалы, пришедшие из своих замков в город, примкнули к городским бюргерским верхам, где любовь не была оторвана от брака, где брак – на первом плане, семья – основа (куртуазное же мировоззрение этого не могло терпеть). Теперь – другое дело.

«Флуар и Бланшефлер» – роман типа, где установка – на брак, семью. Ряд версий. Мотив социального неравенства, присущий ранней буржуазной идеологии. Сюжет: любовь сына короля – язычника Флуара к пленнице-христианке Бланшефлер. Султан. Гарем. Флуар в гареме. Пойман. Спасение – благодаря верной любви. Брак. Наиболее популярный роман греческого цикла. Связан с городскими верхами (XII в.). Даже в эпоху раннего Возрождения³⁵ (XIV в.) был очень популярен. Но транскрипция итальянская (где буржуазный характер еще более показан), французская (где еще элементы куртуазности). Боккаччо в «Филоколо» разработал мотив «Флуара и Бланшефлер».

<5.> Восточный цикл – характерный случай, изображающий разложение рыцарского романа и проникновение бюргерских оппозиционных тенденций. Это повесть об Окассене и Николетте (конец XII в.). Возник на севере Франции. Текст – чередование стихов и прозы, что очень характерно для подтверждения восточно-арабского происхождения. От куртуазности остались в этом романе только легкие остатки, в основном роман – с бюргерскими тенденциями. Есть характерная черта: ненависть буржуазии (конца XII и начала XIII в.), к феодализму и любовь к бедняку – социальная тенденция.

Сюжет романа. Сын графа Окассен, провансальского графа сын. Николетт – пленница-сарацинка. Куплена виконтом (феодалом) еще молоденькой. Теперь виконт хочет отдать ее замуж за порядочного человека. Появляется сын графа Окассен. Любовь молодых. Война между графами. Отказ Окассена принять участие в войне до женитьбы. Бежать в лес, идиллия. Выясняется, что пленница – карфагенская королева. Мотив социального неравенства яркий, а в куртуазной повести этого мотива не было совсем. «Окассен и Николетт» – наилучший роман восточного цикла. Аравия, арабы давали лучший материал для восточного цикла. Романы же, связанные с индийским эпосом, находят свою почву только в XIV–XV вв. и вливаются в романы и новеллы ранней буржуазии.

<Вторая эпоха рыцарского романа>. Роман об Энее дошел до нас через немецкого миннезингера Генриха фон Фельдеке³⁶. Вообще же этот роман, как и все другие романы, должен был пройти через Италию и Прованс. Генрих фон Фельдеке – зачинатель куртуазной литературы в Германии. Эней его участвует под Троей, как странствующий рыцарь, подобный Дон Кихоту, воюющий ради своей Дамы. Этот роман рыцарский – не что иное, как штамповка в период второй эпохи рыцарского романа.

В третий период рыцарский роман делается многотомным. Роман «de rime»³⁷ в прозе (XV–XVI вв.) особенно бытует в Испании, среди идалго.

1. Ключева И.В. Шекспир в Саранске: весна 1937 года (фрагмент лекций М.М. Бахтина в записи М.А. Бебана) // Бахтинский вестник: электронный научный журнал. 2019. № 1. URL:

³⁵ В записи студента: «в эпоху раннего Просвещения» (лектор оговорился).

³⁶ В записи студента: «Генрих фон Вальдеке» – так произносил это имя М.М. Бахтин.

³⁷ В записи студента: «де риме».

<https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/02/2019-№1-Ключева.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

2. Песнь о Роланде. По Оксфордскому тексту / пер. со старо-франц., вступ. ст. и прим. Б.И. Ярхо. М.; Л.: Academia, 1934. 317 [6] с.

M.M. Bakhtin's lectures on the history of foreign literature recorded by M.A. Beban

Publication, introductory article and notes by I.V. Klyueva

© 2018 I.V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, Candidate of Philosophy, Associate professor
at the Department of Culturology and Library and Informational resources,
analyst of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Republic of Mordovia, Russia

Annotation. The paper presents a decoded and commented fragment of M.M. Bakhtin's lectures as he read at the Mordovia State Pedagogical Institute (now N.P. Ogarev Mordovia State University) in the second semester of the academic year 1936/37. It was recorded by M.A. Beban – a Moksha-Mordovian writer, one of the founders of the professional Mordovian literature, that days – a student of the Faculty of Literature. The fragment includes the consideration of the themes: “Latin literature in the Middle Ages”, “The heroic folk epic”, “Chivalric literature”. Entries are dated February – March 1937. The annex contains scanned pages of the original document.

Keywords: M.M. Bakhtin, M.A. Beban, lectures on the history of literature, Western European literature in the Middle Ages.

1. Klyueva I.V. Shakespeare v Saranske: vesna 1937 goda (fragment lekcij M.M. Bahtina v zapisi M.A. Bebana) // Bahtinskij vestnik: elektronnyj nauchnyj zhurnal. 2019. № 1. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2019/02/2019-№1-Klyueva.pdf> (дата обращения: 01.06.2019).

2. Pesn' o Rolande. Po Oksfordskomu tekstu / per. so staro-franc., vstup. st. i prim. B.I. Yarho. M.; L.: Academia, 1934. 317 [6] s.

Иллюстрация - вставка в руко-
письмо Клан

1. Литературно-художественная работа, которую
надо знать.

М. Бебак

~~литературно-художественная~~

литература гражданская
(западн-европейская и др.)

[Средние века и
эпоха Возрождения.]

Носију и од нас сваког дана излази
и изградњу авиона и ваздухоплов
система, изградњу, алима, јако савремено
и према томе.

[illegible]

народов, хронологически тнос
и к периоду кургузанской мт.

5. Синтарийская мт. (13-14)

этой мт. кургу зародилась на
краи разломов фелдшпата.

(Сюда относятся также древнейшие
разбор-акамиз.)

1. черная-могашевская мт.
Представляет собой темную фелдшпатовую
и кварцевую порфировую массу
на своей территории. Встречаются
мелкие не фелдшпаты от кварца
и кварца - крупные фелдшпаты,
застывшие в застывшем
состоянии.

Мировоззрение древних людей: оскорб
связанные все идеалы в историческом
мире. Оно было направлено на то, чтобы
защитить государство, царя и
идеологически обуздать широкие массы
народные массы. Главной целью: человек
не имеет буржуазии в подчинении
мире, поэтому человек должен о за
ти жизни. Обеспечение земной жизни,
перенесение центра тяжести в земную
царство - путь эволюции. Это путь
развития человеческого мира, пре
над отменой отменой развития
мировоззрения эволюции-антропо
идеальной жизни человека, жизни
на земле - радости, счастья, благо
и не уродливый, не чуждый.

Учение об отживании: дау кем
человек сам не во всем искал и чувств
он много получил не только от бога,
только от людей, показавших ему
эта жизнь, поэтому в царстве, в свяще
ным предании. Это учение в древне
век кривало и к эволюции, про
мирового бездара человека. Сказочная
наука, что без человека, без
полюса, а не бездара, что, что
не создано. Сила, что была
формирована. Переходом из
Полное бесилость, формоизм. Сказочная
т.о. еще другие царства, эволюция
мировоззрения, фелдшпаты и эволюция.
Символическое это искусство, рисова
ние порфированного мира, порфированной
человек превращено символы и эволю
ции.

Таким образом, средневековая исто
рия в своем искусстве много при
двинула: символы, формоизм и
эволюция.

Куда же, где, почему, что, что
и царства, эволюция, эволюция
или эволюция, что, что, что, что,
символы, что, что, что, что, что, что.

Символы, формы, манера, эволюция
мировоззрения.

1. Мт. - эволюция, эволюция, эволюция.
2. Лекция, что, что, что, что, что, что,
что, что, что, что, что, что, что, что,
что, что, что, что, что, что, что, что.

Вторичные - которые прошли грабительские
ослепления перед глазами и ушными
представлениями. Многие слышат, что, например
еще в будущем году не так уж далеко
от нас Иерусалим.

[illegible]

размещенная в том же здании еще по
изначальному заданию - как музей.
Здесь размещены мемориальные подруги и
всего здания.

Поскольку родился. Грама там св.
1000 точно с евангелием, ~~и~~ иже-то
церковь первоначальна дола в Библию,
из разном тисании в Евангелии.

Писеръ же въодуше, докопавъ корса
каши, нѣвѣ, изурлявъ сѣна и сѣмъ не
бѣло.

Н.О. полагает, что авторский текст
не был сложен, в основном, — это же это работа
на черновой стадии, которая удовлетворяла
его требованиям: не было, и не было читателя в
таком смысле, как мы знаем, по старинному
и к тому же — на работе — это же
(это старинный, славянский) — это же
было в основном, кроме этого, работы
по этому же, и не было, и не было
— не было, и не было, и не было
увидено, и не было. Но теперь, когда
каждый же, и не было, и не было
знает, и не было, и не было, и не было
сам, и не было, и не было, и не было
и не было, и не было, и не было.

3-й этап: развитие творчества. Тема: «Сознание и творчество». Цель: развитие творческих способностей, умение видеть красоту в окружающем мире, умение выразить свои мысли и чувства в творческой деятельности.

до кие в 11-13 вв. Тесно, показывая, разномыслие родового строя, ^{иногда} в урочной традиции, как и сами Чингизиды, изредка замесами ^{иногда} родового строя, но в основном, снова на чужбине, почитро родового строя, ^{иногда} от азиатского народа, переселенный в руси (3-4 в), заарст.

Раздел

1. Ирландские и иные наиболее сохранившиеся песни о Нибелунгах не содержат ни одного слова о содержании эпоса и о его наименовании и о его роде и о его судьбе.

Наиболее ранние эпосы о Нибелунгах содержат только один слог и о его роде и о его судьбе.

В Франции песни о Нибелунгах содержат только один слог и о его роде и о его судьбе. В Германии песни о Нибелунгах содержат только один слог и о его роде и о его судьбе.

Этот эпос не познал а содержит только один слог и о его роде и о его судьбе. В Германии песни о Нибелунгах содержат только один слог и о его роде и о его судьбе.

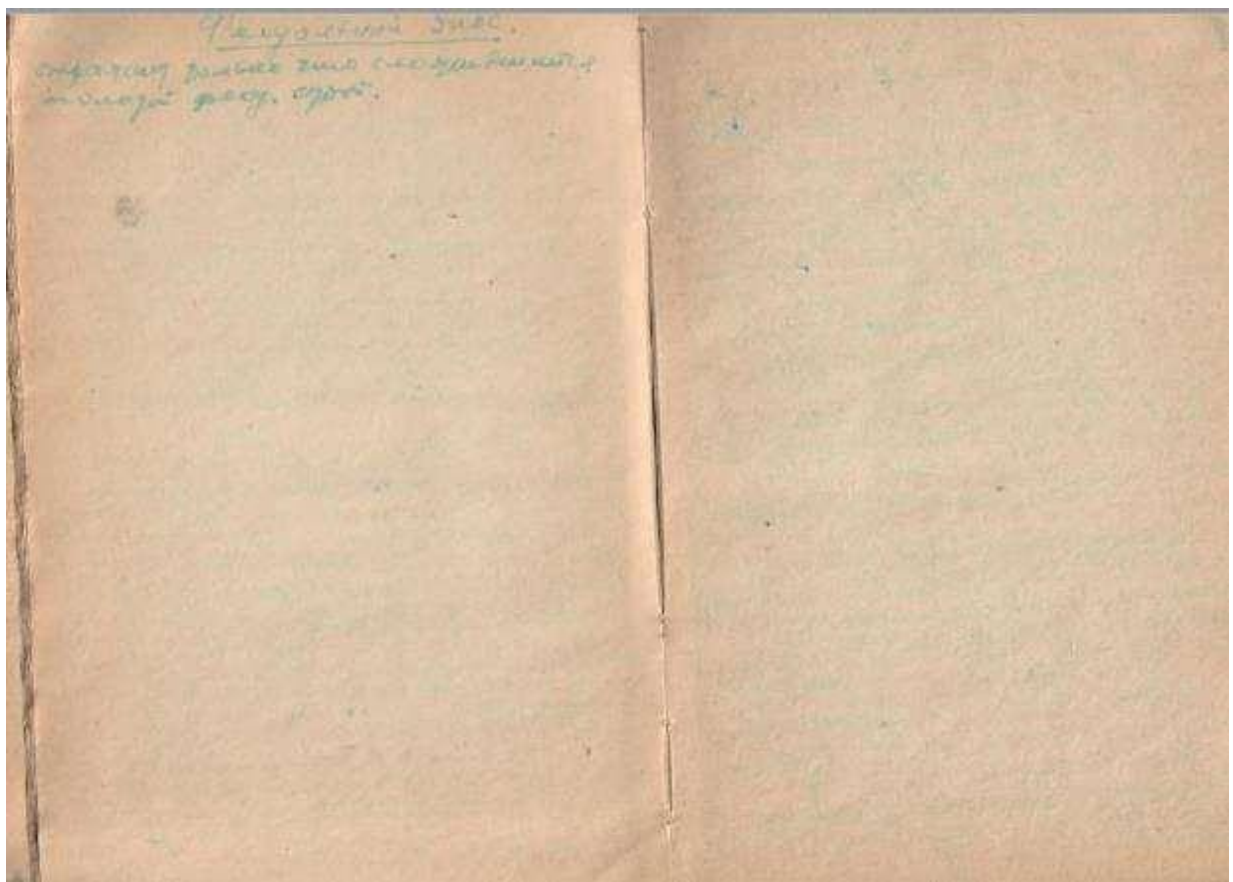
Этот эпос не познал а содержит только один слог и о его роде и о его судьбе. В Германии песни о Нибелунгах содержат только один слог и о его роде и о его судьбе.

Королева Медв и иные наиболее сохранившиеся песни о Нибелунгах не содержат ни одного слова о содержании эпоса и о его наименовании и о его роде и о его судьбе.

Тот же эпос не познал а содержит только один слог и о его роде и о его судьбе. В Германии песни о Нибелунгах содержат только один слог и о его роде и о его судьбе.

Этот эпос не познал а содержит только один слог и о его роде и о его судьбе. В Германии песни о Нибелунгах содержат только один слог и о его роде и о его судьбе.

Этот эпос не познал а содержит только один слог и о его роде и о его судьбе. В Германии песни о Нибелунгах содержат только один слог и о его роде и о его судьбе.

ра. Это чрезвычайно важно
для нас. Притом же
он подкупил и других людей
в окружении.

После Карла В. все мирно
пошел к северу. Вскоре
после этого он был
убит. Но родня
Карла В. продолжала
жить в том же месте и
в том же доме. (После
Карла В. он был убит и
его тело было похоронено
в церкви.)

Карл В. был убит в
том же месте, где он
был убит. (После
Карла В. он был убит и
его тело было похоронено
в церкви.)

Современные люди о Карле В.

Карл В. был убит в том же
месте, где он был убит. (После
Карла В. он был убит и
его тело было похоронено
в церкви.)

Карл В. был убит в том же
месте, где он был убит. (После
Карла В. он был убит и
его тело было похоронено
в церкви.)

Современные люди о Карле В.
Карл В. был убит в том же
месте, где он был убит. (После
Карла В. он был убит и
его тело было похоронено
в церкви.)

Также Карл В. был убит в том же
месте, где он был убит. (После
Карла В. он был убит и
его тело было похоронено
в церкви.)

Карл В. был убит в том же
месте, где он был убит. (После
Карла В. он был убит и
его тело было похоронено
в церкви.)

Этот эпизод, по существу — это
реализм (ранее, чем реализм)
нашу эпоху, эмоциональное эссе
и, следовательно, Г.С.)

Поворот — это тоже эпизод. Поворот
не является роком: это
не является роком, но это не является
роком, но это не является роком.
Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Поворот — это эпизод, это
эпизод, это эпизод.

Последующий историз геральдический
книжки Родана и Сива;

Эпоха крестовых рыцарей поздняя

В эпоху раннего феодализма этот период
был компактен, не разбит, силен, —
с кастрами. Жестоким, город еще
мало был разбит и еще не прорывался
помещичьей кастрой. Но по мере разви-
тия феодальных отношений, развития горо-
дской (отчасти торговой) кастры (по-
скольку, развитие города, прорыв города
мощь феодальной кастры — кастра-
ция и пр. — вела к созданию новой
феодальной кастры не могли не пове-
стись на историю.

Город все усиливается, расширяется

этого, то и крестовые. Это повлекло за
собой развитие феодальной кастры (город
привлек). Это привлекло и развитие
развития кастры (католической и 12 века).
Католическая национальная центральная
кастра, объединяющая кастры (город
кастра). Католическая кастра (кастра)
феодальной кастры, это кастра (кастра)
католическая кастра (кастра) (кастра)
по кастра (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)

В развитии крестовых рыцарей
привлекло развитие кастры (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)

В эпоху развитого феодализма кастра
в кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)
кастра (кастра) (кастра) (кастра) (кастра)

II марта. Поздн. пурпуров каротина
та, выведена однасторона.
серебрист. серебрист и др. похотим
бур на дур. Мокко серебрист (пош)
сильно выделен, кемпом отливает
от арониса (серой) ширины.

Мириса провожающим пурпуров
отливает от серебрист и кемпом
~~и~~ выделен аричной ширины.
В Прованс шр. пурпуров пош не
выделен выделен более розжирные
пош, хри ширины пурпур. каковы с
с окруженн кароткой ширины. Пош
провансатская ширина около 10 см
остат, каминская и шире 10 см
широкой ширины. Ко вот кемпом
минерализера широко использован
называют пош в пурпуров шире
бадурин Прованса

#1 Бертрана де Борн (12 век) - крупнейший
пурпур 14 века, крупн. провансат
ших ширины; шире 10 см серебрист,
ко около 10 см и шире, где
было выделен и выделен
и шире 10 см серебрист. Уши серебрист
и пош 10 см и выделен 10 см
где отливает проше 10 см
восток. Представлено о восток в 12 век.

был в нем ненависть к рыцарю на
крестовых походах. Он крестовых походов
был в нем, скверном.

Рыцарский роман.

^{рыцарский роман}
расцвет начинается с расцветом куртуаз-
ной культуры, но переходит к ней.

1. Классический рыцарский роман 12 в. возник в Франции как
«куртуазный роман», возник из арьеро-
маньеры св. Фр. и св. Фр. св. Фр. св. Фр.

2. В середине 13 в. из среды рыцар-
ства Фр. роман кавалерии св. Фр.
аллианс св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.

3. Романы 15-16 в. 15-16 в. 15-16 в.
15-16 в. 15-16 в. 15-16 в. 15-16 в.
15-16 в. 15-16 в. 15-16 в. 15-16 в.
15-16 в. 15-16 в. 15-16 в. 15-16 в.
15-16 в. 15-16 в. 15-16 в. 15-16 в.

— Куртуазный роман 12 в. — Куртуазный

1) Бретонский цикл св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.

св. Фр. Франции. св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.
св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр. св. Фр.

2) Английский цикл. — Английский
Английский Английский Английский
Английский Английский Английский
Английский Английский Английский
Английский Английский Английский

3) Французский цикл. — Французский
Французский Французский Французский
Французский Французский Французский
Французский Французский Французский

4) Итальянский цикл. — Итальянский
Итальянский Итальянский Итальянский
Итальянский Итальянский Итальянский
Итальянский Итальянский Итальянский

5) Немецкий цикл. — Немецкий
Немецкий Немецкий Немецкий
Немецкий Немецкий Немецкий

Характерный черт киргизского романа. Он не только захватывает, но и воспитывает. В нем, как в зеркале, отражены все стороны жизни киргизов, их верования, нравы, обычаи, их борьба с природой и с врагами. Киргизский роман — это не только история, но и философия, это — картина жизни.

Французский писатель Жюль Верн, писавший с 1863 по 1900 гг. более 60 романов, написал и 9 киргизских. Среди них: «Киргизы», «Киргизская война», «Киргизская революция», «Киргизская империя», «Киргизская империя и ее падение», «Киргизская империя и ее падение», «Киргизская империя и ее падение».

3. Роман киргизского народа

В киргизском романе много общего с романом Жюль Верн. Киргизский роман — это не только история, но и философия, это — картина жизни. Киргизский роман — это не только история, но и философия, это — картина жизни.

В киргизском романе много общего с романом Жюль Верн. Киргизский роман — это не только история, но и философия, это — картина жизни. Киргизский роман — это не только история, но и философия, это — картина жизни.

4. Перикл — великий человек. Он не только захватывает, но и воспитывает. В нем, как в зеркале, отражены все стороны жизни киргизов, их верования, нравы, обычаи, их борьба с природой и с врагами. Киргизский роман — это не только история, но и философия, это — картина жизни.

Культурно-просветительная работа в семье
Президиум. М.О. 09.05.1988. В.И.И.
не должна быть обязательной.

Модерн Промиса и Прогресс - книга
по философии культуры с философским
текстом классической мысли (1988). Самая
компактная работа по философии культуры.
Этот роман 614 с. переработан ~~и~~
Полетко. Философия в границах
переходной культуры, Промис и Прогресс.

переселенный из с. Вурьян в г. Златоуст.
модуль (3 + 4), разбитая на 8 частей
самой Тан. в Вурьяне. Живущая
вместе с др. Сорокиной. Живет
вместе с др. Сорокиной. Живет
вместе с др. Сорокиной. Живет
вместе с др. Сорокиной. Живет

Роман. Роман это была чужая
какая-то вещь, выходящая из
материала. Бран. Каких в этом рай.
не любви и да не, не суть, не
материал, а чужая вещь, не Бран, но
и не романтика, Сибирь - бездомный
Бран, не Киргизской ночи (11-12) 1900

1. *Самостійно* (10%)
 2. *Група* (20%)
 3. *Індивідуально* (10%)
 4. *Група* (20%)
 5. *Індивідуально* (10%)
 6. *Група* (20%)
 7. *Індивідуально* (10%)
 8. *Група* (20%)
 9. *Індивідуально* (10%)
 10. *Група* (20%)

в город, а приехали к городку и
дургерсина Верана, где любовь не
была возможна от страха, где фран
ко иервон и так был - снова.
Кружалась же любовь. Это не
много горюх. Конец горюх был.

Федор и Бланш-де-Лан-Рокан-Жан,
его уполномоченная на брак, сего, рад
бытий. Монах соизволено аравенство
при оных раселл Фрэнсиско и
мне. Сие: милое сына король адми-
ника Фрэнсиско и Пасквиль-Фрэнсис
де и Бланш-де-Лан-Рокан-Жан со коро-
лем. Сирен. Сие: милое сына король
Бланш-де-Лан-Рокан-Жан. Сирен. Сирен. Сирен
и Фрэнсиско и Пасквиль, кой-ка, Сирен
Бланш-де-Лан-Рокан-Жан. Сирен. Сирен.

Камне в озеро, вы-ман при тесном узко-
связан с водосточным барташи (р.б.)
Ваме в озеро, как-то прощупывание
(48) был овал, поты-лан, ред транскрипции.
примечатель, не тупизацией, хариеру, еще
было похвалу, фактуров (на еще это
было, изобретение) фактуров, фило-
нов, фактуров, фило-
нов, фактуров, фило-
нов, фактуров, фило-

Воспринимать звуки. — Художественный слух, способность различать различные тональности и оттенки звуков, а также способность воспринимать ритм и темп.

Гора Лапач. Гора: кекабасе и брзачу
ази (кото 12 и на 13) и брзачу
и етоа и брзачу. Брзачу
сроста кекабасе. Брзачу

"Окраски и фактуры" камуфли-
рован вогрзюмъ зукла. Фактура
справа давае прити чорная дз
вогрозку зукла. Рокане не, афр
кис с ивондиче зуксам, кажд
дво афр зукла Р 14-15, и биде

5. Становление индустриальной культуры - индустриализация (12-13 в.)

физический труд - кооператив преобразов-
 ает из сельскохозяйственного хозяйства в город стран-
 иком торговле, разбиваются административ-
 ные районы, начинается кооперативное
 движение. Это, конечно, не все, что
 происходит в стране, но это то, что
 происходит в настоящее время, а что будет
 в будущем, это уже не знает никто.

**После Бахтина.
Новые публикации бесед и воспоминаний В.Д. Дувакина^{1*}**

© 2019 М.А. Бабушкина, С.А. Дубровская

*Бабушкина Мария Александровна, преподаватель
кафедры русского языка как иностранного
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: fairysky@yandex.ru*

*Дубровская Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 18-012-00341 А «Бахтинская энциклопедия». Руководитель – кандидат филологических наук
доцент С.А. Дубровская.*

Имя московского литературоведа и историка культуры Виктора Дмитриевича Дувакина (1909–1982) стало известно широкому кругу читателей после публикации его бесед с М.М. Бахтиным, два издания которых стали важнейшим событием не только в отечественном, но и в международном бахтиноведении [2, 5]. Повторим вслед за О.Е. Осовским, что эти беседы фактически представляют собой устную биографию мыслителя, рассказанную им самим, и занимают ключевое место в биографическом пласте исследований личности и творчества великого ученого [7].

Диалог Бахтина с Дувакиным не просто расширил представление читателей о жизни мыслителя, пролил свет на многие не проясненные эпизоды, но и позволил по-новому увидеть и почувствовать контекст и аромат эпохи, задуматься о личности не только самого Бахтина, но и его интервьюера. Как проницательно отметил В.Л. Махлин, «... собеседники в “Беседах...” – люди очень разные ... тем более удивительно, что В.Д. Дувакину удалось, по слову С.Г. Бочарова ... вытянуть ... из Бахтина больше, чем кому-либо из его запоздалых собеседников. Мне, впрочем, кажется, что самое интересное ... это сам процесс бесед, сам разговор из шести бесед начала 1973 года» [6, с. 515].

Дувакин, волею судьбы выбранный на роль создателя «устной истории» отечественной культуры XX века, оставил более восьмисот магнитофонных записей, но лишь небольшая часть доступна читателю в книжном формате. Среди его собеседников были и выдающиеся ученые, и деятели культуры, главное предназначение разговоров с которыми – сохранить и передать живые свидетельства об уходящей эпохе. Конечно, для Дувакина, как для специалиста по творчеству В.В. Маяковского, было важно, по крайней мере на первом этапе, воссоздание «контекста Маяковского». Не случайно в беседах с Бахтиным фигура Маяковского тоже появляется, хотя, как мы видим, творчество создателя «Облака в штанах» и «Бани» не было предметом интереса автора книги о Достоевском

¹ Рецензия на книги: Дувакин В.Д. Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском / В.Д. Дувакин, В.В. Радзишевский. М.: Common place: Устная история, 2017. 182 с.; Дувакин В.Д. Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах / подгот. текста О.В. Жигулиной, С.Г. Петрова, М.В. Радзишевской, В.Ф. Тейдер; коммент. В.В. Радзишевского. М.: Common place: Устная история, 2018. 226 с.

и Рабле.

Однако этот «поворот к Маяковскому» должен быть учтен при анализе того направления, в котором движется разговор Дувакина с выбранными собеседниками, и в целом – всей совокупности записей Дувакина во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. (о коммуникативных установках самого Дувакина подробнее см. работы Д.Б. Спорова [8, 9]).

Именно в этом контексте следует воспринимать недавно опубликованные беседы Дувакина с Виктором Борисовичем Шкловским и Евгенией Александровной Ланг, сделанные в 1967–1968 и 1969–1970 гг. соответственно. Беседы могут рассматриваться как своего рода подготовительный этап, когда Дувакин только «примеривается», нащупывает пути, на которых должна создаваться устная история отечественной культуры. Для нас же принципиально то, что сопоставительный анализ бесед Дувакина с Бахтиным, Ланг, Шкловским позволяет увидеть некую общность того разговора в «большом времени», который вырастает из всей совокупности сделанных литературоведом записей.

Более всего в бахтинском контексте интересна фигура В.Б. Шкловского, персонажа бахтинских работ, одна из центральных фигур «формального метода в литературоведении», пребывающего и в бахтинских диалогах. Бахтин, говоря о петербургском кружке «Omphalos», замечает: «Мы устраивали всевозможные заседания, а потом еще увлекались шарадами. Вот я помню, на квартире ... у Серебряного... он старше нас, не всех, конечно, но старше большинства из нас... Он был уже доцент и вел практические занятия по древнегреческому стихосложению. Семинарские занятия он проводил, как и очень многие профессора и доценты, у себя на дому. Это вполне было в моде тогда! ...оставались после этих занятий, пили чай, а потом ставили шарადы. Вот, я помню, одна шарада – “Бурлюк”. Первая часть – это был “бур”. Брат мой разыгрывал бура великолепно: в одной руке у него Библия, в другой ружье, одним словом, такой стилизованный бур... Дувакин подхватывает и говорит: И книжечка была: “Питер Марис – молодой бур из Трансвааля”. Это и Шкловский вспоминает, и я помню» [5, с.72]

В 1967 г. Шкловский про Бахтина не вспоминает, заметим, что и Дувакин его про Бахтина не спрашивает. Причины этого понятны: Дувакин приходил к Шкловскому прежде всего как к другу Маяковского, и большая часть вопросов была посвящена поэту, его творчеству и его окружению. Мы видим, как за подробностями рассказа Шкловского вырастает эпоха Маяковского, которая, подчеркнем, является и эпохой Бахтина. Подобный живой, насыщенный самыми неожиданными деталями разговор не просто создает общее пространство Шкловского и Бахтина, но и делает чуть более прозрачными и понятными отдельные страницы, в частности ленинградские, бахтинской биографии.

Если Шкловский – одна из самых знаковых фигур в 1910–1980-е гг., то Евгению Ланг можно отнести к числу малоизвестных свидетелей и участников событий, имена которых, как правило, если и появляются в историко-литературных текстах, то очень мелким шрифтом в сносках, примечаниях или комментариях. Однако от этого их свидетельства не становятся менее важными или значительными, приобретая порой непреходящую ценность. Это те самые штрихи, дополняющие эпоху, без которых ее образ нельзя назвать достоверным: здесь работают, как сказал бы Бахтин, законы «малого времени» [1, с. 433], но именно в этой спрессованности «малого времени» и ограниченного пространства кроются иногда очень важные детали, корректирующие «хрестоматийные» образы Андрея Белого, Александра Блока, Владимира Маяковского, Алексея Ремизова [4].

Примечательно, что иногда собеседники просто меняются ролями, и уже Дувакин рассказывает Ланг о Марии Вениаминовне Юдиной, очевидно, находясь под впечатлением ее недавней кончины. Это еще один «бахтинский» сюжет, уже будущего дувакинского дискурса, поскольку о великой пианистке они с Бахтиным станут говорить много, подробно и с удовольствием [5, с. 208–209, 211–212, 248–249 и мн. др.].

Публикация новых бесед Дувакина – важное событие для всех исследователей и любителей истории отечественной культуры, серьезное подспорье для занимающихся на-

учным наследием Бахтина, изучением его эпохи и судеб его современников. Закончить же рецензию мы хотим очень выразительным фрагментом из беседы Дувакина и Шкловского, более чем адекватно оценивавших значимость этих устных историй для будущего:

«Д.: Интересно, но немного сбивчиво.

Ш.: Ну, а зачем, чтоб было несбивчиво?

Д.: Да, это правильно, пусть разбираются в ХХI веке. Мое дело предложить, как сказано» [3, с. 149].

1. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // М.М. Бахтин. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Рус. словари; Языки славянских культур, 2002. Т. 6. С. 371–439.

2. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступ. ст: С.Г. Бочаров, В.В. Радзишевский; заключ. ст.: В.В. Кожин; подгот. текста: В.Б. Кузнецова, М.В. Радзишевская, В.Ф. Тейдер. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

3. Дувакин В.Д. Беседы с Виктором Шкловским. Воспоминания о Маяковском / В.Д. Дувакин, В.В. Радзишевский. М.: Common place: Устная история, 2017. 182 с.

4. Дувакин В.Д. Беседы с Евгенией Ланг. Воспоминания о Маяковском и футуристах / подгот. текста О.В. Жигулиной, С.Г. Петрова, М.В. Радзишевской, В.Ф. Тейдер; коммент. В.В. Радзишевского. М.: Common place: Устная история, 2018. 226 с.

5. М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным / предисл., послесл., коммент.: С.Г. Бочаров, В. Радзишевский, В.Ф. Тейдер, В.В. Кожин, Ф.Д. Ашнин, А.М. Кузнецов, Л.С. Мелихова, Н.И. Николаев, А.С. Шатских. 2-е изд. М.: Согласие, 2002. 399 с.

6. Махлин В.Л. Тоже разговор // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 3–45.

7. Осовский О.Е. Ноу-хау биографического жанра // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 62–83.

8. Споров Д.Б. Живая речь ушедшей эпохи: Собрание Виктора Дувакина // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 454–472.

9. Споров Д.Б. Основные принципы В.Д. Дувакина при записи устных воспоминаний // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 4. С. 176–180.

After Bakhtin.

New Publications of Interviews and Memoirs of V.D. Duvakin

© 2019 M.A. Babushkina, S.A. Dubrovskaya

Maria A. Babushkina, teacher of the Chair of Russian as a Foreign Language.

E-mail: fairysky@yandex.ru

Svetlana A. Dubrovskaya, Associate Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language,

Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.

E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

1. Bahtin M.M. Rabochie zapisi 60-h – nachala 70-h godov // M.M. Bahtin. Sbranie sochinenij: v 7 t. M.: Rus. slovari; YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2002. T. 6. S. 371–439.

2. Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bahtinym / vstup. st: S.G. Bocharov, V.V. Radzishevskij; zaklyuch. st.: V.V. Kozhinov; podgot. teksta: V.B. Kuznecova, M.V. Radzishevskaya, V.F. Tejder. M.: Progress, 1996. 342 s.

3. Duvakin V.D. Besedy s Viktorom SHklovskim. Vospominaniya o Mayakovskom / V.D. Duvakin, V.V. Radzishevskij. M.: Common place: Ustnaya istoriya, 2017. 182 s.

4. Duvakin V.D. Besedy s Evgeniej Lang. Vospominaniya o Mayakovskom i futuristah / podgot. teksta O.V. Zhigulinoj, S.G. Petrova, M.V. Radzishevskoj, V.F. Tejder; komment. V.V. Radzishevskogo. M.: Common place: Ustnaya istoriya, 2018. 226 s.

5. M.M. Bahtin: Besedy s V.D. Duvakinym / predisl., poslesl., komment.: S.G. Bocharov,

V. Radzisheskij, V.F. Tejder, V.V. Kozhinov, F.D. Ashnin, A.M. Kuznecov, L.S. Melihova, N.I. Nikolaev, A.S. Shatskih. 2-e izd. M.: Soglasie, 2002. 399 s.

6. *Mahlin V.L.* Tozhe razgovor // *Voprosy literatury*. 2004. № 3. S. 3–45.

7. *Osovskij O.E.* Nou-hau biograficheskogo zhanra // *Voprosy literatury*. 2018. № 3. S. 62–83.

8. *Sporov D.B.* Zhivaya rech' ushedshej epohi: Sobranie Viktora Duvakina // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2005. № 74. S. 454–472.

9. *Sporov D.B.* Osnovnye principy V.D. Duvakina pri zapisi ustnyh vospominanij // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2009. № 4. S. 176–180.

П.Н. Медведев и его труды¹

© 2019 Н.Л. Васильев

Васильев Николай Леонидович, доктор филологических наук, профессор.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Наконец-то собраны, изданы и библиографически прокомментированы труды литературоведа П.Н. Медведева (1891/2–1938) [15]. Подобное издание напрашивалось давно. Ученый, именовавшийся в прошлом «учеником» М.М. Бахтина [11, с. 44], впервые предстает перед читателями во всем многообразии его научных интересов (литературная критика, история русской и советской литературы, теория литературы, психология и «физиология» творчества, отчасти лингвистическая поэтика и «философия языка»), заявившим о себе в печати с начала 1910-х гг., т.е. задолго до возникновения феномена «бахтинского круга».

«Собрание сочинений» П.Н. Медведева готовилось еще в середине 1990-х гг. в Петербурге Д.А. Юновым, но не было осуществлено, как не состоялся и выход имплицитно заявленного второго тома сочинений В.Н. Волошинова [см.: 10]. Зато с тех пор вышли прокомментированные сборники работ Л.В. Пумпянского [18], М.И. Кагана [12], несколько томов материалов, касающихся наследия М.В. Юдиной (мемуары, статьи, письма и др.), и, самое главное, было начато и завершено издание трудов М.М. Бахтина [1].

Деятельное, прямо скажем решающее, участие в подготовке «Собрания сочинений» П.Н. Медведева принимал его сын и наследник – Ю.П. Медведев [см. о нем: 8], не успевший, к большому сожалению, увидеть плоды многолетней работы по реабилитации друга М.М. Бахтина как вполне сложившегося ученого, активно участвовавшего в *общем* диалоге внутри камерного «бахтинского круга» и в «расширяющейся вселенной» писательских, литературоведческих, искусствоведческих, философских «голосов» дореволюционной России, СССР, Запада.

Первый том издания открывается статьей Ю.П. Медведева «Павел Николаевич Медведев: У истоков социологической поэтики», ранее выходившей под другим названием [16], но дополненной и адаптированной в качестве очерка «трудов и дней» П.Н. Медведева. Ее автор долгие годы закономерно стремился ввести имя отца в контекст знаковых фигур советской филологии, что сейчас стало, может быть, уже анахронизмом, благодаря тому же Ю.П. Медведеву... Значение работ П.Н. Медведева, конечно, не сводится ни к «социологической поэтике», ни к участию в домашних дискуссиях «бахтинского круга». Как показывают его работы, представленные в двухтомнике, а тем более библиография публикаций, научные интересы ученого гораздо шире маркированных в заглавии вступительной статьи.

Прежде всего, впечатляют ранние литературно-критические статьи и очерки П.Н. Медведева, оригинально и стилистически свежо отражающие актуальные в то время литературные явления (русская классика, Серебряный век, отечественная философия, первые десятилетия советской литературы). В этом ряду выделяется большой очерк о

¹ Рецензия на книгу: *Медведев П.Н. Собрание сочинений: в 2 т. / изд. подгот. Ю.П. Медведев и Д.А. Медведева; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2018. Т. 1: История литературы. 848 с.; Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.*

С.А. Есенине как часть книги П.Н. Медведева и Н.А. Клюева «Пути и перепутья Сергея Есенина» (Л., 1927).

Далее представлены системные монографические исследования П.Н. Медведевым поэзии, драматургии, дневников и записных книжек А.А. Блока, из чего видно, насколько серьезен вклад ученого в блоковедение, начиная уже с 1922 г.

В этом же томе публикуются и мемуары П.Н. Медведева, касающиеся, в частности, А.А. Блока, Н.А. Клюева, А. Белого, В.Я. Брюсова, Ф.К. Сологуба, С.А. Есенина и ряда других писателей. Затем помещены материалы переписки ученого с А. Белым, Б.Л. Пастернаком, чрезвычайно любопытные для историка литературы, но частично воспроизводившиеся и прокомментированные еще в 1980-х гг. другими исследователями.

В приложении к первому тому представлены «Планы курсов лекций <П.Н. Медведева>: 1919–1920 гг. Витебск» и отсроченные «Письма в НКВД в защиту П.Н. Медведева» Н.К. Пиксанова, В.А. Десницкого, О.В. Цехновицера, В.Я. Шишкова, М.М. Зощенко, подготовленные в феврале – марте 1940 г., когда политическая обстановка в стране, воевавшей с собственным народом и, в частности, с Финляндией, несколько смягчилась, а о судьбе многих репрессированных еще не было известно. В обращении В.А. Десницкого в защиту П.Н. Медведева, например, говорилось: «Его наиболее ценная работа (“Формальный метод в литературоведении”) проведена и выполнена, в значительной мере, с использованием моих указаний и советов. Нельзя забывать, что эта работа Павла Николаевича имела большое значение в борьбе слагающегося марксистско- ленинского литературоведения с буржуазно-идеалистическими теориями» [15, т. 1, с. 673].

В конце тома помещены обширные добротные комментарии к текстам П.Н. Медведева. Первый том сопровождается уникальным иллюстративным материалом, разбитым на две части – в середине и в конце книги, что, может быть, не вполне логично, учитывая их отсутствие во втором томе, из которого часть медведевских статей вполне можно было для балансировки объемов и тем «двукнижия» перенести в первый том. За- метим только, что составители издания, кажется, злоупотребили тремя салонными фото- портретами П.Н. Медведева 1924–1925 гг. в исполнении М.С. Наппельбаума, что создало впечатление некоторой слащавости облика ученого, контрастирующей с известными ленинградскими фотографиями того же времени болезненно-изможденного М.М. Бахтина, подчеркивающими психологическое несходство двух друзей, скрыто отраженное в устных мемуарах Бахтина [2, с. 193–195, 221–222, 237; см. также: 9]. С другой стороны, в этом видеоряде есть пресловутая сермяжная правда...

Во второй том, открывающийся, по аналогии, вступительной статьей Ю.П. Медведева и Д.А. Медведевой «Феномен Круга» [см. также: 17], вошли самые известные труды П.Н. Медведева, отчасти переведенные на иностранные языки. Прежде всего это громко прозвучавшая в свое время книга «Формальный метод в литературоведении. Критиче- ское введение в социологическую поэтику» (Л., 1928), приписываемая иногда М.М. Бахтину, хотя, заметим, в ней имеются несомненные следы участия титульного автора [см. об этом, напр.: 4–7; 19]. Затем – книга «В лаборатории писателя» (Л., 1933), отчасти уже переиздававшаяся [13; 14], посвященная психологии литературного творчества и резко отличающаяся своей позитивистской описательностью от «взрывчатости» и эвристичности «Формального метода...». Наконец, в приложении, а не в основной части (!) помещена книга П.Н. Медведева «Формализм и формалисты» (Л., 1934), о которой М.М. Бахтин критически отзывался в беседах с С.Г. Бочаровым: «Это во втором издании Павел Николаевич многое изменил, и очень неудачно...» [3, с. 82–83]. По мнению Ю.П. Медведева, она вынужденно отражала идеологические обстоятельства, сложившиеся вокруг фигуры автора. Нам эта книга, переизданная уже в полном объеме, показалась сейчас в чем-то более интересной, чем комплиментарная критика формального метода в 1928 г., поскольку ярко отразила сумбурный идеологический контекст 1930-х гг., когда гражданская война на «литературном фронте» достигает своего апогея, продолжают рушиться судьбы многих писателей и филологов,

на фоне чего казахстанская ссылка М.М. Бахтина, ранняя смерть В.Н. Волошинова, да и уход из жизни других участников «бахтинского круга» выглядят уже не так трагично, а скорее как заурядное для той эпохи явление, когда слетали головы и вожди большевизма, а не только рядовых представителей «расходного материала» мировой Революции.

Во втором томе помещены и некоторые рецензии, статьи П.Н. Медведева, например «Ученый сальеризм...», «Социологизм без социологии...», тематически выпадающие из русла напечатанных в первом томе, – не исключено по причине перекличек с «Формальным методом...», а значит, в подтексте и с М.М. Бахтиным...

В приложении, предшествуя «переизданию» книги о формальном методе, напечатано и покаянное «Выступление П.Н. Медведева на совещании Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (20 февраля 1932 г.)», особенно интересное своей фактографической новизной для читателя; этот архивный документ многое объясняет в трансформации монографии «Формальный метод...» в «Формализм и формалисты», но интригует тем, как и ради чего (идеологическая амбициозность или самозащита автора?) в условиях зловещей критики книги удалось ее не просто кардинально переработать, но еще и издать...

Может быть, это было сделано по лекалу самих же формалистов («Памятник научной ошибке» В.Б. Шкловского). В предисловии П.Н. Медведева к переработанной монографии говорилось: «Наконец, третья тенденция характеризуется так сказать “имманентной” критикой формализма. Примером ее может служить моя работа “Формальный метод в литературоведении” (1927–28 гг.); “Гегель в “Истории философии” писал, что “ложное должно быть доказано как не ложное не тем, что противоположное истинно, а в себе самом”. Я и попытался, не выходя за пределы формалистического кругозора, вскрыть ложность, показать абсурдность его чисто логически, “в себе самом”. Если, по мнению критики, я и достиг в этом направлении некоторых положительных результатов, то в то же время несомненно, что самый принцип имманентности, помноженный на мои общеметодологические ошибки, обузил и во многом извратил мою критику формализма. Остались неразработанными все проблемы природы формализма, его философских корней и т.д. Последовательно проводимый принцип имманентной критики привел, – и не мог не привести, – к соскальзыванию в отдельных случаях на позиции самого формализма. Короче говоря, ложность ложного может быть вскрыта только с позиции истинного» [15, т. 2, с. 591–592].

Заканчивается второй том соответствующими «Комментариями», а также очень нужными для такого рода изданий указателем имен и библиографией публикаций П.Н. Медведева, среди составителей которой мы с радостью увидели и имя Д.А. Юнова, давно не фигурировавшего на родине в качестве действующего исследователя.

Работоспособность, читательская, исследовательская эрудиция, печатная продуктивность П.Н. Медведева впечатляют! Жаль только, что в двухтомное «Собрание сочинений» ученого, выпускавшего в Ленинграде ежегодно монографии и издания произведений отечественных писателей со своими статьями о них, не вместились многие его труды, на- пример книга «Демьян Бедный (Критико-биографический очерк)» (Л., 1925). О каких-то комментаторских неточностях в рецензируемом издании говорить не будем...

В целом нужно выразить закономерное удовлетворение выходом этого тщательно подготовленного издания, восполняющего явный пробел в документированной истории отечественной филологии. А также тепло поблагодарить и поздравить всех коллег, причастных к выпуску двухтомника, прежде всего давних исследователей «круга Бахтина» Д.А. Медведеву и Б.Ф. Егорова, своим научным авторитетом поддержавшего этот издательский проект.

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М., 1996–2012.
2. М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 400 с.
3. *Бочаров С.Г.* Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.

4. *Васильев Н.Л.* Заметки об авторстве «спорных текстов», вышедших из круга М.М. Бахтина // Невельский сборник. Вып. 10. СПб.: Акрополь, 2005. С. 71–80.
5. *Васильев Н.Л.* Лингвистическое содержание книги П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» в контексте коллективного творчества «бахтинского круга» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2. С. 28–50.
6. *Васильев Н.Л.* История вопроса об авторстве «спорных текстов», приписываемых М.М. Бахтину // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова. Уфа: Вагант, 2011. С. 68–105.
7. *Васильев Н.Л.* Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. М.: Либроком, 2013. 408 с.
8. *Васильев Н.Л.* Юрий Павлович Медведев (30.03.1937 – 11.10.2013) // Невельский сборник. Вып. 20. СПб.: Лема, 2014. С. 58–64.
9. *Васильев Н.Л.* К биографии М.М. Бахтина и его родных в ленинградский период их жизни // Невельский сборник. Вып. 25. СПб.: Лема, 2019. С. 36–52.
10. *Волошинов В.Н.* Философия и социология гуманитарных наук / вступ. ст. Н.Л. Васильева; сост., подгот. текстов Д.А. Юнова. СПб.: Аста-пресс ltd, 1995. 388 с.
11. *Иванов В.В.* Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Ученые зап. Тартус. гос. ун-та. 1973. Вып. 308. С. 5–44.
12. *Каган М.И.* О ходе истории / ред.-сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. 704 с.
13. *Медведев П.Н.* В лаборатории писателя. Л.: Советский писатель, 1960. 319 с.
14. *Медведев П.Н.* В лаборатории писателя. 2-е изд., доп. Л.: Советский писатель, 1971. 392 с.
15. *Медведев П.Н.* Собрание сочинений: в 2 т. / изд. подгот. Ю.П. Медведев и Д.А. Медведева; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2018. Т. 1: История литературы. 848 с.; Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.
16. *Медведев Ю.П.* На пути к созданию социологической поэтики // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. № 2. С. 5–57.
17. *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Круг М.М. Бахтина. К обоснованию феномена // Звезда. 2012. № 3. С. 202–215.
18. *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / сост.: Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
19. *Vasiliev N.* The Linguistic Content of Pavel Medvedev's *The Formal Method in Literary Scholarship* in the Context of Works by Representatives of the Bakhtin Circle / Transl. from Russian by M. Polyuha // Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth International Mikhail Bakhtin Conference / ed. by M. Polyuha, C. Thomson and A. Wall / Interdisciplinary Series. № 1. London (Canada): Mestengo Press, 2012. P. 311–323.

P.N. Medvedev and his works

© 2019 N.L. Vasilyev

*Vasilyev Nikolay L., Doctor of Philological Sciences, Professor.
E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

1. *Bahtin M.M.* Sbranie sochinenij: v 7 t. M., 1996–2012.
2. *M.M. Bahtin: Besedy s V.D. Duvakinym.* M.: Soglasie, 2002. 400 s.
3. *Bocharov S.G.* Ob odnom razgovore i vokrug nego // Novoe literaturnoe obozrenie. 1993. № 2. S. 70–89.
4. *Vasil'ev N.L.* Zаметki ob avtorstve «spornyh tekstov», vyshedshih iz kruga M.M. Bahtina // Nevel'skij sbornik. Vyp. 10. SPb.: Akropol', 2005. S. 71–80.
5. *Vasil'ev N.L.* Lingvisticheskoe soderzhanie knigi P.N. Medvedeva «Formal'nyj metod v

literaturovedenii» v kontekste kolektivnogo tvorchestva «bahtinskogo kruga» // Dialog. Karnaval. Hronotop. 2009. № 2. S. 28–50.

6. Vasil'ev N.L. Istoriya voprosa ob avtorstve «spornyh tekstov», pripisyvaemyh M.M. Bahtinu // Hronotop i okrestnosti: Yubilejnyj sbornik v chest' Nikolaya Pan'kova. Ufa: Vagant, 2011. S. 68–105.

7. Vasil'ev N.L. Mihail Mihajlovich Bahtin i fenomen «Krug Bahtina»: V poiskah utrachennogo vremeni. Rekonstrukcii i dekonstrukcii. Kvadratura kruga. M.: Librokom, 2013. 408 s.

8. Vasil'ev N.L. Yuriy Pavlovich Medvedev (30.03.1937 – 11.10.2013) // Nevel'skij sbornik. Vyp. 20. SPb.: Lema, 2014. S. 58–64.

9. Vasil'ev N.L. K biografii M.M. Bahtina i ego rodnyh v leningradskij period ih zhizni // Nevel'skij sbornik. Vyp. 25. SPb.: Lema, 2019. C. 36–52.

10. Voloshinov V.N. Filosofiya i sociologiya gumanitarnykh nauk / vstup. st. N.L. Vasil'eva; sost., podgot. tekstov D.A. Yunova. SPb.: Asta-press ltd, 1995. 388 s.

11. Ivanov V.V. Znachenie idej M.M. Bahtina o znake, vyskazyvanii i dialoge dlya sovremennoj semiotiki // Uchen. zap. Tart. un-ta. 1973. Vyp. 308. S. 5–44.

12. Kagan M.I. O hode istorii / red.-sost. V.L. Mahlin. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 704 s.

13. Medvedev P.N. V laboratorii pisatelya. L.: Sovetskij pisatel', 1960. 319 s.

14. Medvedev P.N. V laboratorii pisatelya. 2-e izd., dop. L.: Sovetskij pisatel', 1971. 392 s.

15. Medvedev P.N. Sobranie sochinenij: v 2 t. / izd. podgot. Yu.P. Medvedev i D.A. Medvedeva; otv. red. B.F. Egorov. SPb.: «Rostok», 2018. T. 1: Istoriya literatury. 848 s.; T. 2: Poetika i psihologiya tvorchestva. 928 s.

16. Medvedev Yu.P. Na puti k sozdaniyu sociologicheskoy poetiki // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1998. № 2. C. 5–57.

17. Medvedev Yu.P., Medvedeva D.A. Krug M.M. Bahtina. K obosnovaniyu fenomena // Zvezda. 2012. № 3. S. 202–215.

18. Pumpyanskij L.V. Klassicheskaya tradiciya: Sobranie trudov po istorii russkoj literatury / sost.: E.M. Isserlin, N.I. Nikolaev. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. 864 s.

19. Vasiliev N. The Linguistic Content of Pavel Medvedev's *The Formal Method in Literary Scholarship* in the Context of Works by Representatives of the Bakhtin Circle / Transl. from Russian by M. Polyuha // Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth International Mikhail Bakhtin Conference / Ed. by M. Polyuha, C. Thomson and A. Wall / Interdisciplinary Series. № 1. London (Canada): Mestengo Press, 2012. P. 311–323.

О подготовке собрания сочинений П.Н. Медведева¹

© 2019 Д.А. Медведева

*Медведева Дарья Александровна, научный сотрудник Института
высокомолекулярных соединений Российской академии наук
E-mail: damedvedeva@gmail.com*

Институт высокомолекулярных соединений Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Думаю, подготовка издания работ Павла Николаевича началась, когда его 18-летний сын Юрий Медведев (1938–2013) написал письмо генеральному прокурору СССР Р.А. Руденко с вопросом: «Где мой отец?». В 1956 г. он добился его реабилитации, искал материалы в рукописных отделах и библиотеках и издал в 1962 г. сборник «В лаборатории писателя» – по названию одной из монографий, в который включил то немногое, что позволила цензура, остальное оставалось в спецхране. Университетский профессор, пушкинист, лермонтовед В.А. Мануйлов сказал ему: «Юра, если ты сможешь посвятить жизнь восстановлению наследия отца, ты сделаешь дело жизни». Но тогда большее было невозможно.

Став в 1984 г. членом редакционной коллегии и заведующим отделом культуры всесоюзного литературно-художественного и общественно-политического журнала «Аврора», в рубрике «Из архива П.Н. Медведева» он публикует материалы об Анне Ахматовой, Осипе Мандельштаме, Николае Гумилеве, Николае Клюеве. Публикует материалы в «Вестнике РХД». А с открытием журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» публикует там статьи не только об отце, но и о Круге М.М. Бахтина. Эти новые исследования снова привели его в архивы и библиотеки, были найдены многие важные документы и ранние литературно-критические и театроведческие статьи, очерки и рецензии.

В 1990-е гг. наследием Павла Николаевича заинтересовался молодой издатель Дмитрий Артемович Юнов, занимавшийся творчеством и биографией Валентина Волошинова и издавший сборник его работ «Философия и социология гуманитарных наук». Он предложил нам напечатать «Сочинения» П.Н. Медведева. Но в 1990-х гг. старые проблемы книгоиздания сменялись новыми, и публикация не состоялась.

Однако работа продолжилась, и мы, уже вдвоем, приняли участие в международных конференциях (в Великобритании, Финляндии и др.), продолжили публикации в «Вопросах литературы», «Звезде» и за рубежом о феномене Круга М.М. Бахтина, о Круге как «мыслительном коллективе». Николай Алексеевич Паньков, редактор «ДКХ», публикуя статьи Юрия Павловича, мужественно и профессионально противостоял недовольству правопреемников М.М. Бахтина, создавших миф о единоличном авторстве текстов Круга. И лед тронулся.

¹ Павел Николаевич Медведев (1892–1938) – литературовед, критик. Представитель Круга М.М. Бахтина, один из его ближайших друзей. Профессор Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета. Заведующий отделом художественной литературы Государственного издательства (Госиздата), куда входило ленинградское издательство «Прибой», опубликовал в нем книгу Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929), несмотря на то что автор в это время находился под следствием за «контрреволюционную деятельность» (участие в религиозно-философском кружке). Именно по протекции Медведева отбывший ссылку Бахтин нашел приют в Саранске и в 1936 г. был принят на работу в Мордовский государственный педагогический институт (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва). О том, как готовилось к публикации собрание сочинений ученого, рассказывает вдова его сына – Дарья Александровна Медведева.

Некоторым ученым пришлось радикально пересмотреть свои взгляды. Если сперва Вяч. Вс. Иванов поддержал версию единоличного авторства статей в «Трудах по знаковым системам», то в конце двухтысячных он уже признался соредактору «Звезды» А.Ю. Арьеву, что «так он думал раньше».

В 2005 г. Юрий Павлович получил исследовательский грант РГНФ для подготовки собрания избранных трудов Павла Николаевича Медведева, давший возможность расширить поиски и подготовить к печати основные тексты, часть комментариев и иллюстративный вариант. Издание было в основном подготовлено, но, к сожалению, Юрий Павлович не успел завершить все намеченное...

Я стала продолжать работу по дополнению статьи «Феномен Круга», по составлению комментариев к воспоминаниям и другим материалам из семейного архива. Помощь в издании и поиске компетентных комментаторов работ по поэтике и части статей предложил специалист по истории русской литературы и творчеству Ф.М. Достоевского профессор Владимир Николаевич Захаров. К сожалению, Русская христианская гуманитарная академия, принявшая рукопись к изданию по его рекомендации, не смогла предложить ни научного редактора, ни комментаторов.

Только в 2015 г. я решилась обратиться к дорогому Борису Федоровичу Егорову, профессору, специалисту по русской литературе и общественной мысли, доктору филологических наук. В первую же встречу мы обсудили структуру «Собрания сочинений», и он не только согласился быть ответственным редактором издания, но и привел меня в издательство «Росток».

Мы с Юрием Павловичем и не думали, что вместо однотомника в свет выйдут два увесистых «кирпича». Но это вышло естественным образом. Основным принципом отбора было: монографии – обязательно, работы о Блоке – обязательно и, конечно, ранние статьи: нам было важно показать, что студент-юрист Павел Медведев уже в девятнадцать лет задавался теми же вопросами, на которые спустя годы будет отвечать Медведев-профессор. Также были необходимы воспоминания, фотографии, документы, воссоздающие важный культурный и исторический контекст.

Не все получилось так, как задумывалось Юрием Павловичем, так, как виделось мне. Много было споров, но это отдельный сюжет. Сегодня, когда книга вышла, у меня много претензий к изданию, основная – отсутствие терминологического указателя. Но понимаю, насколько непростой была задача издательства. Наследие П.Н. Медведева в идеале требовало целой группы комментаторов – специалистов в разных гуманитарных областях. Между тем история с мнимым авторством Бахтина еще и сейчас сохраняет болезненную остроту для филологов, в свое время доверившихся мифу. Это послужило помехой при поиске возможных участников проекта.

Я благодарна Борису Федоровичу Егорову, директору издательства Любови Ивановне Чикариной и сотруднику Пушкинского дома доктору филологических наук Андрею Петровичу Дмитриеву, который окончательно подготовил собрание сочинений к печати.

Сейчас я вижу главную свою задачу в том, чтобы познакомить с «Собранием сочинений» П.Н. Медведева как можно больше читателей.

On preparation of the collected works of P.N. Medvedev

© D.A. Medvedeva

*Medvedeva Daria Alexandrovna, researcher
Institute of Macromolecular Compounds in the Russian Academy of Sciences E-mail:
damedvedeva@gmail.com*

Медведев П.Н. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: История литературы; Т. 2: Поэтика и психология творчества / изд. подготовили Ю.П. Медведев и Д.А. Медведева, при участии А.П. Дмитриева; отв. ред. Б.Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2018.

В поисках новых смыслов^{1*}

© 2019 С.П. Гудкова, С.А. Дубровская, Е.А. Шаронова

*Гудкова Светлана Петровна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: sveta_gud@mail.ru*

*Дубровская Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

*Шаронова Елена Александровна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: sharon.ov@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 18–012–00341 А «Бахтинская энциклопедия». Руководитель – кандидат филологических наук
доцент С.А. Дубровская.*

Интерес к личности Михаила Михайловича Бахтина – характерная примета телеканала «Культура». За последнее десятилетие зрители могли увидеть и документальный фильм Дмитрия Бака «Михаил Бахтин. Человек из “Большого времени”» (2009) [2], и образовательные лекции Владимира Новикова «Михаил Бахтин: синтез филологии и философии» (2011) [1], и несколько телепередач, в которых звучало имя мыслителя. А в 2016 году съемочная группа телеканала специально побывала в Саранске, в Центре М.М. Бахтина, в ходе подготовки фильма «Михаил Бахтин. Философия поступка» (2017) [3]. Поэтому закономерным представляется появление в цикле программ писателя, литературоведа, литературного критика, обладателя премии «Большая книга» Александра Архангельского «Тем временем. Смыслы» сюжета, посвященного М.М. Бахтину. Цель передачи была сформулирована в предварявшем ее анонсе. Прочитируем: «90 лет назад вышла главная книга молодого философа Михаила Бахтина. Не столько о литературе, сколько о смысловом фундаменте мира. Было время, когда о Бахтине молчали, он прозябал в Саранске. Было время, когда стали говорить с придыханием, и всюду находили карнавализацию, полифонию, диалогизм. Кажется, настало время отвечать на важные вопросы, кто есть Бахтин, что есть его учение. Но споры только обострились, одни низвергают общего гуманитарного учителя, другие защищают его от нападков. Придет ли время свободного знания, поиска смысла?» [4].

Нельзя не оценить состав участников программы Александра Архангельского, знающего и глубоко понимающего Бахтина, непосредственного свидетеля поздних бахтинских и первых постбахтинских десятилетий. В телестудию были приглашены и филологи, и философы, представлявшие весь поколенческий спектр читателей Михаила

¹ Рецензия на телепередачу: «Тем временем. Смыслы» с Александром Архангельским. Россия, 2019.
URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63152/episode_id/2164780/

Бахтина: от хорошо известного литературоведа и литературного критика, писателя Владимира Новикова, для которого Бахтин – один из символов исторического «шестидесятничества», до молодого философа Андрея Тесли, в чьем восприятии Бахтин не столько живой участник научной культурной жизни России конца 1910-х – первой половины 1970-х, сколько одно из великих имен, одна из страниц российской и мировой интеллектуальной истории. То, что в передаче «живого Бахтина» оказалось гораздо больше, чем «Бахтина-памятника», очевидная заслуга и Александра Архангельского, и Бориса Долгина, и Олега Осовского.

Всех участников объединило общее понимание значимости фигуры Михаила Михайловича Бахтина не только для истории российской академической науки и русской культуры, но и для российской современности, когда многое из обозначенного мыслителем в его ранних трудах (в том числе в книге о Достоевском 1929 года) продолжает звучать по-прежнему актуально, а иногда приобретает новые, более глубокие и острые смыслы, не всегда чувствовавшиеся бахтинскими современниками.

Участники беседы вспоминали реакцию аудитории на первое и второе издание книги о Достоевском, на книгу о Рабле; отмечали неоднозначность отношения к мыслителю на разных этапах его биографии, а также признавались, как сказал Олег Осовский, что их не покидает «чувство радостного удивления при общении с бахтинским гением» [4]. Одной из самых интересных в передаче стала сцена, когда Александр Архангельский мастерски прочитал подобранные им фрагменты из невеликой газеты «Молот» о выступлении Бахтина на диспуте о религии. Не обошлось в ходе беседы без дружеских споров по поводу взаимоотношений Бахтина и русских формалистов, восприятия идей ученого французским структурализмом и т.д.

Примечательно, что все говорившие были практически единодушны в своем видении Бахтина как гениального мыслителя, с одной стороны, продолжавшего линию русской религиозной философии Серебряного века, с другой – обогатившего традиции «русского мыслительства» напряженным диалогом с новейшими открытиями западной интеллектуально-философской мысли своего времени.

Участники передачи чрезвычайно высоко оценили издание Собрания сочинений М.М. Бахтина, тот вклад, который внесли в освоение его научного наследия Сергей Бочаров, Вадим Кожин и другие участники «бахтинского круга» 1960-х – начала 1970-х годов.

Одна из ключевых идей передачи – о возвращении Бахтина через писателей – прозвучала в ее завершении. Владимир Новиков, подчеркивая значение религиозно-философского творчества в русской традиции, заключил: «Мы выходим из постмодернистского периода <...> и я в 20-х годах вижу возрождение творческой религиозно- философской мысли и, пожалуй, не в дискурсивных, а в художественных формах. Мне кажется, что сейчас очень важно, чтобы Бахтина читали писатели, как читали в 60-е годы» [4].

В целом посвященная Бахтину программа Александра Архангельского стала несомненной удачей. Можно только сожалеть, что в 44-минутном разговоре не нашлось место Саранску, в котором ученый, конечно же, не прозябал, а жил и работал. Не было упомянуто о работе, которую ведет Центр М.М. Бахтина Мордовского государственного университета, и то, что в следующем году в Саранске состоится XVII Международная Бахтинская конференция.

Выскажем предположение, что эти сюжеты могут оказаться в центре еще одной передачи Александра Архангельского о Михаиле Михайловиче Бахтине.

1. Владимир Новиков. Михаил Бахтин: синтез филологии и философии. Россия, 2011. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/155869/

2. Михаил Бахтин: человек из «Большого времени». Россия, 2009. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v5yAmnJRj6o>

3. Михаил Бахтин. Философия поступка. Документальный фильм. Россия, 2017. URL: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/61686/

4. «Тем временем. Смыслы» с Александром Архангельским. Россия, 2019. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63152/episode_id/2164780/

In search of new meanings

© 2019 S.P. Gudkova, S.A. Dubrovskaya, E.A. Sharonova

*Svetlana P. Gudkova, Doctor in Philology,
Professor of the Department of Russian and foreign literature.
E-mail: sveta_gud@mail.ru*

*Svetlana A. Dubrovskaya, Associate Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language,
Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

*Elena A. Sharonova, Doctor in Philology,
Professor of the Department of Russian and foreign literature.
E-mail: sharon.ov@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

1. Vladimir Novikov. Mihail Bahtin: sintez filologii i filosofii. Rossiya, 2011. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/155869/

2. Mihail Bahtin: chelovek iz «Bol'shogo vremeni». Rossiya, 2009. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v5yAmnJRj6o>

3. Mihail Bahtin. Filosofiya postupka. Dokumental'nyj fil'm. Rossiya, 2017. URL: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/61686/

4. «Tem vremenem. Smysly» s Aleksandrom Arhangel'skim. Rossiya, 2019. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63152/episode_id/2164780/

К онтологии хронотопа^{1*}

© 2019 А.А. Сычев

*Сычев Андрей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: sychevaa@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва. Саранск, Республика Мордовия, Россия

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130008 «Идеи М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений Республики Мордовия».*

Концепция хронотопа как единства пространственно-временных характеристик бытия была введена в науку в начале XX века выдающимися русскими мыслителями – А.А. Ухтомским и М.М. Бахтиным. К настоящему моменту она получила широкое распространение и активно применяется в исследованиях в самых различных областях знания. Достаточно плодотворно ее использование в литературоведении, истории, культурологии для описания особенностей соответственно художественного произведения, эпохи, культуры.

Хотя исследование объективных форм и свойств художественных и культурно-исторических феноменов к настоящему времени имеет уже достаточно протяженную историю (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, А.Я. Гуревич), выявление объективно-онтологического содержания теории хронотопа продолжает оставаться актуальным.

Несмотря на достаточно большое количество исследований, в которых идея хронотопа используется как методологическое основание для анализа какого-либо конкретного явления, обобщающих работ теоретического философского характера, посвященных хронотопу как таковому, написано до этого времени не было. Однако такая работа, несомненно, не могла не появиться – за почти столетний период, прошедший с момента выхода трудов Ухтомского и Бахтина, в науке накоплен значительный материал исследования разнородных хронотопов (например, хронотопа театра, хронотопа Средневековья, хронотопа города и т.д.), который потребовал систематизации и обобщения с учетом новых идей и теорий в гуманитарном знании [см.: 2; 4]. С этой точки зрения монография А.В. Политова и актуальна, и ожидаема.

Поскольку исходный материал носит разнородный характер, задачей автора было поместить предметно ориентированные концепции хронотопа в широкий социокультурный контекст. Именно в этом состояла основная трудность поставленной задачи. Ее выполнение предполагало грамотную философскую интерпретацию исходного материала исследования. Исходным принципом такой интерпретации явился онтологический подход к теориям хронотопа Ухтомского и Бахтина. Их идеи были взяты в историко-философском контексте, что предопределило обращение автора к классическим метафизическим системам и его интерес к онтологическим поискам в новейшей философии.

Актуальность темы, таким образом, обусловлена потребностью в расширении научного и духовного горизонта российского научного наследия А.А. Ухтомского

¹ Рецензия на книгу: Политов А.В. Онтологический смысл понятия хронотопа: монография. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2019. 207 с. ISBN 978-5-398-02078-6

и М.М. Бахтина и введении их идей в европейский и мировой историко-философский процесс. Многие стороны даже широко известных отечественных концепций еще недостаточно прояснены с точки зрения философско-гуманитарных идей и принципов феноменолого-экзистенциального, герменевтического, структуралистского подходов. В этом смысле введение теорий хронотопа в контекст онтологических поисков XX столетия (прежде всего «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера) представляется плодотворным.

Автор начинает первую главу исследования с анализа идей А.А. Ухтомского, в работах которого бытие рассматривается как хронотопная целокупность, конструируемая пространственной и временной координатами существования человека. Показывается, что Ухтомский не просто позаимствовал физические и математические идеи А. Эйнштейна и Г. Минковского о пространственно-временном континууме, событии, мировых линиях, применив их к физиологии, но и творчески их переработал. Это позволило ему выйти за пределы естествознания и перейти к этическим и общеполитическим обобщениям. Хронотоп человеческого бытия, как показал Ухтомский, характеризуется ярко выраженной нравственной доминантой, предполагающей самостоятельное проектирование человеком своей жизни, с необходимостью ориентированное на другого.

В монографии показано, что хронотопичность, будучи имманентной характеристикой бытия, позволяет раскрыть конкретность, индивидуальность, историчность каждого отдельного явления. Сам Ухтомский писал: «С точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [5, с. 267]. При этом из событий и мировых линий сплетается мир: судьбы людей хронотопически связаны и вовлечены в общемировой хронотоп.

В этом смысле понятие хронотопа является универсальной категорией, которая позволяет связно описывать разные пласты бытия – от индивидуального существования до Вселенной. Интересно в этом контексте замечание о хронотопе-проводнике, связывающем разные онтологические уровни (в данном случае – отдельной вещи и эпохи): «Благодаря имманентной погруженности сущего в хронотопное единство окружающего мира единичная вещь может выполнять функцию особого хронотопа-проводника, хронотопа-посредника, благодаря обращению к которому человеку открывается хронотоп более высокого порядка – эпоха, в которую данная вещь была создана и которую она собой и в себе сохраняет и выражает» [3, с. 53–54].

Оригинальным представляется выявление таких дуальных элементов учения о хронотопе Ухтомского, как макро- и микрохронотоп, становящийся и ставший хронотоп, на базе которых возможна более широкая интерпретация «жизненного пути» и «жизненного мира» (применимых в качестве характеристик человеческого бытия, укорененных в историко-философской традиции).

Вторая глава посвящена анализу идей М.М. Бахтина, в которых хронотоп, понимаемый как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 341], рассмотрен в качестве общего принципа бытия художественного произведения. При этом автор отказывается от подробного анализа эстетических и литературоведческих идей «Форм времени и хронотопа в романе», концентрируясь на общеонтологических и экзистенциальных их экспликациях. Это объясняется как заявленной направленностью монографии, так и тем фактом, что общее понятие хронотопа у Бахтина (в отличие от такового у Ухтомского) достаточно подробно рассмотрено как самим Бахтиным, так и его последователями.

А.В. Политов отмечает, что основным отличием концепций Ухтомского и Бахтина является область их применения. Если первый стремился распространить хронотоп на все мироздание, то второй четко ограничивает его пределами искусства, представляя его общим принципом бытия художественного произведения. При этом идеи, проиллюстрированные Бахтиным на примере литературы, автор далее интерпретирует на примере изобразительного искусства, театра, кинематографа и т.д., указывая на

способность хронотопа создавать автономную реальность особого рода и демонстрируя хронотопическую сущность искусства как такового.

Отмечается, что хронотоп в интерпретации Бахтина глубоко антропоцентричен – именно человек выступает источником осмысления и объединения времени и пространства в единое целое. Соответственно время и пространство хронотопа – это человеческие (а не физические или математические) время и пространство. Более того, хронотоп связан не с человеком вообще, а с конкретным и уникальным человеком, пребывающим в определенном месте в определенное время. Наконец, всякий хронотоп субъективно переживается, что особенно ярко проявляется на примере восприятия произведения искусства: «Экзистенциальная значимость и ценность, проблеск свободы, таящийся в экстатически-катарсисном восприятии художественного творения, основывается и происходит из уникальности художественного хронотопного микрокосма произведения искусства, отличии его индивидуальной реальности от окружающего человека наличного повседневного бытия» [3, с. 106].

Попытка перенести идеи катарсиса и экстасиса на процесс восприятия художественного произведения (точнее, внести их в его онтологическое основание) выглядит достаточно оригинальной. Катарсисно-экстатический подход к анализу участия читателя в событии художественного произведения, кроме всего прочего, позволил автору избежать чрезмерного погружения в хайдеггеровскую «экзистенциальную» герменевтику.

Трактовка «здесь-бытия» как события предполагает связь событий в со-бытии – в совместном бытии людей, в совместном бытии с миром, в совместном бытии героев художественного произведения (в их цельном хронотопе, как это выглядит в известном анализе Бахтиным стихотворения А.С. Пушкина «Для берегов отчизны дальной...»). Так складывается оригинальная мотивация связи события и экзистенциальной коммуникации, позволяющая дополнительно высветить онтологическое содержание в учении Бахтина о хронотопе и диалоге.

Авторская концепция бытия хронотопа дается в завершающей, третьей главе монографии. Оригинальная интерпретация онтологического содержания хронотопа основывается на положении о том, что существовать в хронотопе – значит быть целостным, единым (телесно-смысловым), замкнутым в себе и в то же время открытым миру, конечным, но вписанным в судьбу мира – существом. Такое понимание автор усматривает в анализируемых текстах Ухтомского и Бахтина; это понимание предполагает историко-философскую традицию, связанную с терминами «сущее», «здесь-бытие», «присутствие», «самое само» и т.п.

Автор показывает, что конкретно представить себе размерность бытия можно только в виде события. В этой связи можно говорить о событии нашей встроенности в «мировые линии» универсума или о событии нашей встречи с автором и героями романа. Сведение всех результатов анализа к единой онтологии события – важный инновационный пункт исследования и прямой выход к истории критической онтологии в современной философии.

Хронотопичность в завершающей главе представлена как экзистенциально-метафизический модус человеческого существования. Обращаясь к семантическому миру хронотопа, автор анализирует соотношение хронотопных структур внутримирного сущего и окружающего мира на примере хронотопов эпохи, города, леса, книги, сна и т.д.

Для автора исходным центром для оценок объекта исследования является хронотоп дома как нечто примордиальное: собственно сам хронотоп и предстает таким домом, где все обжито и находится на определенных местах. Он пишет: «Хронотоп выступает домом бытийствующему созерцанию и человеческой самости. Во внутреннем мире хронотопа созерцание обретает свое успокоение, свой дом, который когда-то был забыт созерцанием, исчез в пустоте времени. Хронотоп выступает первоисходным бытийным феноменом, изначальной базисной структурой подлинного бытия» [3, с. 174]. Для автора он представляется «домом бытия», «домом самости»: во внутреннем мире человека бытийный

образ сохраняется в «большом времени» вечности как объект для созерцания, в который сознание желало бы погрузиться, но не может этого сделать, будучи привязанным к повседневности, к конечному и бренному миру.

Монография завершается кратким глоссарием, поясняющим употребляемые автором понятия. В частности, хронотопу здесь дается такая дефиниция: «целокупность времени и пространства; атрибут бытия (хронотопичность); бытийное основание и смысловое единство сущего» [3, с. 186].

В целом рецензируемая монография оставляет о себе благоприятное впечатление. Предложенные автором идеи аргументированы и представляют не только теоретический интерес, но также могут быть использованы в ходе анализа различных явлений и процессов в обществе и культуре.

Вместе с тем можно отметить и некоторые трудности, с которыми столкнулся автор. В работе есть и логика, и определенная строгость метода, но обращение к историко-философскому материалу, несмотря на свою продуктивность, часто уводит автора в сторону от проблемы (это замечание в большей степени касается первой и второй глав, где анализ идей Ухтомского и Бахтина перемежается обращением к концепциям других философов, нередко весьма опосредованно связанных с центральными проблемами). Что касается собственных идей автора по поводу хронотопа, то здесь он скорее фиксирует проблему культурного и личностного кризиса, чем предлагает ее решение (это особенно заметно на фоне оптимизма Ухтомского). В этом смысле книга кажется незавершенной: она требует позитивной программы развития хотя бы в виде очерчивания возможных перспектив для применения концепции хронотопа.

Книга имеет важное значение для освещения возможностей использования идей М.М. Бахтина и А.А. Ухтомского за пределами филологической или естественно-научной областей – в историко-философских, общеполитических, культурологических, искусствоведческих исследованиях и учебных курсах. Ее выводы могут применяться при разработке методик и техник художественного восприятия, погружения в мир художественного произведения, техник герменевтического истолкования текстов и знаково-символических объектов, коммуникативных связей в области духовной культуры. Монография может быть полезна студентам, аспирантам, преподавателям и всем интересующимся философией.

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур. Т. 3. С. 341–503.

2. *Воронина Н.И., Новикова Н.Л., Мартинс А.П.* Саранский хронотоп М.М. Бахтина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 4. С. 75–80.

3. *Политов А.В.* Онтологический смысл понятия хронотопа: монография. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. 207 с.

4. Проблема хронотопа в современных научных исследованиях / ред. Е. А. Семенова. М.: ИХОиК РАО, 2017. 500 с.

5. *Ухтомский А. А.* Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 526 с.

To the Ontology of Chronotope

© 2019 A.A. Sychev

*Andrey A. Sychev, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of
Philosophy at the Mordovia State University.
E-mail: sychevaa@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Republic of Mordovia, Russia

1. *Bahtin M.M.* Formy vremeni i khronotopa v romane // *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur. T. 3. S. 341–503.
2. *Voronina N.I., Novikova N.L., Martins A.P.* Saranskiy khronotop M.M. Bahtina // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki.* 2017. T. 19, № 4. S. 75–80.
3. *Politov A.V.* Ontologicheskiy smysl ponyatiya khronotopa: monografiya. Perm': Izd-vo Perm. nats. issled. politekhn. un-ta, 2019. 207 s.
4. Problema khronotopa v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh / red. E.A. Semenova M.: IKHOiK RAO, 2017. 500 s.
5. *Ukhtomskiy A. A.* Intuitsiya sovesti. SPb.: Peterburgskiy pisatel', 1996. 526 s.

ХРОНИКА

Материалы подготовлены С.А. Дубровской и Т.Н. Егоровой при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130008 «Идеи М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений Республики Мордовия». Руководитель проекта – доктор философских наук профессор Н.И. Воронина

Круглые столы

7 марта в Центре М.М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета состоялся круглый стол, приуроченный ко дню памяти мыслителя.

В мероприятии приняли участие ректор вуза С.М. Вдовин, проректор по внеучебной работе М.Д. Мартынова, сотрудники Центра – директор Н.И. Воронина, заместитель директора С.А. Дубровская и научный консультант И.В. Ключева, директор Научной библиотеки им. М.М. Бахтина И.В. Отставнова, профессора Н.Л. Васильев, О.Е. Осовский, А.А. Сычев, С.П. Гудкова, М.В. Логинова, О.Ю. Осьмухина, представители Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина Республики Мордовия – директор А.В. Бакулина и заведующий отделом редких книг и работы с книжными памятниками Н.Н. Земкова, студенты и аспиранты Мордовского университета, научный редактор журнала «Известия Самарского научного центра РАН. Социальные гуманитарные, медико-биологические науки» доктор культурологии В.М. Привалова.

Особым гостем стал Крейг Стивен Брэндиш – доктор философии, профессор Школы языков и культур, директор Бахтинского центра Шеффилдского университета. Сфера научных интересов ученого – интеллектуальная история и контексты идей М.М. Бахтина и Бахтинского круга. Крейг Брэндиш познакомился с бахтинским Саранском, поработал с личной библиотекой мыслителя, пообщался с учеными-бахтиноведами из Мордовии:

«Это очень важно, что бахтиноведение развивается не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в регионах, особенно здесь, где долгое время жил и работал Михаил Михайлович. Очень рад, что познакомился с исследователями Мордовского университета. Это умные и открытые люди, которые делают большую работу».

Также Крейг Брэндиш является постоянным членом оргкомитета по проведению Международных Бахтинских конференций. Поэтому одним из ключевых вопросов круглого стола стала подготовка к предстоящему мероприятию.

Напомним, что очередная конференция, 17-я по счету, пройдет в 2020 году в Саранске на базе Национального исследовательского Мордовского государственного университета. Такое решение было принято и поддержано на XVI Международной Бахтинской конференции «Бахтин в постреволюционную эпоху», которая прошла 6–10 сентября 2017 года в Фуданьском университете (г. Шанхай, Китай).

Также в рамках круглого стола сотрудниками Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина был представлен каталог «Личная библиотека М. М. Бахтина: издания с дарственными надписями». Один из первых экземпляров, полученных по итогам проделанной работы, был подарен Центру М.М. Бахтина.

В завершение участники круглого стола возложили цветы к памятнику М.М. Бахтина.

15 марта в рамках Международной научно-практической конференции, посвященной 155-летию М.Е. Евсевьева (55-е Евсевьевские чтения), проходил круглый стол «Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и перспективы современного образования».

В ходе заседания было предложено обсудить следующие темы и сюжеты: «Место диалога в философии М.М. Бахтина» (Г.Г. Зейналов, доктор философских наук, профессор кафедры философии МПГИ им. М.Е. Евсевьева), «Проблемы диалога и диалогизма в научных исследованиях М.М. Бахтина 1950–1960-х гг.» (В.П. Киржаева, доктор

педагогических наук, профессор кафедры русского языка МГУ им. Н.П. Огарёва), «М.М. Бахтин и основы педагогического диалогизма» (О.Е. Осовский, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник МПГИ им. М.Е. Евсевьева), «Диалог длиной в пол-века: об основных этапах и характере педагогической работы М.М. Бахтина» (В.И. Лап- тун, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики МПГИ им. М.Е. Евсевьева) и др.

В работе круглого стола приняли участие заместитель директора Центра М.М. Бахтина Мордовского университета С.А. Дубровская, главный научный сотрудник Центра М.М. Бахтина, директор Бахтинского центра Шеффилдского университета профессор Крейг Брэндиш, член редакционной коллегии журнала «Бахтинский вестник» профессор Н.Л. Васильев.

Ключевым стало выступление Евгения Матусова, профессора педагогики университета штата Делавэр (США), главного редактора журнала «Dialogic Pedagogy: An International Online Journal», члена Международного совета журнала «Бахтинский вестник»:

«Опорный момент понимания бахтинских идей с точки зрения педагогики и образования в том, что смысл живет в диалоге, а не является его результатом, что диалог – это и есть жизнь смысла. На понимании диалога как основы педагогики базируется мой подход к образованию».

Участники подчеркнули важность педагогической проблематики для современных бахтиноведческих исследований. Как отметила С.А. Дубровская, понятия «диалогизм» и «диалогическая педагогика», являющиеся значимыми категориями бахтинского тезауруса, должны стать предметом специального изучения, в том числе и в рамках действующих научных проектов, в частности «Бахтинской энциклопедии» (руководитель – доцент С.А. Дубровская) и проекта «Идеи М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений Республики Мордовия» (руководитель – профессор Н.И. Воронина).

Круглый стол рассматривался участниками как одно из мероприятий, направленных на обеспечение образовательно-педагогической составляющей предстоящей XVII Международной Бахтинской конференции (6–11 июля 2020 года).

Открытые лекции

11 и 12 марта состоялись открытые лекции Крейга Стивена Брэндиша, доктора философии, профессора Школы языков и культур, директора Бахтинского центра Шеффилдского университета (Великобритания), члена оргкомитета по проведению Международных Бахтинских конференций.

Профессор Брэндиш предложил для обсуждения следующие научные проблемы:

1) отражение политических, экономических изменений в языке. Тема лекции: «The 'Living Word', Isegoria and the politics of deliberation in revolutionary Russia (“Живое слово”, Isegoria и политика обдуманных ограничений в революционной России)»;

2) влияние постколониальных идей на развитие гуманитарных наук. Тема лекции: «Philology, colonialism and its early Soviet critics (Филология, колониализм и его первые советские критики)».

Активными участниками лекций стали студенты факультета иностранных языков, преподаватели и ученые Мордовского университета.

Напомним, что в Саранск Крейг Брэндиш приехал, чтобы познакомиться с личной библиотекой М.М. Бахтина, пообщаться с учеными-бахтиноведами Мордовского университета, а также обсудить организационные вопросы, касающиеся проведения в 2020 году XVII Международной Бахтинской конференции

16–18 апреля в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарёва прошли открытые лекции Константина Абрековича Баршта, ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук, доктора филологических наук, профессора. На

обсуждение были вынесены следующие темы: «О процессе создания литературного героя в концепциях М.М. Бахтина», «“Преступление и наказание”: творческая история в рисунках Ф.М. Достоевского», «Работа Ф.М. Достоевского над романом “Идиот”», «Теория “мета- лингвистики” М.М. Бахтина: возможные перспективы», «Новые данные о создании Ф.М. Достоевским романа “Бесы”». Также для студентов и аспирантов факультета иностранных языков и филологического факультета профессор Баршт провел мастер-класс «Анализ художественного текста».

По словам К.А. Баршта, говорить о М.М. Бахтине в городе, где он жил и работал, – большая честь. Особый интерес, отметил он, вызывает и тот факт, что на базе Мордовского университета в июле 2020 года пройдет XVII Международная Бахтинская конференция «Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению».